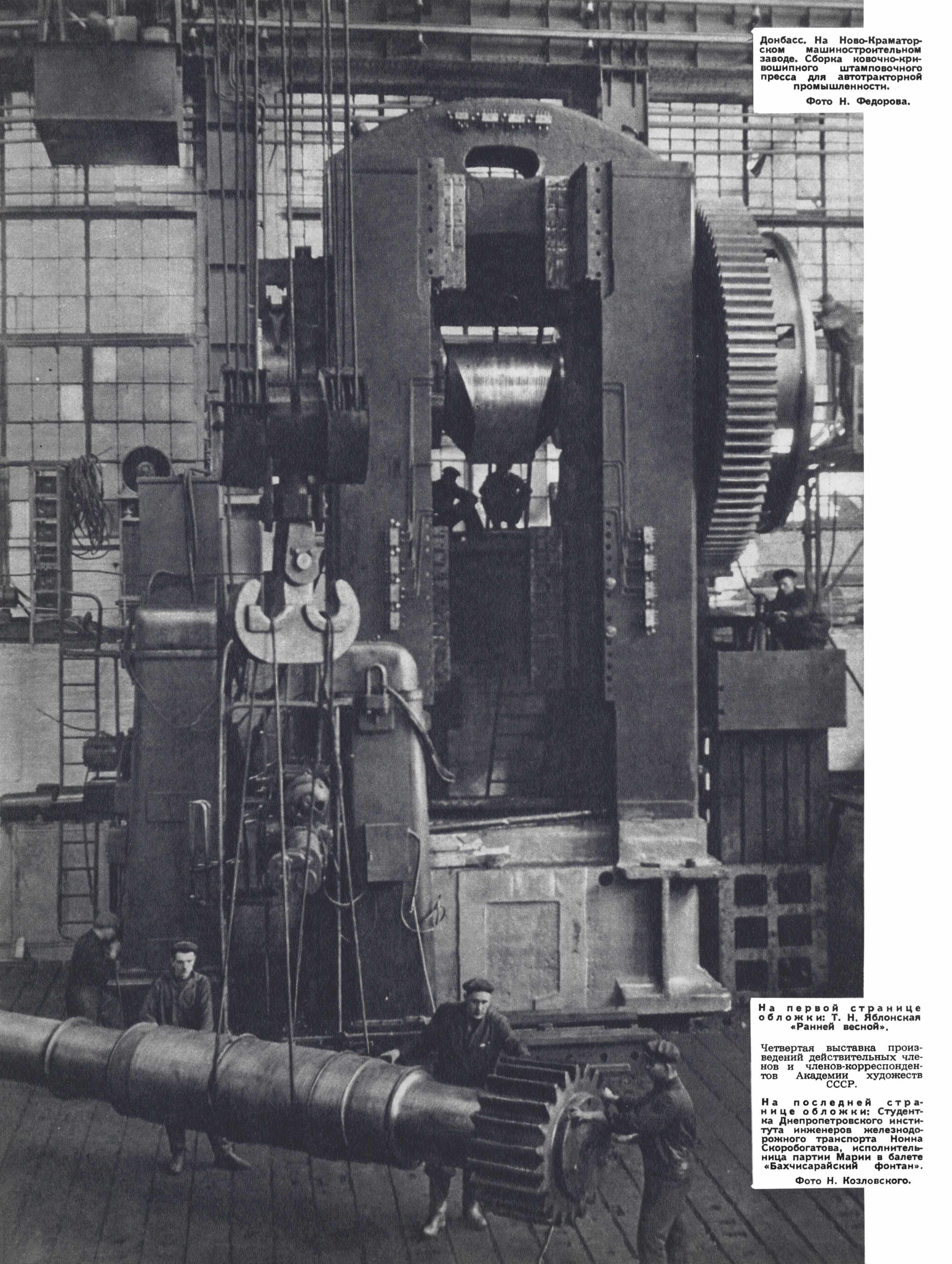

ОГОНЁК

№ 15 АПРЕЛЬ 1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Донбасс. На Ново-Краматорском машиностроительном заводе. Сборка ковочно-кривошипного штамповочного пресса для автотракторной промышленности.

Фото Н. Федорова.

На первой странице обложки: Т. Н. Яблонская «Ранней весной».

Четвертая выставка произведений действительных членов и членов-корреспондентов Академии художеств СССР.

На последней странице обложки: Студентка Днепропетровского института инженеров железнодорожного транспорта Нонна Скоробогатова, исполнительница партии Марии в балете «Бахчисарайский фонтан».

Фото Н. Козловского.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 15 (1556) 7 АПРЕЛЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР призывают партийные, советские, хозяйственные, профсоюзные и комсомольские организации провести обсуждение вопроса о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством на предприятиях, стройках, в научных организациях, в учреждениях, в колхозах, МТС и совхозах, на страницах газет и журналов, обеспечив активное участие самых широких масс трудящихся в обсуждении этого вопроса, имеющего важное значение в деле успешного решения задач коммунистического строительства.

Год от года расти нашим успехам

В нашей стране идет всенародное обсуждение тезисов доклада тов. Н. С. Хрущева на предстоящей сессии Верховного Совета СССР «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством».

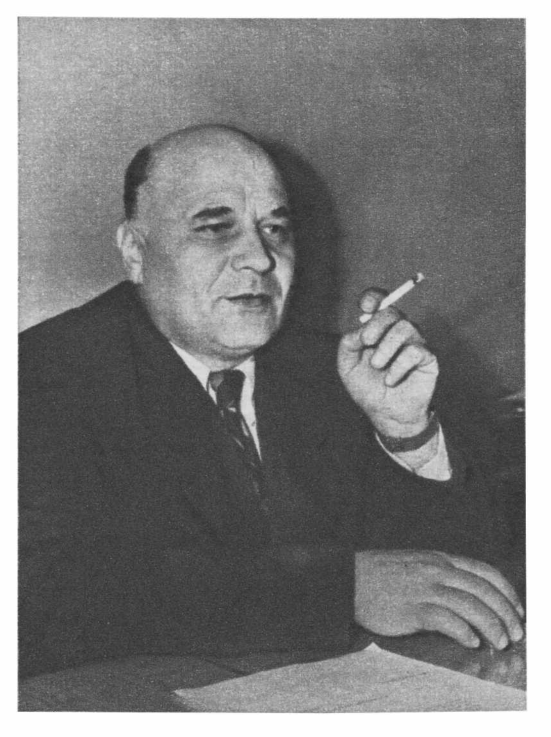
Вот что говорят работники московского завода имени Владимира Ильича:

С. КЕДРОВ,
главный инженер

Перестройка управления промышленностью и строительством, которую наметили ЦК партии и Правительство, откроет перед нашей страной новые возможности дальнейшего роста народного хозяйства.

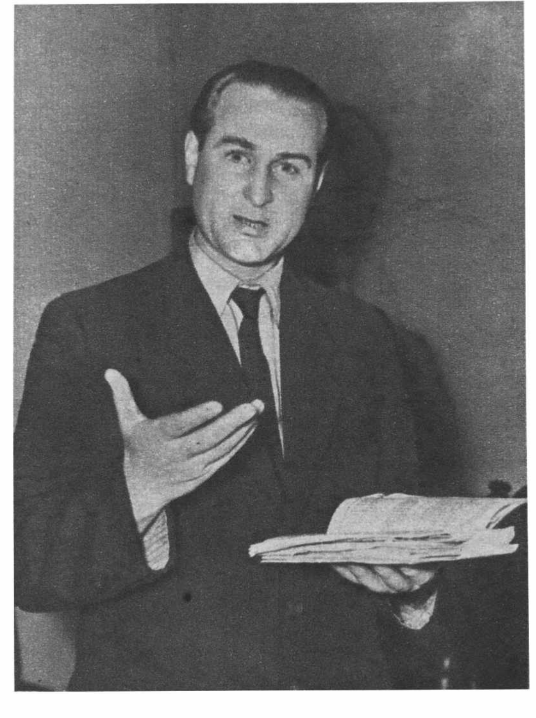
Узковедомственный подход к делу сильно мешает и в большом и в малом. Когда мы покончим с таким подходом, работники промышленности смогут смелее и быстрее устранять те ненормальности, которые еще существуют из-за громоздкости и сложности управленческого аппарата. Приведу один пример: мы отправляли электродвигатели в Казань лишь для того, чтоб там насадили на них шкивы, а затем наша продукция поступала к потребителям, в том числе и московским. Таких примеров из нашей практики можно привести много.

С. КУРОЧКИН,
заместитель главного инженера

Предлагаемая новая система управления через Совнархозы, по единому государственному плану, безусловно, даст еще больший простор развитию производительных сил страны.

Хочу сделать одно замечание. Надо значительно сократить по количеству и по штатам отраслевые научно-исследовательские и проектные институты, а освободившиеся кадры направить непосредственно в заводские конструкторские бюро и лаборатории. Наш завод связан с Всесоюзным электротехническим институтом, в частности с его лабораторией изоляционных материалов. И за ряд лет от лаборатории мы получили очень мало помощи. А если б их специалисты работали у нас, мы не сомневаемся, что результаты были бы другими.

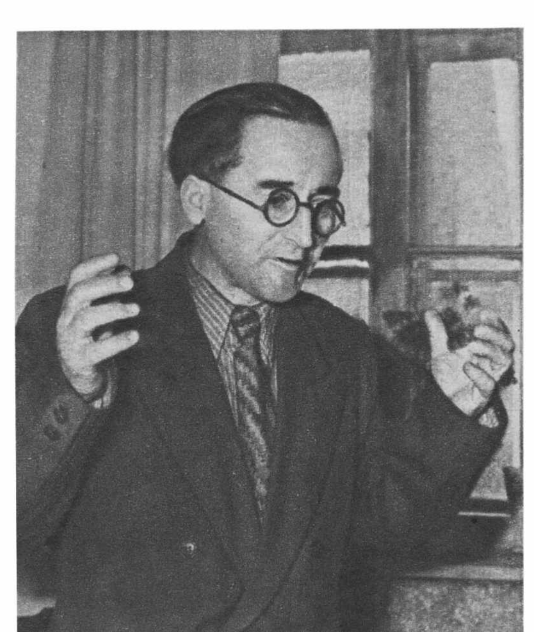
Б. БЕЛОЛИПЕЦКИЙ,
председатель завкома

В связи с реорганизацией управления промышленностью и строительством произойдет, очевидно, и укрупнение профсоюзов. Путь этот, несомненно, правильный. Нетрудно представить, как возрастет инициатива на местах.

И. МИРОНОВ,
начальник планового отдела

Давно назрела необходимость ликвидировать ведомственные барьеры. Судите сами: наш завод получает из города Серова сталь и еще недавно ковал валы для генераторов и отправлял их... на Урал. С большим трудом мы добились отмены этих нерациональных перевозок. Но и сейчас посылаем поковки в Уфу, где достаточно своих кузниц. В то же время поковки идут в Москву с Урала, юга, Ленинграда...

Меры, намечаемые партией и правительством, помогут устранить встречные перевозки, сделают планирование точным, глубоким, обоснованным и реальным.

БОЛЬШЕ ПРАВ — БОЛЬШЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

И. ЕКТОВ,

директор Сталинского металлургического завода

Начну с конкретного факта: долгое время была у нас «узким» местом воздуходувка. Обслуживая доменную печь № 2, она в отдельные периоды давала воздух также и бессемерам; тем самым лимитировалась работа домны и не всегда были обеспечены необходимым количеством дутья бессемеры. Где выход? Нужно строить электровоздуходувку! Если б эта проблема возникла года два назад, она доставила бы нам серьезные хлопоты. Пришлось бы писать в министерство, давать заявку, просить денег и ждать решения — одним словом, понадобилось бы затратить немало времени, усилий и бумаги. Сейчас же мы ликвидировали «узкое» место быстро и сравнительно легко — построили электровоздуходувку без всяких проволочек. Что же так облегчило нашу работу?

Вот что: постановление Совета Министров, которое предоставило нам новые права в планировании, капитальном строительстве и реконструкции, реализации материальных ценностей, в области штатов, заработной платы и финансирования.

Постановление правительства позволило мне, как директору завода, оперативней и плодотворней решать текущие и очень важные для нас производственные вопросы, не тратя времени на согласование, увязки и т. п.

Теперь я самостоятельно, без излишней опеки со стороны вышестоящих органов, утверждаю и изменяю проектные задания и сметно-финансовые расчеты на строительство производственное, жилищно-коммунальное и культурно-бытовое, распоряжаюсь капитальным ремонтом зданий, сооружений и оборудования.

Таким образом, исходя из собственных нужд и возможностей, мы реконструировали доменную печь № 3, в период капитального ремонта блюминга переделали нагревательные колодцы, чем увеличили их тепловую мощность. Расширили базу отдела капитального строительства, построили перерабочный пункт для овощей, увеличили жилищное строительство.

Используя возможности, предоставленные директору Советом Министров, мною решены и некоторые организационные вопросы: объединены кузнечный и механический цехи и отдел механизации; отдел кадров слит с отделом технического обучения.

Немаловажное значение для нас имеет и то, что мы получили право утверждать и изменять структуру и штаты цехов и отделов, а также устанавливать и изменять оклады, конечно, в пределах плана и фонда зарплаты. И мы не замедлили улучшить оплату труда группы опытных мастеров: их оклады повышены до 1 000—1 100 рублей вместо прежних 880—930 рублей.

Происшедшие за последнее время перемены, несомненно, повысили ответственность директоров, привели к положительным результатам.

Мы, работники промышленности, как и все советские люди, с огромным интересом знакомились с тезисами доклада тов. Н. С. Хрущева к сессии Верховного Совета СССР «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». ЦК партии и Совет Министров СССР, придавая исключительно важное значение этому вопросу, решили провести всенародное обсуждение тезисов. Как и всегда, когда в жизни страны возникает необходимость в коренных изменениях, Коммунистическая партия обращается за советом к широким массам трудящихся.

В связи с этим хочу поделиться некоторыми соображениями, которые, как мне кажется, заслуживают внимания. Думается, что, сохранив прежний порядок планирования сверху фонда зарплаты для предприятия, следует разрешить директору самостоятельно определять необходимое количество рабочих.

Ведь на практике часто бывает, что нужно маневрировать людьми. Летом, скажем, в горячих цехах требуется больше рабочих, чем зимой. Или такой случай. В период подготовки к пуску новой воздуходувной станции одновременно работали две воздуходувки: пока новая не была окончательно освоена, старая еще находилась в строю. Следовательно, на этом участке число рабочих временно превышало штатную норму. В то же время есть места, где мы можем занять гораздо меньше людей, чем предполагают вышестоящие и далеко отстоящие от нас органы.

Следует также разрешить директору отпускать и приобретать материалы у предприятий других министерств. В настоящее время, к слову сказать, мы нуждаемся в стальных канатах; нам нужны разного сечения болты, гайки, шланги. Все это есть под боком, в Сталино же, но на шахтах, а они подчинены Министерству угольной промышленности. Ни продать эти материалы, ни даже обменять начальники шахт, как и мы, лишены права.

Немаловажную роль играют на крупных предприятиях научные, конструкторские кадры. Но здесь еще имеются неясности и «тормозы». Мы хотим заполучить специалиста, который думал бы над совершенствованием производственного процесса. Брать его на оперативную должность, даже если она свободна, нет никакого смысла, ибо этот специалист, как я уже сказал, должен изучать и совершенствовать технологию производства, а не заниматься «текучкой». Определить же ему соответствующую его знаниям и его роли зарплату директор не может: этого не позволяют схемы должностных окладов. Не удивительно, что кандидаты наук — редкость на предприятиях. И как только заводской человек становится кандидатом, он уходит в институт, где ставки выше. Между тем заводу, а следовательно, и государству, гораздо выгоднее, если кандидат наук останется на предприятии: опыт показывает, что такой человек, отлично знающий практически данное производство, приносит ему гораздо больше пользы, чем эпизодические наезды «чужих» ученых.

Наконец, нельзя не упомянуть еще об одной проблеме, ждущей своего решения: следует изменить существующую систему планирования расходов сырья. Расскажу о таком парадоксальном явлении: в январе сортопрокатный, листопрокатный цехи и блюминг перевыполнили план, и в результате этого мы вынуждены были... заплатить штраф. А дело вот в чем: цехи имеют определенные планы выпуска продукции, и в соответствии с ними установлен общий расход воды и электроэнергии. Перевыполнение плана потребовало и дополнительного расхода воды и электроэнергии. Это естественно. Неестественно другое: брать штраф за перевыполнение плана. Значит, нужно спрашивать с предприятия не только суммарный расход, а и удельный — на тонну продукции. И тогда уж штрафовать только в случае перерасхода удельных норм.

Вопросов, связанных с расширением прав директоров, много, всех не перечислишь. Быть может, по некоторым проблемам захотят высказаться мои коллеги — директора других предприятий. Возможно, что наши общие пожелания будут полезным вкладом в дело, которому в настоящее время уделяют большое внимание Центральный Комитет партии и Советское правительство.

В Москве, в Большом Кремлевском дворце, состоялось совещание работников сельского хозяйства областей центральной нечерноземной полосы. В конце совещания с большой речью выступил тепло встреченный присутствующими Первый секретарь ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущев.

На снимке: участники совещания (слева направо): Герой Социалистического Труда, доярка колхоза имени Кирова, Рязанской области, А. М. Орлова, председатель колхоза имени Калинина, Рязанской области, С. В. Морозов, зоотехник Угодско-Заводской МТС Калужской области М. Ф. Довгаль и Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Луч», Московской области, Т. С. Пряхин.

Фото А. Гостева.

ШТРИХИ ВЕЛИКОГО ПОРТРЕТА

Рассказ Вадима Александровича

СМОЛЬЯНИНОВА

Вадим Александрович Смольянинов — член партии с 1908 года. С апреля 1921 года он работал помощником управделами Совнаркома и Совета Труда и Обороны, а затем управляющим делами СТО.

I

В последних числах апреля 1921 года меня вызвали в губком и показали телеграмму, только что полученную из Центрального Комитета партии. «Немедленно, — говорилось в ней, — откомандируйте председателя губсовнархоза Смольянинова наше распоряжение». Подпись: «Молотов». Я часто ездил в Москву, но на этот раз мне предстояло, кажется, навсегда покинуть Смоленск. Я думал, гадал, куда направят, в какую губернию. А то, что придется работать в столице, и в голову не приходило...

Но вот сижу на Воздвиженке, в кабинете секретаря ЦК, и слышу слова, которые не сразу доходят до моего сознания: настолько они неожиданны. «Владимиру Ильичу, — говорит Молотов, — нужен секретарь по экономическим вопросам. Мы решили предложить вашу кандидатуру». Я молчу, и Вячеслав Михайлович, видя мою растерянность, добавляет: «Вам ведь знакомы проблемы народного хозяйства...» «Товарищ Молотов, — говорю я, — у меня нет экономического образования». «Зато у вас за плечами немалый опыт совнархозовской работы в губернии. А Ильич как раз и просил нас рекомендовать человека, знакомого с местными условиями, знающего нужды периферии. Что же касается образования — оно дело наживное!» Эти слова Вячеслав Михайлович произносит, уже держа в руке телефонную трубку. Он набирает номер и, дождавшись ответа, говорит: «Владимир Ильич, здравствуйте! У меня сидит смоленский товарищ, о котором мы с вами говорили. Да-да, Смольянинов... Хорошо, Владимир Ильич, ясно!..» И уже обращаясь ко мне: «Ленин примет вас сегодня же, но чуть позже. Свяжитесь с его секретарем, и она точно назначит вам время».

Из гостиницы звоню Фотиевой. Она уже знает обо мне. «Владимир Ильич просил передать, что освободится для разговора с вами примерно через час. Вы где остановились? В «Национале»? Ну так вам до нас десять минут ходу. Ждите моего звонка».

Жду. Думаю о предстоящей встрече с Лениным. Вспоминаю, как в начале века юнцом, пятнадцатилетним подручным слесаря, первый раз услышал я о Ленине. Мне рассказал про него слесарь Ефим Соловьев, один из организаторов большевистских кружков на нашем Алапаевском заводе. Ефим дал мне прочесть книжку, на обложке которой стояло имя Ленина. Она называлась «Шаг вперед, два шага назад». И хотя еще не все в ней было мне понятно, я осознал главное: партия рабочего класса должна быть передовым отрядом, спаянным единством воли, действий и дисциплины... Вскоре я навсегда связал свою жизнь с партией. Дома, в сундучке, на самом его донышке, хранился у меня портрет Ленина. Я мечтал встретиться с Ильичем. Но это сбылось лишь в июне 1917 года. Я служил тогда солдатом в прифронтовых авторемонтных мастерских. У нас сформировалась крепкая партийная организация, ядро которой составили призванные в армию питерские, московские и уральские рабочие. Я был избран от нашей организации на военную конференцию большевиков, которая проходила в Петрограде, в особняке Кшесинской. Вот тут я и увидел впервые Ленина.

А в октябре мне довелось говорить с Ильичем. Это было в Смольном. Только что, на рассвете, закончился II съезд Советов, провозгласивший новую, рабоче-крестьянскую власть. Мы проголосовали за первые ее декреты, которые зачитал Ленин...

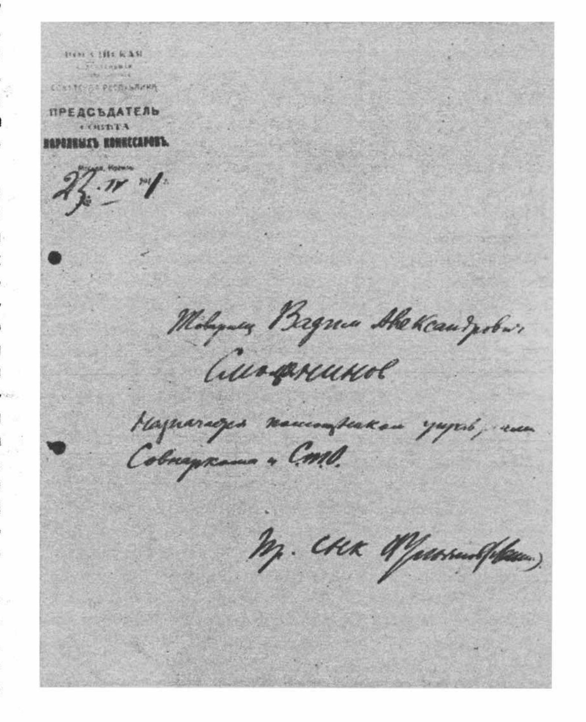
Я шел по одному из дальних, боковых коридоров Смольного. Коридор был пуст. И вдруг я увидел идущего мне навстречу Владимира Ильича. «Здравствуйте, товарищ Ленин!» — громко, по-солдатски отчеканил я, когда мы поравнялись. «Здравствуйте, товарищ... — сказал Ильич, остановившись и пожимая мне руку.— Вы с какого фронта?» «Я из тыловых частей, из Смоленска». «А сами, видимо, уралец?» — спросил он, угадывая мою родину, наверно, по выговору. «Уралец, с Алапаевского завода». «В вашем краю я не бывал, но много слышал о нем от Свердлова». «Как же, — сказал я, — Яков Михайлович приезжал к нам!» «Соскучились, товарищ, по дому?» — спросил Ильич. И тут я решился задать ему вопрос, который все эти дни беспокоил меня. «Скажите, товарищ Ленин, — спросил я, — а что, если с запада нападут на нас немцы, а с востока японцы? Выдюжим мы? Отобьемся от врагов?» Спросил и сразу же внутренне обругал себя за то, что отнимаю у Владимира Ильича время наивными вопросами. Но он, кажется, не счел их такими. Он сказал: «Ваше беспокойство резонно, товарищ уралец. Врагов у нас будет тьма. Не только немцы и японцы, — весь буржуазный мир ополчится на нас. И чтобы отстоять революцию, потребуется немало жертв... Но мы ее отстоим!»

Позже, в последующие годы, я много раз видел и слышал Ильича на съездах Советов и съездах партии. В марте 1921 года я слышал его на X партийном съезде. Ленин произнес вступительное слово, сделал три доклада, выступал с речами, подавал из президиума меткие реплики. Он был полон энергии, боевого задора, оптимизма, которые передавались и нам, делегатам. Мы верили, что выдвинутая Ильичем на съезде новая экономическая политика выведет страну из разрухи. Слушая Ленина, я думал о том, как мы у себя на Смоленщине будем решать поставленные им сложные хозяйственные задачи. Мог ли я предполагать, что в этот трудный переходный период мне доведется работать рядом с Лениным, под его непосредственным руководством...

Телефонный звонок прервал мои размышления. Голос Фотиевой: «Владимир Ильич приносит извинения. Он немного задерживается. Я вам скоро позвоню...» И через четверть часа звонит: «Приходите, пожалуйста!» А еще через десять минут я уже в Кремле, в приемной председателя Совнаркома. Это не только приемная, а в целях экономии площади и зал заседаний. В глубине комнаты дверь в кабинет Ильича. В приемной нет никого, кроме Фотиевой и двух ее молоденьких помощниц. Я единственный ожидающий приема. Собственно, почти не приходится ждать. Едва я успеваю представиться Лидии Александровне, как кто-то выходит от Ильича и можно уже пройти к нему... Я пробыл у Ленина около двух часов, и когда уходил, в приемной по-прежнему не было посетителей. Значит, на то время, пока Ильич принимал меня, больше никто не был приглашен. Да и потом, уже работая в аппарате Совнаркома, я никогда не видел в приемной людей, которые подолгу бы здесь сидели. Дежурные секретари обязаны были так регламентировать прием посетителей, чтобы никто не ожидал Ленина больше пяти минут. Это был предельный срок, за соблюдением которого Ильич строго следил.

...Я хорошо помню беседу с Ильичем. Помню, как, усадив меня в глубокое кожаное кресло и сам устроившись в кресле напротив, Ильич сказал: «Вы молодо выглядите. Сколько вам лет?» «Тридцать». Еще несколько вопросов Ильича о том, как я устроился с жильем в Москве, есть ли у меня семья, давно ли я в Смоленске, — и волнение, с которым я вошел сюда, постепенно исчезло. А вместе с ним и чувство скованности. Я смелею и напоминаю Ильичу о солдате, который встретился ему в октябре семнадцатого года в коридоре Смольного. Тот солдат беспокоился, одолеем ли мы врагов. «Как видите, белогвардейцев и интервентов почти одолели! — говорит Ильич. — Осталось очистить Дальний Восток... Но теперь перед нами самый страшный враг — разруха». «И ее одолеем!» — говорю я и рассказываю Владимиру Ильичу, как мы восстанавливаем хозяйство на Смоленщине.

Ильич — весь внимание. Ему все интересно: и как мы в разгар войны наладили выпуск тачанок, и как проводим весенний сплав леса, обеспечивая железную дорогу топливом, как национализировали деревообделочную фабрику братьев-англичан Герхардов и научились

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
СОВѢТА
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ

23.IV.1921 г.

Товарищ Вадим Александрович
Смольянинов
назначается помощником управделами
Совнаркома и СТО.

Пр. СНК В. Ульянов (Ленин)

делать веретена для текстильной промышленности, как растим лен и дубим кожу, как помогаем Москве молоком, яйцами.

А когда я рассказываю о двух вагонах соли, которую мы променяли крестьянам на хлеб, Ильич встает и начинает ходить по комнате. «Вот это браво! — говорит он. — Это сейчас архиважно. Товарообмен между городом и деревней, между промышленностью и земледелием! Торговля! Тот из коммунистов, кто организует в деревне оборот соли, керосина, ситца, спичек, принесет нам сейчас гораздо больше пользы, чем все эти праздно-болтающие блюстители «чистоты коммунизма», вместе взятые...» Долго говорил Ильич, расхаживая по кабинету. Позже, прочитав знаменитую его статью «О продовольственном налоге», законченную им за два дня до нашей беседы, я нашел в ней многое из того, что услышал в то утро от Ильича...

Ленин сказал, что я буду работать в Совете Труда и Обороны. Это комиссия при Совнаркоме, которая координирует деятельность хозяйственных наркоматов и местных экономических органов. «Самое главное сейчас, — сказал Ильич, — связь с местами, с периферией. Там решается успех всего нашего дела, всей нашей новой экономической политики. Не вытянем губернию, уезд, волость — завязнет все государство...» Беседа подходит к концу. Ильич садится за стол, что-то быстро пишет на бланке, отрывает листок и протягивает мне: «Передайте, пожалуйста, Лидии Александровне». Я читаю: «Товарищ Вадим Александрович Смольянинов назначается помощником управделами Совнаркома и С. Т. О».

II

Первые дни в Кремле, в аппарате Совнаркома. Народ тут хороший, простой. Атмосфера дружбы, товарищества. Много питерцев, пришедших в Совнарком сразу же после революции. К новичку доброжелательное отношение. Доброжелателен и управляющий делами Николай Петрович Горбунов. Он тут старожил, тоже с октября. Правда, у него был перерыв: уходил на войну. Он помогает мне, учит. Но больше всего, конечно, учишься, наблюдая, как работает Ленин.

В те дни Владимир Ильич трудился над документом, который стал потом известен как «Наказ от СТО». Это было наставление, наказ от Совета Труда и Обороны местным советским учреждениям. В нем Ленин сформулировал основные задачи текущего момента: подъем промышленности; подъем сельского хозяйства; улучшение положения рабочих и крестьян; товарообмен; борьба с бюрократизмом и волокитой. И красной нитью мысль: ни одна из этих задач не может быть решена без местной инициативы, без местного почина. По идее Ленина, в каждой губернии, в уезде, в волости вводились экономические совещания — ЭКОСО, — которые должны были направлять все местное хозяйственное строительство и согласовывать его с общегосударственным планом... «Наказ от СТО» и сейчас во многом злободневен. Когда в недавнем постановлении Пленума ЦК партии я прочитал слова о том, что «центр тяжести оперативного управления промышленностью и строительством должен быть перенесен на места», я подумал: вот ленинский стиль, вот ленинский подход к делу...

Ильич все время держал руку на пульсе страны. Вся она была у него перед глазами.

Вот маленькая Кашира, где строится одна из первых советских электростанций.

Заботу о Кашире Ильич всегда держал в голове, чем бы он ни был занят. Докладываешь ему по какому-то вопросу, а в конце он обязательно спросит: «Что слышно на Кашире? Были вы там? Звонили вам оттуда?»

Я перечитал недавно ленинские письма, записки, телеграммы, телефонограммы по поводу Каширской стройки. Вот письмо в Наркомпуть: все грузы для Каширы продвигать в самом экстренном порядке. Записка в Главтоп: выделить Кашире кокс. Телефонограмма в Наркомтруд: прислать двести плотников и сто каменщиков. Телеграмма в Тульский губпродком: отпустить 5 000 пудов овса... Страна была измучена, бедна, и, чтобы достать несколько ящиков гаек и сотню брезентовых палаток, требовалась помощь председателя Совнаркома. Не хватало специалистов, и Ильич раздобывал людей. Кто-то сообщил ему, что в Симбирске живут опытные электротехники братья Зубановы. «Земляки мне не откажут!» — пошутил Ильич и послал в Симбирск телеграмму: откомандировать Зубановых в Каширу. Братья прибыли на стройку. Они были горды, что их вызвал сам Ленин...

Ильич часто посылал меня на строительную площадку. Как-то он приехал утром из Горок очень взволнованный. Не заходя на квартиру, прошел к себе в кабинет и позвонил мне: «Прошу зайти». Когда я вошел, он сказал: «Сейчас же поезжайте к Цюрупе. Я проехал по Каширской дороге и видел, что столбы чуть не валятся на землю. Мы с шофером выходили и смотрели...» Владимир Ильич имел в виду опорные столбы для будущей линии электропередачи Кашира — Москва. «Работа, по-моему, плохая,— продолжал он. — Не будет ли из-за этого несчастных случаев? Я напишу записку Цюрупе. Берите мою машину, езжайте». С Георгием Дмитриевичем Цюрупой, главным инженером Каширстроя, мы проехали по всей трассе электропередачи. Большинство опор не вызывало опасений. А некоторые еще монтировались, стояли наклонно. Они-то и попались на глаза Ильичу. Монтажники обязаны были хотя бы временно укрепить их или, во всяком случае, оградить, но не сделали этого. Теперь были приняты меры предосторожности. Я доложил о них Ильичу.

Все основное оборудование для Каширы мы вынуждены были заказывать заграничным фирмам. И Владимир Ильич все время теребил наших торгпредов в Германии, в Англии, в Швеции: как с турбинами, как с генераторами, как с трансформаторами? Из Швеции сообщили, что трансформаторы давно уже отгружены в Ревель. А из Каширы жалуются: нельзя монтировать подстанцию — нет трансформаторов. Где же они? Запрашиваем снова Стокгольм, звоним в НКПС, в Наркомвнешторг и находим груз под снегом во дворе московской таможни. Таможенники ссылаются, что в документах, мол, не указан адрес получателя... Ох, и рассердился ж Ильич на этих бездушных чиновников! «Передайте дело в Чека!» — сказал он мне.

В декабре во льдах Финского залива застрял пароход «Фрида Горн». Судну предстояла зимовка. А в его трюмах находилось 110 ящиков с изоляторами для Каширы... Узнав об этом, Ильич встревожился. Он продиктовал телефонограмму в Наркомвнешторг:

«Срочно сообщите, какие меры Вами приняты для изъятия... ящиков из парохода и для переотправки их в Каширу. Кроме того, по сообщению Каширстроя, вне пределов России находится 11 900 изоляторов, отправленных 7 ноября с завода Розенталь. Принимая во внимание случай с пароходом «Фрида Горн», необходимо уже теперь озаботиться о новом маршруте отправки этих изоляторов, причем, как наиболее верный способ, их надо отправить по железной дороге с проводником до Москвы и сдать изоляторы под расписку конторе Каширстроя: Малый Черкасский, Калязинское подворье, Каширстрой. О принятых мерах и результатах поставьте немедленно в известность тов. Смольянинова».

Эту телефонограмму Владимир Ильич подписал при мне. Подписал, задумался и сказал, как бы размышляя вслух: «Скоро вырвемся из этой проклятой зависимости! Скоро все будем делать сами...»

Приближался пуск электростанции. Каждое утро я созванивался с Каширой и докладывал Ильичу, как идут предпусковые работы. Прогреты котлы... Опробована турбина... Поставлен на обсушку генератор... Смонтирован распределительный щит... И вот я уже спешу к Ильичу с самой радостной вестью: каширский ток в Москве! Вхожу в кабинет, а Ильич мне навстречу. «Знаю, знаю! — говорит. — Ночью мне звонил Цюрупа... Вот и одержали мы нашу первую маленькую победу!» Голос веселый, глаза веселые, и вижу, что счастлив он безмерно...

Не только Кашира, но и Шатура и Волхов заботили Ильича. План ГОЭЛРО он всегда держал под руками. Он хотел, чтобы электричество быстрее входило в жизнь, в быт народа.

Все новое в технике, в науке влекло, притягивало к себе Ильича.

Известно, какую помощь оказал Ильич Роберту Эдуардовичу Классону, изобретателю гидравлического способа добычи торфа. Ленин знал этого инженера еще по девяностым годам, когда Классон был близок к марксистскому кружку. На квартире Классона в Петербурге Ильич встретился с Надеждой Крупской. Позже Классон изменил марксизму, примкнул к Струве, а затем вообще отошел от политической деятельности... Старый большевик, хороший знакомый Ильича по подполью, Иван Иванович Радченко, председатель Главторфа, относился с недоверием к Классону, к его «политическому лицу», а заодно и к его изобретению. Он, в частности, возражал против посылки инженера за границу, где нужно было купить оборудование. Ильич взял под защиту Классона и его изобретение. Он написал Радченко: «...Не придирайтесь к Гидроторфу. Это дело **законом** признано имеющим **исключит[ельную]** важность... Я превосходно знаю и высоко ценю вашу заслугу в постановке Главторфа. Вы его поставили образцово. Оч[ень] прошу: **не делайте ошибки**, не придирайтесь к Гидроторфу». Классон был послан в Германию, вернулся с машинами, и на шатурских болотах были развернуты большие работы. Я неоднократно ездил туда по заданию Ильича. Да и Классон не раз бывал в Кремле у Ленина, так же, как бывали у него Губкин, Книпович. Ленин ценил ученых.

Изобретатели, люди с фантазией и даже с «причудинкой», были «слабостью» Ильича. Он любил таких людей. В том же письме к Радченко он писал: «С изобретателями, даже если немного капризничают, надо уметь вести дело». И изобретатели шли, можно сказать, косяком к Ильичу. Иногда мы старались оградить его от слишком чудаковатых людей. Таким мы с Горбуновым сочли, грешным делом, агронома Козьмина. У него была идея создания «Главветра» и «Главсолнца». Нам это казалось не очень-то реальным. А Ильич, получив от Козьмина длиннющее послание, в тот же день его прочитал, нашел в нем немало рационального и со своими пометками переслал в ГОЭЛРО Кржижановскому. И многое из того, что предлагал Козьмин, особенно по использованию ветровой энергии для электрификации деревни, было включено в планы...

Прочитал Ильич, что в Харькове некий Чейко открыл магнитные лучи огромного теплового эффекта, и пишет: «Надо выписать изобретателя сюда; показать... Лазареву, свозить в Нижний...» Лазарев был известный физик. А в Нижнем Новгороде находилась радиолаборатория.

Каждый из нас получил десятки, сотни записок Ильича. Он писал их на листках из блокнота, на обороте телеграмм, на полях писем, отчетов, газет. В этих записках, лаконичных, точных, абсолютно ясных, — сгусток мыслей, забот, планов.

Вот ложится ко мне на стол газета «Всероссийская кочегарка», и на полях ее, около заметки «Возрождение Донбасса», стремительным ленинским почерком:

«Посылаю к сведению. Нельзя-ли поручить кому-либо (Струмилину?) два раза в месяц **итоговые данные о росте пр[ои]з[водст]ва в Донбассе!»**.

Вот боевое, как на войне, распоряжение:

«Надо двинуть посильнее вопрос о **хлопке** на Кавказе в Азерб[айджане] (Муганская степь) и в Армении».

Просьба к секретарю:

«Найдите еще у меня бумаги о сантонине и дайте Смол[ьянино]ву или Горб[уно]ву на **спешное** изучение».

И вот записка, очень характерная для Ильича с его глубоким проникновением в каждое дело, с его тревогой за это дело. Речь идет о первой Карской экспедиции. Пароходы должны доставить груз в устья Оби и Енисея.

«т. Смольянинов! **Я оче[нь]** боюсь, ч[то] оптимизм Лежавы **неосновател**ен. Запросите **факты**, проверьте их. Проверьте лично и **дважды**. Потом поговорите по прямому проводу... Без всего этого **я не** поверю ч[то] дело **ОБЕСПЕЧЕНО»**.

У Владимира Ильича было много источников, по которым он следил за жизнью страны, и среди них самый, пожалуй, любимый — газеты. День он начинал с чтения прессы. Приходя утром на работу, Ильич приносил с собой толстую пачку прочитанных за завтраком газет. И каждая из них была испещрена ка-

рандашными подчеркиваниями, восклицательными и вопросительными знаками, стрелками, кружками и характерными ильичевскими пометками, вроде «NB», «гм-гм!», «верно!». Как он успевал столько прочесть за каких-нибудь полчаса! Ильич читал удивительно быстро и весьма своеобразно: не от строки к строке, а как бы охватывая глазами всю страницу целиком. Помню, я принес ему только что полученную из-за границы книгу американского селекционера Лютера Бербанка «Жатва жизни». Ильич сразу при мне прочитал ее, стремительно перелистывая страницы. Именно прочитал, а не просмотрел, и тут же начал подробно комментировать труд Бербанка, пересказывая при этом содержание и излагая мысли автора. Книга понравилась Ленину. Он сказал: «Пошлите в Госиздат. Пусть переведут и побыстрее напечатают».

В. И. Ленин на Красной площади в Москве 1 мая 1919 года.

Так вот, о газетах...

В один из первых дней моей работы в Совнаркоме Ильич, когда я пришел к нему с докладом по какому-то вопросу, протянул мне свежий номер «Известий» и спросил: «Читали?» «Нет,— сказал я,— еще не успел, Владимир Ильич». «Жаль, я думал, что вы уже обратили внимание вот на эту статейку.— И он ткнул карандашом в отчеркнутый жирной чертой фельетон на второй странице. — Прочитайте, пригласите автора, расспросите у него подробности». Ильич никогда не говорил: «вызовите»; говорил: «пригласите». «А потом, — продолжал он, — свяжитесь с Наро-Фоминском. Возмутительное развели там безобразие! Завтра же жду от вас обстоятельной информации по этому поводу». В фельетоне говорилось о Наро-Фоминской текстильной фабрике, которая вот уже третью неделю простаивает из-за отсутствия топлива. А дрова, как пишет газета, лежат в пятистах метрах на берегу реки... У меня побывал автор фельетона. Я позвонил в Главтекстиль, и оттуда сообщили, что директору «давно даны соответствующие указания». А директор сослался на городской Совет, который не высылает подвод для вывозки топлива. Председатель же горсовета пожаловался на директора, который не переводит денег в банк... Звонки из Совнаркома, «от Ленина», возымели свое действие, и на другой день я докладывал Владимиру Ильичу, что дрова доставлены и фабрика пущена. «Ах, волокитчики! Ах, канительщики!—возмущался Ильич, выслушав мой рассказ о наро-фоминских «порядках».— Под суд бы их!» Так впервые высказал он при мне мысль о суде над бюрократами и волокитчиками, к которой не раз потом возвращался. Но об этом ниже...

Чтобы не попасть больше впросак, я стал прочитывать газеты рано, как только они приходили. И когда Ильич протягивал мне теперь газету с каким-нибудь привлекшим его внимание материалом, я уже знал, о чем там идет речь... По утрам я часто находил у себя в кабинете на столе номер «Правды», или «Известий», или «Экономической жизни» с приколотой запиской от Владимира Ильича. Вот с такой, например:

«т. Смольянинов!

Я послал **три** запроса (в **НКПС**, в **НТО ВСНХ**, в **Госплан**).

Прошу Вас непременно проверить, следить, не допускать промедления и **извещать меня** по телефону о ходе этого дела».

Записка эта была приколота к номеру «Известий» со статьей «Новые пути оживления железнодорожного транспорта». Автор сообщал, что за границей вместо локомотива применяется в некоторых случаях обыкновенный, слегка переделанный грузовик в 30 лошадиных сил. Такой грузовик на испытаниях в Лондоне, проведенных по идее русского инженера Кузнецова, свободно тянул поезд в 9—10 вагонов со скоростью 20 верст в час... Все это заинтересовало Ильича, и он послал запросы, которые я должен был проконтролировать.

А к газете, в которой сообщалось об испытании в Казани рупора, «усиливающего телефон и говорящего толпе», была приложена такая ленинская записка:

«Прошу Горбунова или Смольянинова (того, у кого больше технич[еских] знаний по телефонам) прочесть и написать мне отзыв об этом деле...».

И еще записка:

«Прошу сообщить, будет ли конец статьи Леви в «Экономической Жизни» об электрическом снабжении России? Когда будет помещено? Будут ли там сводные данные о развитии числа и силы электростанций по годам, за 18, 19, 20 и 21 г., хотя не полный год. Мне необходимо, чтобы эти сведения были помещены во вторнику. В понедельник мне позвонить».

Или вот просьба послать в Харьков телефонограмму такого содержания:

«Кактынь в Экон[омической] Жизни описывает чудовищные хищения и безобразную бесхозяйственность в Криворожском бассейне. Обратите внимание, установите поточнее персонально ответственных лиц».

Ленин был внимательным, пытливым читателем не только «Правды», «Известий», «Экономической жизни», но и многих периферийных газет, вроде «Всероссийской кочегарки». Была еще одна газета, ни одного номера которой Ильич не пропускал. Я имею в виду стенновку, выходившую в управлении делами Совнаркома и СТО. Как только вывешивался очередной ее номер, Владимира Ильича можно было видеть среди первых читателей, обступивших стенгазету. Он прочитывал все заметки, разглядывал карикатуры и даже любопытствовал, «кому что снится».

III

Волокита, бюрократизм, равнодушие вызывали у Ильича негодование.

У меня на памяти такой случай. В Совнарком пришла телеграфная жалоба из какой-то воинской части, которой по вине снабжающих органов недодали хлеба. По указанию Ильича я направил эту телеграмму народному комиссару продовольствия. И предупредил его по телефону, что Ленин требует немедленной отгрузки хлеба. Прошло три дня. Из Наркомпрода «ни ответа, ни привета». Звоню наркому. «Все, — говорит, — в порядке. Телеграмму я сразу же передал моему заместителю. Он должен был принять меры». Звоню заму. «Знаю, знаю, — говорит. — Мною дано указание хлебному отделу». Звоню начальнику хлебного отдела. «Телеграмма у исполнителя такого-то». Дозвонился я и до исполнителя. Хлеб, оказывается, до сих пор не отгружен... Узнав об этом, Ленин возмутился и поручил заместителю наркома РКИ В. А. Аванесову провести в Наркомпроде срочное расследование волокиты. И вот на заседании Совета Труда и Обороны Аванесов докладывает о результатах проверки. Да, телеграмма действительно ходила по канцеляриям три дня. Но виновников, собственно, нет: бумага ни у кого не залеживалась, а шла нормально по инстанциям. «Как вы говорите? Нормально?» — переспросил Ленин, и в зале послышался смешок. Но Ильич нахмурился, в глазах у него метнулись грозные искорки, и стало понятно, что сейчас не до шуток. Все притихли. «Формально нормально, — зло сказал Владимир Ильич,— а по существу издевательство. Вот бы любого наркомпродовского волокитчика в солдатскую шкуру и с пустым брюхом в караул... Травить, судить будем за волокиту!»

Узнал Ильич и о мытарствах, которые претерпел главный инженер Волховстроя Генрих Осипович Графтио, добиваясь в центральных учреждениях помощи строительству. Куда бы он ни обращался, с ним были любезны, признавали «большое», «ударное», «первостепенное» значение стройки, а на деле относили ее ко второй очереди. И, как следствие, урезывалась программа, сокращались пайки, работы замораживались. Измаявшись с бюрократами, Графтио обратился с письмом к Ленину, вы-

ложив ему все свои беды. Я был как раз в кабинете у Ильича, когда он читал горестное послание Генриха Осиповича. Читал и тут же комментировал его в довольно-таки резких выражениях по адресу волокитчиков... На ближайшем заседании СТО Ленин поставил вопрос о Волховстрое. Работы на Волхове были отнесены к разряду внеочередных. А заявление Графтио Ильич переслал в Наркомюст вместе со своим письмом к наркому Курскому. Этот замечательный ленинский документ, в котором клеймится волокита, широко известен. Мне хочется лишь напомнить изложенное в этом письме требование Ильича поставить на суд в Москве четыре — шесть дел о волоките, подобрав случаи «поярче» и превратив такой суд в «политическое дело».

А по поводу задержки с изготовлением пробных плугов системы Фаулера Ильич даже составил примерный «приговор» волокитчикам, который гласил:

«Придавая исключительное значение гласному суду по делам о волоките, выносим на этот раз мягчайший приговор в виду исключительно редкой добросовестности обвиняемых, предупреждая при сем, что впредь будем карать за волокиту и **святеньких, но безруких** болванов (суд, пожалуй, повежливее выразится), ибо нам, РСФСР, нужна не святость, а **уменье** вести дело»...

И далее:

«...**весь фабком** этого завода и **весь** состав правления профсоюза (соответственного) и весь состав комъячейки такого то завода или таких заводов объявляем **виновными** в волоките, безрукости, в попустительстве бюрократизму и объявляем **строгий выговор** и **общественное** порицание, с предупреждением, что только на первый раз так мягко караем, а впредь будем сажать за это профсоюзовскую и коммунистическую сволочь (суд, пожалуй, помягче выразится) в тюрьму беспощадно».

Я помню, что в Москве прошло несколько показательных судебных процессов над волокитчиками и бюрократами. Судили, в частности, некоего Артюхова, работника Наркомпрода. К нему в руки попало заявление крестьян ряда волостей Московской губернии с просьбой освободить от продналога, так как их поля побило градом. Это ходатайство пролежало без ответа в столе у Артюхова два с половиной месяца... Бюрократ был предан суду. Сохранилась записка Ленина в Московский революционный трибунал по поводу этого процесса:

«По постановлению коллегии МЧК Вам передано дело о волоките в Наркомпроде (дело Артюхова, Якова Степановича).

Прошу это важное дело рассмотреть в кратчайший срок и приговор сообщить мне.

Предсовнаркома Владимир Ульянов (Ленин).

P. S. Крайне важно — с точки зрения и партийной и политической — во исполнение решения 8 съезда советов, особенно, чтобы суд по делу о волоките был наиболее торжественный, **воспитательный** и приговор достаточно внушителен».

Ильичу претили всякого рода бюрократическое высокомерие, зазнайство, проявлявшиеся у отдельных работников. Он называл таких «чиновниками с пышными советскими титулами» и клеймил их беспощадно. Мне довелось быть свидетелем, как Ильич обрушился во время заседания Совнаркома на председателя правления Государственного банка. Это был самонадеянный, преисполненный амбиции человек. Вел он себя вызывающе. Вот и на этот раз, оставшись недовольным каким-то решением, он демонстративно захлопнул с шумом портфель, встал и направился к двери. Но был остановлен резким окриком Ильича: «Вернитесь! Сядьте!» Этому гневному голосу нельзя было не подчиниться. Я еще никогда не видел Ленина таким. «Кто вы такой? — сказал он.— Откуда у вас эта чванливость, эти повадки вельможи? Народ посадил вас в государственное кресло. Но он же, народ, может и дать вам пинка...» Кое-кто из присутствовавших на заседании счел потом, что Владимир Ильич слишком-де резко обошелся с председателем Госбанка. А я думаю, что Ленин уже тогда со свойственным ему удивительным проникновением в сущность человека распознал в этом «деятеле» отвратительные черты, которые позже развились и толкнули на путь измены: очутившись в заграничной командировке, он не вернулся на родину...

IV

Ильич зорко следил, чтобы «страшная бацилла волокиты, бюрократизма и безответственности» — это его выражение — не заразила аппарат Совнаркома.

Кажется, на третий или четвертый день моей работы в Кремле Николай Петрович Горбунов с ужасно расстроенным выражением на лице показал мне записку, которую принесла ему от Ильича дежурный секретарь. В записке говорилось, что телефонограмма, принятая 25 апреля, в 11 часов 25 минут, была вручена ему, Ленину, лишь 26 апреля, в 12 часов.

«Верх безобразия!

Предлагаю Вам тотчас произвести точное и полное расследование, установить виновных и дать мне материал. Надо пересмотреть и установить заново распорядок работ канцелярии».

В другой раз досталось секретарю:

«С делом о Шатурке (№ 3 в обложке) Вы явно виноваты.

Получено — 14.IV.

Сегодня 23.V.

Вы засолили, не напомнив ни мне, ни Смольянинову. Так нельзя.

Нельзя солить. Надо либо читать самой — либо давать читать Смольянинову, либо Горбунову.»

Но попало и тому, кто прислал бумаги, — Ивану Ивановичу Радченко, председателю Главторфа. И знаете, за что? За то, что, не получая больше месяца ответа, молчал, не поднял тревоги, не бил в набат. И еще за то, что направил бумаги «архиобъемистые. **Без отдельно выписанных** ясных предложений... Деловые выводы Вы сами должны делать, а не меня заставлять извлекать из десятка страниц 5 строк деловых выводов».

Ильич как-то сказал мне: «К вам поступила жалоба, просьба. Так вообразите же себя на месте жалобщика, постарайтесь душой, сердцем понять его положение. Сочтите, что это вам не отвечают на заявление, что это вас не допускают к начальнику, к которому вы стремитесь попасть. Или вот человек просит квартиру. Поднатужьтесь, напрягите всю свою фантазию и картинно представьте себе, что это у вас нет квартиры, что это вы скитаетесь с семьей по углам... И тогда вы наверняка найдете возможность помочь просителю. Это не филантропия. Это коммунистический подход к человеку».

Ильич только так и подходил к людям. И потому строго взыскивал с нас за каждое заявление, пролежавшее в столе лишний час. Сам он читал письма сразу, как только они поступали к нему, и тут же отвечал. И уж непременно подписывался. Я говорю об этом в связи с тем, что получил недавно личное письмо от секретаря одного из обкомов партии. В конце вместо подписи стояло факсимиле, печатка.

При всей своей невероятной занятости Владимир Ильич старался принять каждого, кто желал с ним встретиться. Я уже говорил, как был организован прием посетителей. Прочтите записку, в которой Ленин выговаривает коменданту Кремля за то, что человека, шедшего в Совнарком, задержали в воротах и не разрешили ему позвонить в приемную. Ильич требует в этой записке, «чтобы был создан такой порядок, при котором **идущие ко мне, хотя бы без всяких пропусков,** имели возможность, **без малейшей задержки, созвониться и из ворот Кремля и из подъезда Совнаркома,** с моим секретариатом...»

Аппарат Совнаркома был небольшой: человек пятьдесят, включая сюда и Ленина и двух его заместителей. Ильич считал такой штат вполне достаточным, часто повторяя свою любимую поговорку: «Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан». Иначе говоря, лучше два—три толковых, энергичных работника, чем десять ротозеев. Можно обойтись и малым штатом, если люди умело подобраны, приучены к порядку и обязанности между ними правильно распределены. Этому последнему обстоятельству Ильич придавал особенно важное значение. Он писал Горбунову:

«Пользуюсь... поводом, ч[то]бы указать Вам на необходимость правильного распределения работ между Вами и Смол[ьянино]вым...

Надо точно распределить функции между Вами и См[ольянино]вым. Каждый должен **«вести надзор»** за определенными **делами** (электроплуги; Гидроторф; колл[ективное] снабж[ение]; тарифы и т. д. и т. п.)...

Я думаю, что когда вас будет трое (Вы + См[ольянино]в + Б. Волин или кто другой...), то этого будет достаточно (при небольшом числе канцелярских помощников) для ведения всей работы, — конечно, при условии абсолютной аккуратности, с одной стороны, а, с другой, при условии передачи всего, что можно и должно передать, в **Э[кономическую] Ж[изнь]**, в **Госплан** и в другие соответств[ующие] учреждения.»

Владимир Ильич был педантично аккуратен и точен в делах. Сравниваться с ним в этом мы, понятно, не могли. А подтягиваться приходилось! Старались держать всю нашу «канцелярию» в ажуре. Но бывали и промашки. Бывало, и подводили Ильича, как это произошло в случае с Сибревкомом. В Сибири достраивалась железная дорога для перевозки угля с Южно-Кузнецких копей. Наркомпуть возбудил ходатайство о передаче ему этой дороги во временную эксплуатацию. И СТО принял такое решение. Сибревком же, узнав об этом, запротестовал, резонно считая, что пользоваться недостроенной дорогой нельзя. В своем протесте сибиряки ссылались на документ, который они послали ранее в Совнарком и который разъяснял истинное положение вещей. Действительно, такая бумага лежала в наших папках, но мы забыли доложить о ней Ленину. А она все дело меняла... Мы с Горбуновым ужасно переживали эту нашу оплошность: ведь из-за нас Ильич подписал неправильное решение. Правда, оно не успело войти в силу: было тут же отменено по настоянию Ленина. Он был чужд «чести мундира». Ошибся — исправь!

Кстати о Наркомпути. Это ведомство стремилось все и вся забрать под свою эгиду и в связи с такой его тенденцией часто вступало в конфликты с местными органами. На одном из заседаний Совета Труда и Обороны разбирался спор между НКПС и каким-то губисполкомом, кажется, Тамбовским. Речь шла о маленькой фабричной узкоколейке с паровозом и десятком вагонов, которую Наркомпуть желал подчинить себе, а губерния не отдавала. Представитель наркомата выступал весьма рьяно, а товарищ с периферии оказался не говорлив, и чашка весов начала было склоняться в сторону НКПС. Ленин, выслушав все доводы за и против, резюмировал. «Нельзя же все отдавать НКПС,— сказал он,— все, вплоть до детских колясок, поскольку они тоже есть средство передвижения...» И всем стала очевидной вся никчемность спора, затеянного наркоматом, вся нелепость его притязаний.

И еще раз о Наркомпути. Но теперь уже в личном плане. О том, как я пострадал от НКПС.

Владимир Ильич послал меня в Петроград вместе с одним из своих заместителей. Я уже не помню сейчас цели командировки. Знаю только, что я должен был пробыть в Питере воскресный день и в понедельник непременно вернуться в Москву. По вторникам собирался СТО, и мне еще нужно было подготовить кое-какие материалы к заседанию. Ехали мы в отдельном, или, как тогда говорили, в «протекционном», вагоне, выделенном НКПС в распоряжение зампреда Совнаркома. Вот этот «протекционный» и подвел меня. Закончив дело в Петрограде, я приехал на вокзал раньше моего шефа, задержавшегося в Смольном, разыскал наш вагон и, уверенный, что в назначенный час его прицепят к составу, лег спать. Сквозь сон я слышал толчки и потом стук колес. Но каково же было мое удивление, когда утром, проснувшись, я обнаружил, что нахожусь в Петрограде! Зампред, оказывается, передумал и решил ехать в понедельник. Ночью вагон отвели на дальний запасной путь. Словом, вернулся я в Кремль лишь во вторник. Мне сказали, что накануне Ленин несколько раз спрашивал меня... И вот я направляюсь с повинной к Ильичу. Он хмуро здоровается. Я коротко объясняю, как все произошло. Лицо Ильича все более мрачнеет, и я вижу, что он рассержен не на шутку. «Я отвергаю все ваши оправ-

дания, — говорит он, — ибо поступок ваш не может быть оправдан. Вы недавний солдат, и вас следовало бы судить военным трибуналом... — Он выходит из-за стола, начинает быстро прохаживаться по кабинету, а это первый признак его большого волнения. — Говорим, кричим, трезвоним о дисциплине. А сами попираем ее в собственном доме! — Подходит ко мне вплотную, видит мою невероятную растерянность, смягчается. — Ну почему вы проявили такую беспечность? Сели бы в обыкновенный плацкартный вагон и были бы своевременно доставлены в Москву... Ох, и доберусь же я до НКПС, до всех его «протекционных» вагонов!»

Ильич сдержал свою угрозу. Примерно через неделю после моей не очень удачной поездки в Петроград он прислал мне записку: «Напомнить мне надо насчет «протекционных», личных, вагонов. Говорят, их на сети ж[елезных] д[орог] 900!!

Верх безобразия!

Говорят, дело стоит в СНК. Наведите все справки и скажите мне итог».

И уж можете мне поверить, что я с особым усердием и пристрастием выполнил это задание Ильича. Все справки навел! И представил докладную записку. Совнарком принял решение свести к минимуму число «протекционных» вагонов...

Сам человек жесткой внутренней дисциплины, Ленин был в этом смысле требователен и к другим.

Никогда не забуду я истории с карточками. Ильич постоянно твердил нам: «Прежде всего проверка исполнения!» И добивался, чтобы в это дело привносилась определенная строгая система, которая обеспечила бы действительный контроль, действительную проверку. Завели специальные карточки, форму которых откорректировал и утвердил Владимир Ильич. Такая карточка состояла из нескольких граф: кратко изложенное решение; срок исполнения; кто исполнитель; когда выполнено; если не выполнено — причины... Вести эту картотеку поручили сотруднице секретариата Ульрих. Она должна была созваниваться с наркоматами, с другими учреждениями и регулярно заполнять карточки. Кроме того, за картотекой наблюдал референт Совнаркома Закс. Ну, и само собой разумеется, это входило и в мои обязанности. Картотека велась, и мы считали, что дело идет нормально.

И вдруг над нами разразилась гроза. Разговаривая по телефону с кем-то из наркомов, Ильич поинтересовался, между прочим, как выполняется одно из постановлений СТО. Нарком довольно-таки бодро отрапортовал, что все-де сделано в срок, о чем и доложено уже в совнаркомовскую канцелярию. Ильич решил проверить. Позвал Ульрих, попросил принести соответствующую карточку. Принесла. Взглянув на карточку, Ильич насупился: она была составлена небрежно, с помарками, неразборчивым почерком, а главное, не по форме. Тогда Ильич прошел в комнату, где стоял ящик с карточками, и начал перебирать их и просматривать. Почти все оказались такими же неприглядными, как и первая. Владимир Ильич был возмущен. Он вернулся к себе в кабинет и тут же написал следующее письмо на мое имя:

«Я должен поставить Вам и т. Заксу на вид, — с предупреждением о применении следующий раз более строгой меры взыскания, — что, проверив работу т. Ульрих, следящей уже несколько месяцев за исполнением решений Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны, я нашел громадный беспорядок.

Карточка, при сем прилагаемая, определяет форму и порядок работы т. Ульрих. Между тем карточка не выполняется; ни Вы, ни Закс за этим не смотрели, хотя это первостепенная ваша обязанность. Я поручил т. Ульрих заполнять карточку с **строжайшей** аккуратностью, до педантизма строго.

Поручаю Вам вместе с т. Заксом добиться аккуратнейшего выполнения этого; если т. Ульрих не научится, сменить ее и найти безусловно аккуратного выполнителя.

Из прилагаемых карточек видно, что т. Фотиева тоже начала, подобно т. Ульрих, «от себя» переделывать карточку. Этого я абсолютно не допускаю...

Лучше проверять лишь **часть** постановлений СНК и СТО (по отметке заместителей или управляющего делами), но проверять с педантичнейшей аккуратностью.

...Два раза в месяц и Вы и Закс обязуетесь писать мне (кратко, телеграфным стилем), как идет дело организации аккуратной проверки исполнения. За неуспех — увольнение.

Прилагаю карточки, заполненные т. Фотиевой (неаккуратно и недопустимо), и чистые карточки, исправленные мной: не сметь пачкать, не сметь писать лишнего, не сметь отступать ни на иоту. Иначе я прогоню и секретарей и всех управделов.

Показать эту бумагу обоим заместителям немедленно. Дать им на подпись (до моего отъезда, т. е. через 3—4 дня, не больше) точнейшее постановление о том, как следует, согласно моим указаниям, проверять исполнение, заполнять карточки, карать за неаккуратность».

...Но не слишком ли суровым рисую я облик Ильича?

Он был человеком дела, работа была для него прежде всего. А делал, работал он для людей!

В конце июля 1921 года в Москву прибыла делегация из Ставропольской губернии, доставившая вагон с продовольствием. Делегаты явились в Кремль, но Ленин был на отдыхе в Горках. Я тут же позвонил ему. Ильич попросил передать привет ставропольцам и окружить их в Москве заботой. «Все будет сделано, Владимир Ильич!» — сказал я. А через полчаса позвонили из Горок и продиктовали текст ленинской телефонограммы для передачи в Московский Совет. Вот она. Я не могу удержаться, чтобы не привести этот изумительный документ:

«Тов. Смольянинов сообщил мне, что делегация рабочих и крестьян Ставропольской губ. доставила в Москву на мое имя 1 вагон продовольствия для голодающих рабочих в подарок. Прошу во-первых, о возможности более быстрого, без всякой волокиты, принятия этого вагона; во-вторых, о направлении его наиболее нуждающимся Московским рабочим с обязательным оповещением их, что это подарок Ставропольских рабочих и крестьян; в-третьих, принять меры к тому, чтобы о делегации позаботились и в смысле ее устройства и в том отношении, чтобы передать ей благодарность Моск[овского] Совдепа и, наконец, снабдить их литературой и дать возможность повидать интересующие их учреждения в Москве.

Об исполнении прошу донести мне немедленно и точно».

В этих словах весь Ильич с его беспокойной душой, с его удивительной заботой о людях.

Каждый из нас, работавших с Ильичем, мог бы привести десятки примеров такой его заботы, такого его внимания, такой, я бы сказал, ласки.

Ильич всегда думал и помнил о людях. Он знал всех работников аппарата Совнаркома, вплоть до истопника, по имени-отчеству. Он знал, когда у кого день рождения, и не забывал поздравить. Когда моя жена родила сына, Ильич был первым, поздравившим нас с этим событием. Вы могли не напоминать Ильичу о своих нуждах: он не забывал о них. Я никогда не говорил ему, что нуждаюсь в квартире. Но вот недавно в архиве Института марксизма-ленинизма мне показали ленинскую записку, о которой я даже не знал. Оказывается, в самом начале мая 1921 года Ленин просил ВЦИК немедленно предоставить т. Смольянинову, назначенному для работы в Совнаркоме и СТО, «квартиру в 2—3 комнаты с кухней, т. к. он человек семейный».

Мне вспоминается один, может быть, не очень значительный, но трогательный эпизод.

Ленин был страстный охотник. Я тоже не прочь был выйти на зверя. И вот Ильич узнал, что я участвовал как-то на Урале в обкладе медведя и что у меня есть фотография этой охоты. «Что же вы скрываете от меня такое интересное фото? — спросил он однажды. — Уж как-нибудь покажите, пожалуйста». И я принес этот снимок, сделанный моим товарищем-врачом. Это был на редкость удачный снимок при тогдашней фотографической технике. Моему товарищу удалось зафиксировать момент, когда медведь, разъяренный кольями егерей, вырвался из берлоги, прорвал цепь охотников и ринулся в лес. Я стоял в это время у сосны, вскинув ружье, и по снимку создавалось впечатление, что медведь бежит на меня. Увидев фотографию, Ильич воскликнул: «Вадим Александрович! Что вы делаете? Почему вы заняли такую опасную позицию? Ведь зверь может вас растерзать...» «Владимир Ильич, я успел спрятаться за дерево». Он снова посмотрел на снимок, потом на меня, покачал головой. «Нет, нет, вы поступили удивительно безрассудно. Так нельзя рисковать...»

...Рассказанное мной — лишь несколько штрихов к тому великому портрету, который должен быть создан коллективными усилиями всех, кто знал Ильича, кто работал с Ильичем.

Литературная запись

А. СТАРКОВА.

СМЕНА ПОЛЯРНЫХ ВАХТ

На Крайнем Севере и на Крайнем Юге земного шара сменяются вахты отважных ученых — советских полярников.

В апреле 1954 года в Северном Ледовитом океане была организована дрейфующая научная станция «Северный полюс-4». За три года льдина с обсерваторией совершила путь в 6 800 километров и побывала у самого Северного полюса. Другая дрейфующая научная станция, «СП-6», организованная год назад, проделала путь в 2 300 километров.

На смену зимовщикам станции «СП-6» вылетела новая группа ученых, возглавляемая кандидатом географических наук Д. Дриацким. Кроме того, семнадцать исследователей во главе с океанографом В. Ведерниковым организуют новую дрейфующую станцию, «СП-7».

Советские люди с большим вниманием следили за сменой научного персонала в южнополярной обсерватории «Мирный». Девяносто два зимовщика во главе с начальником антарктической экспедиции доктором географических наук М. М. Сомовым провели год на берегу шестого континента. За это время полярниками были созданы выносные внутриматериковые научные станции «Пионерская», «Оазис», совершены замечательные полеты бесстрашных авиаторов отряда Героя Советского Союза И. И. Черевичного.

На торжественном митинге на сопке Комсомольской первые зимовщики приспустили Государственный флаг СССР, затем по команде начальника континентальной экспедиции Героя Социалистического Труда А. Ф. Трешникова он вновь взвился над Мирным: новая партия зимовщиков приняла вахту и тотчас приступила к большим работам по планам Международного геофизического года.

Герой Социалистического Труда А. Ф. Трешников радирует из Мирного: «Участники второй антарктической экспедиции шлют сердечный привет читателям «Огонька». Новая смена полярников занята созданием внутриматериковых научных станций в районах геомагнитного полюса и полюса относительной недоступности. Все зимовщики полны решимости с честью выполнить свой долг перед Родиной».

15 февраля из Мирного вышел теплоход «Кооперация» с участниками первой антарктической экспедиции, которые возвращаются домой, на Родину.

Е. РЯБЧИКОВ

Над Антарктидой.

Три серии „ТИХОГО ДОНА"

На Московской киностудии имени Горького идут съемки фильма «Тихий Дон». «Огонек» (№ 49, 1956 год) уже рассказывал об исполнителях, о том, как снимались первые сцены в павильоне. Недавно съемочная группа вернулась из большой киноэкспедиции: в течение нескольких месяцев шли натурные съемки.

Мы попросили постановщика фильма С. А. Герасимова рассказать о ходе съемок, поделиться своими мыслями с нашим читателем.

— Очень трудно говорить о фильме, над которым ты работаешь, до окончательного завершения съемок. Какие задачи мы себе ставили при его создании?

Одну, кажущуюся простой и ясной... Мы все хотим, чтобы фильм, который создается по роману Шолохова «Тихий Дон», как можно полнее передал его содержание и суть, хотим добиться наибольшего сходства фильма с книгой, чтобы зритель узнавал героев, следил за их судьбами, воспринимал все происходящее на экране не только сознанием, но сердцем, как воспринимает он роман.

Есть книги, которые забываются вскоре после их прочтения,— таких больше,— но есть и такие, которые остаются в памяти на всю жизнь. «Тихий Дон», конечно, принадлежит к последним. В этом особая ответственность, а отсюда и сложность нашей работы; в этом же ее наслаждение. В романе так глубоко разработаны и характеры и обстановка, что актерам надо только суметь зажить жизнью героев того горячего времени, когда формировалось новое, революционное государство, когда раскалывались и изменялись судьбы людей.

Последние пять месяцев наша группа провела на натуре. Мы снимали осенние и зимние сцены для всех трех серий фильма.

По совету Шолохова натурные съемки мы проводили в хуторе Диченском, неподалеку от бывшей станицы, ныне большого областного города Каменск-Шахтинского. Много лет назад здесь же проходили съемки немого фильма «Тихий Дон». Среди участников наших массовых сцен было немало жителей этих мест, которые принимали участие в съемках немого варианта.

Местные жители не только снимались в массовках, но и помогали нам восстановить облик казачьего хутора тех лет, что было не так просто, так как за эти годы очень изменился внешний вид поселка. В наших съемках участвовали и местные казачьи хоры. Сейчас на студии снимается большая сцена — свадьба Мелехова. В Москву приехал казачий самодеятельный коллектив, чтобы принять участие в съемках этой сцены и помочь нам точно воссоздать казачий свадебный обряд.

Две серии фильма будут выпущены к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Третья — в начале 1958 года.

Встреча Аксиньи и Григория. Аксинья — Э. Быстрицкая, Григорий — П. Глебов.

Побег Аксиньи из дома Степана.

С. А. Герасимов репетирует с Э. Быстрицкой.

Идет съемка сцены «У дома Листницких». ↓

ПЕРВАЯ РОЛЬ В КИНО

1956 год связан с большим и радостным событием в моей актерской жизни. После длительного испытания я был утвержден на роль Григория Мелехова.

Не буду подробно описывать всех волнений и трудностей, которые возникли на первом этапе моей работы: а ну, как зритель не примет, не признает на экране того Григория, которого он так хорошо представляет себе по книге М. А. Шолохова?!

«Тихий Дон» в постановке С. А. Герасимова должен быть фильмом-эпопеей, монументальной кинематографической трилогией. На протяжении всех трех серий образ Григория живет в непрерывном — от кадра к кадру — развитии. И развитие это идет по очень извилистой кривой.

Круговорот событий, продиктованный историей, бросает мечущегося Григория из одной крайности в другую: он ненавидит и любит, страдает и мстит. Так же бурно и мятежно развивается, мужает и крепнет его чувство к Аксинье — от пылкой мальчишеской страсти к устоявшемуся, может быть, горькому, но огромному, цельному чувству.

Для меня одна из основных трудностей заключается в том, что это моя первая большая роль в кино. До этого я работал только в театре. Там роль готовишь постепенно, в ее логической последовательности. И только на премьере, в общении со зрителем впервые проверяешь правильность сделанного тобой. В кино же в силу специфических условий производства, связанных с натурными съемками и работой в павильонах студии, роль снимается отдельными сценами, зачастую не сохраняется хронологическая последовательность развития образа. Так что приходится играть уже постаревшего Григория, не сыграв его молодым, ревновать, еще не полюбивши. Потребовалось и безупречное владение конем и казацкой шашкой в бою. И все это без длительной специальной подготовки.

Но все трудности ничто в сравнении с тем наслаждением и радостью, которую дает мне участие в работе над экранизацией великой эпопеи Шолохова.

Можно было бы еще многое рассказать о самих съемках, о партнерах, о том, как интересно работает с нами режиссер С. А. Герасимов, и еще о многих и многом, но лучше вернуться к этому разговору тогда, когда фильм выйдет на экран.

П. ГЛЕБОВ

«ТИХИЙ ДОН»

Отступление казаков с Дона. Аксинья — Э. Быстрицкая, Григорий Мелехов — П. Глебов, Прохор — В. Захарченко.

Григорий Мелехов—П. Глебов в станице Глубокой во время налета сотни Чернецова.

«ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ»

Москва. Квартира Смоковниковых. Даша — Н. Веселовская, Катя — Р. Нифонтова.

Рощин — Н. Гриценко и Катя (на первом плане) едут на юг, в Ростов.

Герои Алексея Толстого
НА ЭКРАНЕ

На киностудии «Мосфильм» полным ходом идут съемки кинокартины по роману Ал. Толстого «Хождение по мукам».

...Петербург. Предвоенная зима 1914 года. Одно из «великолепных кощунств» — сборище футуристов на квартире инженера Ивана Телегина.

Сквозь сизый дымок папирос видна на стенах похожая на горячечный бред «живопись» художника Валета: «глаза, носы, руки, срамные фигуры, падающие небоскребы». Тут же в пестрой толпе — сам Валет с нарисованными на щеках цветными зигзагами. Мелькают желтые кофты футуристов, студенческие тужурки, вычурно-модные платья дам...

Роман А. Н. Толстого занимает около 40 печатных листов. Нелегко было Б. Чирскову написать по нему сценарий двухсерийного фильма, да так, чтобы не только рассказать о героях, но и попытаться передать эпическое звучание романа. В создании сценария принимал непосредственное участие режиссер-постановщик Г. Л. Рошаль. Он рассказывает:

«К сорокалетию Великого Октября мы надеемся показать первую серию фильма, охватывающую книгу «Сестры» и многие события из книги «Восемнадцатый год».

Эпопея Толстого повествует о России, о судьбах людей разных классов. Предвоенное время, война, первые годы революции, годы становления нового, советского общества. Мы стремимся воссоздать на экране атмосферу тех бурных лет. Хотим рассказать о том, как лучшие представители старой интеллигенции пришли к революции, о том, как зарождалась новая, советская интеллигенция, о том, как росло сознание народа. Большое место в фильме уделено не только Кате, Даше, Рощину, Телегину, но и Ивану Горе, Агриппине, Анисье и другим...

Съемки фильма будут происходить в Москве, на натуре, в местах действия романа. В Ленинграде будут отсняты эпизоды, связанные с забастовкой на механическом заводе, где работал Телегин, сцены Февральской революции, незабываемые дни Октября».

Каждый из читателей романа Толстого, естественно, хочет, чтобы герои на экране были именно такими, какими возникли они в воображении человека, полюбившего эту книгу.

Екатерину Дмитриевну (Катю) играет Руфина Нифонтова. На последнем международном кинофестивале в Карловых Варах Р. Нифонтовой (за роль Насти в фильме «Вольница») была присуждена первая премия за лучшее исполнение женской роли.

Сестру Кати, Дашу, играет Нина Веселовская. Ее еще не знают кинозрители. Она студентка третьего курса школы-студии при МХАТе. «Сестры» Катя и Даша впервые увидели друг друга на «Мосфильме». Тем не менее, кажется, что нечто родственное есть в их облике, манере поведения, в голубых глазах.

Один из самых сложных образов романа и будущего фильма — Рощин. Не сразу он находит свой путь — от офицера корниловских войск до военспеца Красной Армии. Эту роль исполняет артист театра имени Евг. Вахтангова Н. Гриценко.

...Снова и снова снимаются дубли одного и того же кадра. Повторяется сцена прощания капитана Рощина с Екатериной Дмитриевной перед его отъездом на фронт. Дробно стучат каблучки, стремительно сбегает по лестнице особняка в арбатском переулке Катя, такая юная в сером сестринском платье с красным крестом на груди.

— Вы уезжаете? — И, перебивая Рощина, не давая ему сказать о его любви, Катя, волнуясь, восклицает: — Я все знаю... Да, видите сами!.. Умоляю вас — уходите... Уходите, Вадим Петрович...

Рощин - Гриценко бесконечным взглядом задерживается на лице Кати, потом резко поворачивается и выходит. Катя-Нифонтова бессильно опускается на ступеньку, на глазах ее слезы.

Конечно, на съемках рано предсказывать, как все получится в картине, но, кажется, молодая актриса нашла свои, нужные краски, чтоб раскрыть характер Кати, его прелесть и чистоту.

Фильм снимается двумя киноаппаратами: для широкого и обычного экранов. Иногда съемка идет одновременно. Но чаще приходится сперва отснять все широкоэкранные дубли, а потом повторить съемку для обычного экрана. Так было и с этой сценой...

Короткое прощание Кати и Рощина создавалось на студии несколько часов. На экране оно будет длиться несколько минут.

Т. КУЛАКОВСКАЯ

Режиссер Г. Рошаль и оператор Л. Косматов на съемке.

Сборище футуристов на квартире Телегина.

Катя — Р. Нифонтова.

Так началось их знакомство... Даша — Н. Веселовская, Телегин — В. Медведев.

В доме у Смоковниковых. На первом плане: Катя — Р. Нифонтова, поэт Бессонов — В. Давыдов.

ПЕРПЕТУУМ МОБИЛЕ

Рассказ

И. ВАСИЛЕНКО

Рисунок Ю. РЕБРОВА.

Начальник сборочного цеха Вохов готовился к «оперативке» по селектору, когда к нему в кабинет вошел обкатчик Вакуленко. «Вечно этот парень не вовремя»,— подумал Вохов и сухо спросил:

— Что вам?

Не замечая неудовольствия на лице начальника, Вакуленко медленно приблизился к столу, добродушно улыбнулся полными, будто чуть припухшими губами и с интимной ноткой в голосе сказал:

— Вот оно как... Значит, Николай Иванович, вы и в полупроводниках разбираетесь. Читал вчера вашу статью. Прочитал — и вот пришел поделиться с вами...— Он опять улыбнулся, на этот раз смущенно и с оттенком легкой насмешки, видимо, над тем, что собирался сейчас сказать.— Понимаете, Николай Иванович, я, кажется, напал на след... Что-то у меня наклевывается... Умопомрачительное, вроде перпетуум мобиле, честное слово. Как дошел до этой мысли, так даже вспотел весь.

— Слушайте, Вакуленко...— Вохов хотел спросить, не болит ли у парня затылок, но сдержался и сквозь зубы процедил: — Вы, кажется, с аттестатом зрелости?

Вакуленко покраснел, моргнул светлыми ресницами и вместо ответа вздохнул.

— И, сколько помнится, даже кончили техническое училище,— безжалостно продолжал Вохов.— Как же вам не стыдно пороть дичь! Французская академия наук уже двести лет не рассматривает никаких проектов перпетуум мобиле... Уже Ломоносов доказал, что... Или вы даже закона сохранения и превращения энергии не знаете?

— Чего ж тут не знать! Мне за этот закон в школе наш физик пятерку поставил...— с обидой сказал Вакуленко.

— Напрасно. Единицу надо было, единицу! И знаете что? Идите! Вы и прошлый раз с какой-то чепухой приходили... Идите, мне некогда: я к «оперативке» готовлюсь.

Парень, громко стуча каблуками, пошел из кабинета.

В динамике над столом что-то щелкнуло, послышалось покашливание, и сипловатый бас нового, только месяц назад назначенного директора сказал:

— Ну, так... Начнем со сборочного. Николай Иванович, докладывайте.

Вохов придвинул микрофон, быстро разложил перед собой листки-«дефицитки» и стал перечислять номера деталей, недоданных ему другими цехами.

Завод изготовлял малолитражные двигатели и вот уже седьмой месяц не выполнял плана. Из всех цехов только сборочный оставался вне упреков. «Я все соберу,— говорил на «оперативках» Вохов.— Только давайте!» Оправдываясь, каждый начальник цеха старался переложить вину на другого. Вот и сейчас, когда после доклада Вохова директор с подчеркнутой вежливостью (признак сдерживаемого раздражения) спросил начальника механического цеха Хмелева, почему он не обеспечил сборочный цех деталью номер «01-15», из динамика послышалось такое колоратурное сопрано, что Вохов даже рассмеялся.

— Антон Петрович, да как же я дам эту деталь, когда инструментальный отдел не обеспечивает меня шлифовальными камнями!..

— Николай Григорьевич, слушаем вас,— опять послышался вежливый бас директора.

И Николай Григорьевич отозвался странно ускользающим голосом:

— Камни... Что ж камни?.. Их у меня в кладовой вполне достаточно. Правда, диаметр отверстия несколько иной, да, иной немножко, но я, право, не понимаю, почему товарищ Хмелев уклоняется приспособить их к станкам.

И раздражение прорвалось.

— Та-ак!..— загремел директорский бас.— Фома на Ерему, Ерема на Фому. Порочный круг. Вот на это у вас умения хватает, а договориться, как полагается добрым соседям — вы ж под одной крышей работаете! — до сих пор не можете. Что ж, и не такие круги рвали, порвем и этот!

Выйдя после «оперативки» из кабинета, Вохов некоторое время наблюдал работу главного конвейера. Через равные промежутки времени стальные клешни подхватывали полностью собранный двигатель и по подвесной дороге несли его в широкий проем.

Отсюда Вохов прошел на испытательную станцию. С правой стороны, установленные на специальные стенды, тихо вращались двигатели, проходя холодную обкатку. Хотя все детали были уже собраны и скреплены, жизнь в двигателях еще не возникла, и от них отдавало холодом мертвого металла. Зато слева несся неумолчный рокот, пахло бензином, веяло теплом, и на контрольных приборах часто-часто дрожали встревоженные черные стрелки. Это уже была горячая обкатка, последняя стадия производства, когда двигатель, делая тысячи оборотов в минуту, теплом и рокотом заявляет о своем рождении.

Вакуленко, стоявший у одного из динамометров, при виде начальника нахмурился и с преувеличенным вниманием уставился на стрелку.

«Сердится»,— усмехнулся Вохов.

Он вышел, не сделав никому замечания, никого ни о чем не спросив: станция работала так же безупречно, как и конвейер. Только к обычному чувству гордости за свой цех присоединилась еще досада на начальников других цехов: вот не дают ему работать в полную силу — и только! А уж он бы показал, на что способен теперь сборочный цех!

И если бы ему в это время кто-нибудь сказал, что случится в ближайшие пять — шесть недель, он бы не поверил.

Новый директор, несмотря на седую голову, оказался человеком энергичным, живым и уж никак не кабинетным.

Когда на рабочем собрании его спросили, долго ли еще завод будет топтаться на месте, он сказал:

— Давайте этот вопрос решим здесь же и сейчас же. Кто за то, чтоб у слова «отстаем» отобрали пропуск в проходной?

Собрание ответило веселым смехом и дружным поднятием рук.

С этого времени он уж не вызывал к себе начальников цехов, а шел сам в цех и там говорил:

— Вы вчера недодали деталь «02-13». Укажите мне виновника этого безобразия.

И тут же, в цехе, принимались решения, ломавшие все, что мешало делу.

Через месяц в кладовой оказался пятидневный задел, и он не уменьшался ни на одну деталь, хотя выпуск готовых двигателей с каждым днем нарастал.

Конвейер работал образцово, собирал все, что ему ни подбрасывали. Вохов только руки потирал от удовольствия. Но однажды он увидел на испытательной станции пяток двигателей, лежащих прямо на стеллажах и, видимо, ожидавших своей очереди на обкатку.

— Это что? — сурово спросил Вохов.

— Не успеваем обкатывать, Николай Иванович,— ответил дежурный мастер.— Надо бы еще поставить стенды.

Стенды были поставлены. Но пока их устанавливали, количество двигателей, ожидавших своей очереди, дошло до семи и ежедневно все увеличивалось и увеличивалось, хотя уже заработали и новые стенды.

И Вохов со страхом увидел, что больше стенды ставить некуда: вся площадь станции была использована. А клещи все несли и несли новые двигатели с конвейера, и их уже негде было складывать. «Затор!» — ошеломленно сказал Вохов, боясь верить своим глазам. Он растерянно оглянулся и встретился взглядом с Вакуленко. И ему показалось, что парень дерзко усмехнулся.

Вечером в кабинете директора проходило техническое совещание. Присутствовали все начальники цехов, приглашены были видные новаторы производства.

Как переменились роли! Давно ли Вохов только требовал: дайте, дайте! Теперь все требуют только с него одного. И не только требуют, а еще и корят. В глазах главного инженера неодобрение. Директор склонил массивную гривастую голову к столу и упорно смотрит на чернильницу. Не узнавая своего голоса, Вохов возбужденно говорит:

— Позвольте, как же так можно!.. Разве я хвастал, когда говорил: «Давайте побольше деталей — я все соберу»?! Конвейер и сейчас работает как часы. А в том, что на испытательной станции затор, я так же повинен, как и в том, например, что сегодня утром шел дождь. Площадь испытательной станции я использовал до последнего миллиметра. Больше там не установить и полстенда. И сейчас нет другого выхода, как расширить площадь путем достройки. Это единственный выход, единственный!

Слесарь Прокопенко с мягким укором сказал:

— А все-таки, Николай Иванович, ты нахвастал. Обкатку ты не отделяй от сборки: твое дело довести двигатель до полной готовности. А когда цехи поднажали, ты вздумал новую станцию строить. На постройку время надо, а где оно у нас, время-то? Да и не верю я, что нету другого выхода. Вот бригадир твой Зуев доказывал кому-то из технологов, что можно режим обкатки изменить. Да только ли Зуев! В этом направлении и Вакуленко стучится.

— Вакуленко? Ну, знаете...— Вохов иронически хмыкнул.— Фан-та-зер! То он предлагает использовать выхлоп отработанных газов для отопления цеха, то спрашивает, почему двигатели во время горячей обкатки работают вхолостую. А недавно пришел ко мне — ха! — с проектом перпетуум мобиле!.. Ни больше, ни меньше!.. А еще техническое училище кончил!

— Вот так!..— улыбнулся директор, впервые отрывая глаза от чернильницы.

— Эх, Николай Иванович,— огорченно развел Прокопенко руками,— ругаешь ты фантазеров, а фантазия — хлеб наш насущный!

— Не всякая фантазия, товарищ Прокопенко,— продолжал горячиться Вохов,— не всякая! Вот хотя бы взять этот режим обкатки: прежде чем окончательно установить его, сколько было сделано расчетов! Да не Вакуленками, а людьми опытными, технически подкованными, действующими на основании точных законов механики...

Директор шумно вздохнул и перевел взгляд своих синих, по-юношески ясных глаз на Вохова.

— Я не хочу, Николай Иванович, умалять ваших достоинств,— сказал он медленно и тихо.— Вы хороший инженер, заводу пользы принесли немало и принесете еще больше, я в этом уверен. Но в одном отношении вы, как бы это сказать, поросли... гм... поросли...

— Инженер Вохов порос мохом,— язвительно подсказал Хмелев, воспользовавшись случаем поквитаться с тем, кто еще недавно обвинял его в косности.

— ...защитной корой незыблемости раз установленной технологии,— как бы не слыша подсказки, продолжал директор.—Пока не будут выслушаны все, у кого есть на этот счет свои предложения, будь то старый бригадир Зуев или парень-фантазер Вакуленко, я согласия на расширение станции не дам.

— Да мне никто ничего не предлагал! — почти крикнул Вохов.— Это они кому-то другому говорили.

— А почему? Почему они говорят другим, а не тому, кого это касается в первую очередь?

— Нн... не знаю...— пожал Вохов плечами.

— А знать надо, просто необходимо,— опуская опять глаза, сказал директор.

Всю ночь Вохов ворочался в постели. В мозгу повторялись одни и те же слова: «Инженер Вохов порос мохом. Инженер Вохов порос мохом...» «Глупости! — гнал он от себя проклятую фразу.— Это он, Хмелев, порос всяким бурьяном, у него и на голове вместо волос какая-то солома торчит. Технология есть технология, и ломать ее по каждому поводу — только невеждам подыгрывать».

Утром, невыспавшийся, он прежде всего явился на испытательную станцию. Чтоб окончательно убедиться в своей правоте, он решил еще раз осмотреть все своими глазами и опробовать своими руками.

Сменный мастер, сопровождавший его, сказал:

— В трудное положение мы попали, Николай Иванович. Как выйдем из него, не знаю. Вот Зуев что-то хочет предложить. Он и Вакуленко. Но они во второй смене.

— Что же он хочет предложить? — прищурился Вохов.

— Да, кажется, увеличить при испытании двигателя число оборотов.

— Я так и знал! — махнул Вохов рукой.— Абсурд! До него, видите ли, никто не додумался!..

Придя к себе в кабинет, он сказал секретарю, чтоб ему не мешали, и принялся писать заявление директору.

«Я не вижу другого выхода,— писал он,— как просить Вас об освобождении меня от заведования цехом, хотя бы даже с понижением в должности. Недоверие, высказанное Вами на совещании, и оскорбительное замечание, сделанное в мой адрес инженером Хмелевым и оставленное Вами без отпора, способны только подорвать мой авторитет. Я никогда не был консерватором в технике. Вы человек здесь новый и не знаете, что именно я оборудовал в сборочном подвесную дорогу взамен той кустарщины, которая была до меня. Никто другой, а я внедрил на конвейере электрические отвертки. До меня даже заправка двигателей маслом шла вручную. Я все механизировал. Никогда не был я и бюрократом. Всем известно, с какой энергией ломал я все бюрократические рогатки со стороны главка, когда проводил модернизацию своего цеха. Как же можно обвинять меня в равнодушии к рацпредложениям! Я искренне обрадуюсь всякому предложению, если только оно будет действительно рациональным, а не плодом невежества в сочетании с претензией. Я инженер, и я обязан...— В дверь осторожно постучали.— ...Да, я обязан придерживаться твердо установленных»...

Стук повторился, на этот раз громче и настойчивее.

— Кто там? — с досадой крикнул Вохов.— Я же предупредил, что занят.

Дверь открыл пожилой мужчина с желтоватым скуластым лицом. Из-за его плеча вытягивал свою цыплячью шею Вакуленко.

— Вот как! — усмехнулся Вохов.— Сам Зуев и сам Вакуленко.— Ну, входите, если уж пришли.

— Извините, что побеспокоили,— сказал Зуев, переступая порог.— Но дело не личное, дело государственное. Поговорить надо.

— Догадываюсь, о чем разговор. Садитесь,— указал Вохов на диван.— Только вот что мне невдомек, товарищи: работаете вы у меня на станции, а предложения свои несете кому-то другому, я о них последний узнаю. Вышел из доверия, что ли?

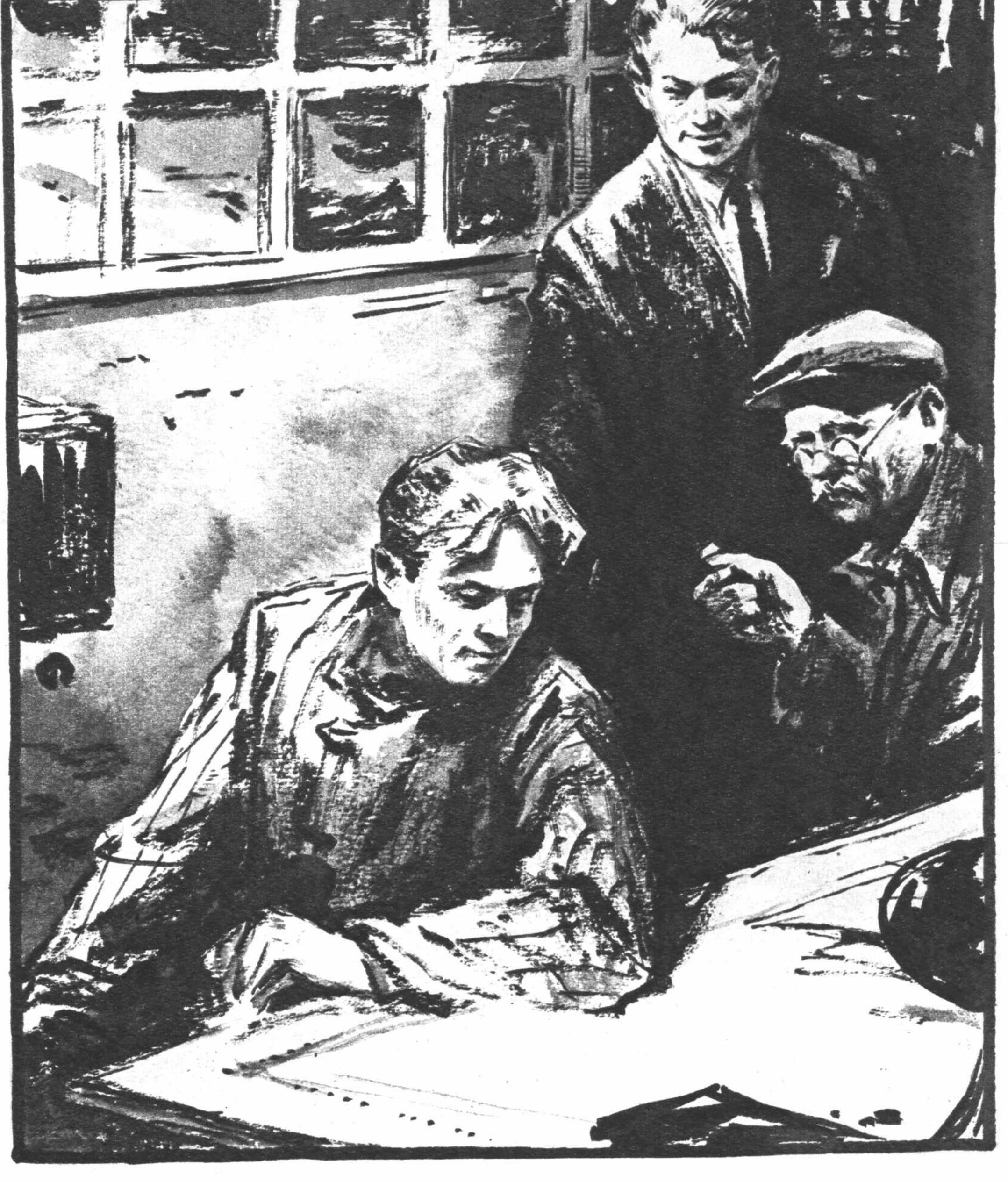
Обкатчик и бригадир молчали. Вакуленко потому, что уступал первое слово старшему товарищу, а Зуев от неловкости. Покашляв в кулак, бригадир наконец заговорил:

— Из доверия вы, Николай Иванович, конечно, не вышли. Человек вы знающий, что и говорить, но...

— Ну, ну?..— поощрил Вохов.

— Но вот предложил я вам в прошлом году одну оснастку разработать, а вы даже не дослушали, сказали, что над этим какой-то там профессор Черноклюев работает, что тут надо высшую математику знать. Ну... и пропала охота обращаться к вам.

— А если оно так и есть? Ведь не станете же вы утверждать, что профессор хуже вас в своей специальности разбирается?

— Не стану, конечно. На то он и профессор. Но только и рабочий, который все на практике проверяет, иной раз заметит то, чего и профессору не заметить. Приведу вам один пример, аккурат из того дела, которое всех нас теперь интересует: продержали мы как-то один двигатель в холодной обработке на семь минут меньше, чем положено. Просто так, случайно это вышло. А ну, думаю, проверю отработанное масло. Проверил. В нем оказалось стружки даже меньше. Значит, сокращение не пошло в ущерб. Обкатал так еще раз, теперь уж сознательно. Опять то же. Стал я доискиваться, в чем причина. Ну и доискался.

— В чем же? — недоверчиво спросил Вохов.

— Да ведь раньше как обрабатывалось зеркало цилиндра? Шлифованием? Шлифованием. А теперь что введено? Тонкое точение. Оно лучше шлифования? Лучше. Качество обработки зеркала повысилось? Повысилось. Значит, и на приработку деталей времени меньше требуется. Так надо ли расширять здание?

— Черт возьми! — вскинул голову Вохов.— Это логично! Логично, да!..

— Да уж куда логичнее, когда на практике проверено,— усмехнулся Зуев.— И с горячей обкаткой то же. Вакуленко уже давно порывается к вам, да чем-то вы его обидели, никак не решался зайти... Вакуленко, говори.

— А ругать меня не будете? — осторожно спросил парень.

— За что? — насторожился Вохов.

— За самоуправство.

— Буду,— решительно заявил Вохов.

Вакуленко подумал, поежился и все-таки решился:

— Ладно, ругайте. Я, Николай Иванович, как-то на свой риск усилил режим обкатки, дал большее число оборотов. И ничего, чугун выдержал.

— Выдержал?!

— Выдержал, Николай Иванович. А выдержал потому, что теперь литейная отливает детали из более стойкого материала.

Вохов встал, прошелся по кабинету и с веселым недоумением остановился перед Вакуленко:

— Ну, от тебя, брат, признаюсь откровенно, я никак не ожидал. Ведь ты тогда с такой чепухой пришел ко мне, с этим вот самым перпетуум мобиле...

— Я, Николай Иванович, с перпетуум мобиле к вам не приходил! — даже подскочил со стула от обиды Вакуленко.— Я тогда вам сказал, что у меня что-то наклевывается вроде перпетуум мобиле... В р о д е, я сказал, в р о д е!.. Я хотел сказать: «равное по могуществу, по значению для человечества»... И теперь могу повторить, что можно брать энергию из космоса. А как, я еще, конечно, не додумал до конца. Вот!..

И, красный от возбуждения, он так же стремительно шлепнулся на стул, как и вскочил с него.

— Слыхали? — добродушно подмигнул Зуев.— От звезд, значит... А что? Парень он способный, может, и додумается. К тому же учебы не бросает, на заочный поступил.— Он помолчал и уже доверчиво сказал: — Забурменков тоже хотел вам что-то предложить. Сказать, чтоб зашел?

— Да. Сегодня же.

Когда рабочие ушли, Вохов сцепил над головой пальцы рук и до хруста в их суставах сжал голову. Вот тебе и перпетуум мобиле! Беспрерывное движение: Вакуленки и Зуевы...

Так он сидел, опершись локтями на стол и неподвижно глядя в одну точку. Вдруг он вздрогнул, подтянул ближе листок бумаги и быстро прочитал написанное. Потом, неслышно шевеля губами, очень медленно, чуть ли не по складам, перечитал еще и еще раз.

— Так,— сказал он с кривой усмешкой,— и полстранички не исписал, а по три «я» в каждую строчку влепил!..

И, скомкав бумагу, бросил ее в корзину.

Листья падают

Г. ГРИШИН, А. НОРМЕТ

Сузи ловит «рыбку»

Сузи сложил рацию, обернул ее в промасленную бумагу, затем в специальную прорезиненную ткань, все это вложил в черный целлофановый чехол и затянул «молнию». От шифровального блокнота оторвал верхний, использованный листок и сжег его, прикрывая огонь полой плаща. Блокнот спрятал в задний карман брюк. Снял и свернул в клубок провод, заброшенный на дерево. Вместе с рацией опустил его в заранее вырытую яму. Очень аккуратно засыпал ее землей и сморщенными коричневыми листьями.

Стояли густые сумерки, и Сузи не опасался, что его увидят. Добежав до дороги, он присел у обочины, прислушиваясь, не донесется ли шум автомобильного мотора. Сейчас лучше всего было бы уехать отсюда на попутной машине километров за десять — пятнадцать в сторону Таллина. Сузи вовсе не думал, что за ним здесь может быть погоня, но все же предосторожность была бы не лишней: Вальдин в Стокгольме предупреждал, что радионаблюдение у русских поставлено неплохо. Но машины не было слышно. Сузи встал и быстрым шагом пошел вдоль проселочной дороги, в нескольких метрах от нее, по еле заметной тропке, скрытой за высокими елями. Так он шел часа два, изредка останавливаясь и прислушиваясь. Наконец решил, что уже достаточно далеко отошел от места, где работал на рации.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12. 13. 14.

Сузи устал. Он прислонился к дереву и жадно выкурил одну за другой две сигареты. Стало как будто легче. Все-таки он здорово измотался за эти три с половинной месяца...

После высадки Сузи в двадцатых числах октября расстался с Вилли; но он не пошел на свою явку: решил поездить, побродить по Эстонии — присмотреться. Через месяц, 20 ноября, у них с Вилли и Ионасом была условлена встреча в Таллине, на Балтийском вокзале. Посещать явки и начинать работу Сузи собирался только после встречи. Эту предосторожность он считал необходимой. Явки у всех троих были свои, но каждому были известны и явки двух остальных. Поэтому если те попались бы...

Ни Вилли, ни Ионас не пришли 20 ноября на Балтийский вокзал...

С тех пор прошло два с половиной месяца. Все это время Сузи, уверенный, что Вилли и Ионас провалились, что провалены, таким образом, и явки, скрывался в лесах. Сколько раз проклинал он Андреасона! Сообщить всем троим все явки! Это была непростительная глупость!

Три раза Сузи передавал радиограммы в центр. За два с половиной месяца это неплохо. Два раза принимал распоряжения оттуда. Шведы беспокоятся: нет никаких сведений от Вилли и Ионаса. Тревожатся они, видно, и за него. Последний раз даже передали контрольный вопрос: «Нужны ли дополнительные средства?». Сегодня Сузи ответил условленной фразой, которую знали только он и центр: «Листья падают». Это значит, что он действует самостоятельно, а не под контролем работников госбезопасности...

Да, не хотел бы он почувствовать над собой такой контроль!..

Сузи усмехнулся своим мыслям и решительно вдавил ногой в землю остаток сигареты.

Все. Отдых кончен. Пора. Сузи вытер листьями грязь с сапог, привел, как мог, в порядок одежду и двинулся туда, где проселочная дорога соединялась с шоссе на Таллин. Именно в это время здесь проходит автобус. Через двадцать минут Сузи был у стоянки.

Там Сузи увидел под фонарем только пожилую женщину с кошелкой. Никаких подозрений она не вызывала. Сузи все же подождал минут десять в отдалении. Подошел автобус. Открылись и закрылись задние двери, пропустив внутрь женщину. И только тогда Сузи бросился к машине, которая уже было двинулась. Шофер, увидев бегущего человека, притормозил, и Сузи вскочил в автобус. Он уселся на заднее сиденье, поближе к двери. Оглянулся в окно. На остановке под фонарем никого не было, но за поворотом вдруг показался яркий луч света. Сузи насторожился. Вслед за автобусом, быстро его нагоняя, шел «Москвич»-фургон. Шпион приник к окну. Когда машины поравнялись, Сузи увидел на стене фургончика надпись «Мороженое». В кабине, кроме шофера, сидел мужчина и, как видно, крепко спал: голова его безжизненно моталась из стороны в сторону. «Москвич» обогнал автобус и, мигнув задним красным глазком, исчез впереди.

Сузи с облегчением откинулся на сиденье.

На следующей остановке в автобус сели двое: молодой парень в спортивной фуражке и миловидная девушка. Сузи опять насторожился, но молодые люди самозабвенно углубились в свои разговоры.

Ночь он провел на товарной станции в Таллине, а утром, обвязав щеку носовым платком, чтобы не виден был шрам, отправился к Хильде Ярвинг. Хильду он знал по гимназии имени короля Густава, они там вместе учились. Потом он ближе подружился с ней через своего приятеля Герберта, который за ней ухаживал. Сузи тогда частенько бывал в доме у Хильды. Во время войны Герберта убили. Он вместе с Сузи служил в немецкой армии. Хильда, он знал, работала тогда официанткой в кафе. Было немного рискованно идти к ней, но ничего не поделаешь. Собственно, это единственный выход для него. На явки показываться нельзя. Если Ионас и Вилли действительно попались, то бродить в открытую, когда каждый постовой милиционер, наверное, имеет описание его внешности, было бы безумием. Скрываться в лесу на заброшенном хуторе? Нет, это тоже было невозможно: холод, голод да и работа проваливалась. Ведь три радиограммы, что он послал в Стокгольм, можно было составить, не выезжая из Швеции. Никаких ценных сведений, отшельничая в лесу, он, конечно, не собрал.

Нужна легальная база. Нужны люди. Вот почему он решил идти к Хильде. Больше у него знакомых в Таллине нет. Кроме того, о ней не знают ни Ионас, ни Вилли. Правда, однажды в Стокгольме он упомянул Вилли ее имя. Но ни адреса, ни фамилии не назвал. Да и имя-то Вилли наверняка не помнит: он был тогда сильно пьян.

...Встреча с Хильдой прошла на редкость удачно. Сузи даже поздравил себя: право, он родился под счастливой звездой! Хильда не вышла замуж — этого он опасался больше всего. Живет со старушкой-матерью в двухкомнатной квартире небольшого домика на Иманта, там же, где и раньше. Служит в каком-то министерстве.

Сузи сказал ей, что в Таллине он ненадолго — всего на несколько дней. Приехал с Кавказа, там существует с времен гражданской войны эстонская колония. Работает в кооперативе. Вот впервые за много лет взял отпуск и приехал в родные места отдохнуть. Мог бы, конечно, остановиться в гостинице, но решил к старым друзьям, если только не потревожит. Чемодан на вокзале, в камере хранения.

Хильда была такой же приветливой и гостеприимной, как прежде. Она поместила Сузи в одной из своих комнат. Отдала диван. Ничего, ничего, они с мамой поспят вместе! Ведь так давно не виделись! Завтра оформят прописку.

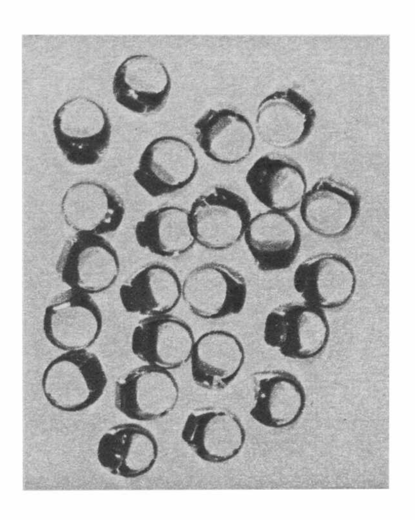
— Ну, зачем беспокоить управдома! — небрежно заметил Сузи.— Ведь всего несколько дней...

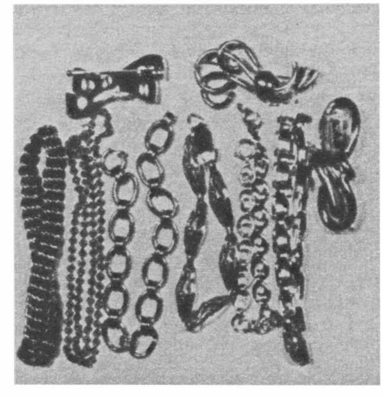
— Ах, Хильда, Хильда! — говорил Сузи вечером за столом, с удовольствием потягивая черный кофе из чашечки.— Вы себе и не представляете, какое это счастье — вернуться в родной город, увидать друзей, вспомнить прошлое, пить вот этот самый кофе! Я часто представлял себе эту чашечку кофе в хорошей, доброй эстонской семье в Таллине... Налейте мне, пожалуйста, еще. Благодарю! Да, Таллин!.. Он, наверное, очень изменился после войны. А мне хочется повидать мой старый Таллин. Вечер, чуть-чуть дождит, туман, пахнет дымком и морем... Знаете, я, пожалуй, даже первое время не буду выходить на улицу днем, чтобы не испортить впечатления. Только вечером и только в туман! — Сузи засмеялся.— Я, кажется, становлюсь романтиком!.. Когда я сижу здесь, у вас, мне кажется, что ничего не изменилось, все осталось таким, как к те годы...

Итак, на неделю — другую пристанище обеспечено. А дальше будет видно!

Сузи целыми днями сидел дома, наслаждаясь тишиной и покоем, и только по вечерам выходил на короткие прогулки.

Сузи присматривался к своей хозяйке. Она живо интересовалась модами и целыми вечерами перезванивалась с портнихами. Зарабатывала Хильда не очень много, и, чтобы следовать моде, приходилось проявлять немалую изобретательность. Это устраива-

Кольца и другие драгоценности, обнаруженные у шведского шпиона Нериса.

ло Сузи. Но, с другой стороны, Хильда, как понял из разговоров Сузи, любит свою работу, и ее там ценят: в прошлом году, например, послали бесплатно в санаторий на Черное море. Этот факт не очень порадовал Сузи. Разговаривать с Хильдой серьезно было нельзя. Он попробовал другой путь — поухаживать за ней. Женитьба — это было бы самое лучшее. Но Хильда как бы между прочим показала ему стоявший на туалетном столике портрет плотного блондина: «Это Эрнст Борстель, мой жених!»

«Черт, как меняются люди! — подумал Сузи.— Ведь она была легкомысленной девчонкой когда-то! А теперь: «Это мой жених!», «Я люблю свою работу!» Попробуй подступись к такой. А Андреасон еще говорил, будто каждый эстонец готов немедленно помочь любому иностранному агенту. Нет, в жизни все много сложнее!»

Хильда не очень охотно рассказывала о своем женихе, но все же Сузи вытянул из нее кое-что. Ему тридцать, несколько лет назад учился в Архитектурном институте, но что-то у него там вышло с начальством — Хильда не знает,— и он ушел; сейчас нигде постоянно не работает, подрабатывает иногда как тренер в мотоклубе, живет на квартире отца один: отец у него — крупный инженер, работает на сланцевых разработках в Кохтла-Ярве.

Последним обстоятельством Сузи очень заинтересовался. Среди заданий, полученных от центра, сланцевые разработки в Кохтла-Ярве стояли особым пунктом. Когда в один из вечеров к Хильде пришел Эрнст, Сузи делал все, чтобы завоевать расположение жениха хозяйки.

Втроем они сидели за столом, попивая кофе. На Эрнсте был не очень новый, но щегольской костюм, держался он настороженно. Раза два Сузи поймал на себе его неприветливый взгляд. «Ревнует к Хильде»,— подумал Сузи.

— Не знаю, что бы такое привезти в подарок жене и детям,— как бы между прочим сказал Сузи.— Они ждут меня на Кавказе.

Блондин после этих слов оживился и стал держать себя свободнее. Разговор за столом пошел легче. Сузи сходил в магазин за бутылкой ликера.

Эрнст еще несколько раз приходил к Хильде. Каждый раз угощение ставил Сузи. Жених оказался не дурак выпить. За это время Сузи выяснил ряд немаловажных для него деталей: Эрнст жил один, отец наведывался в Таллин не чаще раза в два месяца, матери не было, домработницу Эрнст рассчитал. Жених был заядлым мотоциклистом, и машина съедала все его деньги, которых вообще-то было маловато.

Через несколько дней Эрнст пригласил Хильду и Сузи к себе. Но Хильда неожиданно задержалась на работе, и Сузи, благословляя судьбу, пошел один.

Вдвоем они просидели до утра. Опьяневший Эрнст плакался на свою долю. Он любит широко пожить, а денег нет: отец дает мало, в мотоклубе заработки грошовые, на серьезную работу его не принимают — нет диплома, а из института выгнали из-за девочек: двум обещал, что женится. Ну, с кем этого не бывает! Проклятая жизнь! Даже нового мотоцикла купить не может, а старый постоянно в ремонте — съедает все деньги. Сейчас вот сломался карданный вал, в магазине запасных нет, а перекупщики дерут втридорога... Разве это жизнь? Лишний раз в ресторан не сходишь!..

Они отсыпались целый день. Вечером у Хильды — хозяйки не было дома — Сузи небрежно спросил Эрнста:

— Сколько стоит новый карданный вал?

— Восемьсот рублей! — безнадежно махнул рукой тот.

Сузи пошел в свою комнату и вернулся с пачкой денег. Эрнст вскрикнул от радости.

— Для хорошего человека ничего не жалко! — засмеялся Сузи и отсчитал восемь сотенных.

— При первой возможности отдам! — Эрнст прижал руки к груди.

— Ладно, сочтемся. Только чтобы этот твой вал был первый сорт!

Эрнст быстро сунул деньги в карман.

— И расписку напиши, пожалуйста.— Сузи сделал презрительную гримасу.— Понимаешь, деньги казенные. Так у нас принято. На Кавказе...

Эрнст присел к столу и под диктовку Сузи быстро написал на листке бумаги: «Я, Борстель Эрнст, получил 800 (восемьсот) рублей на личные нужды».

— А «обязуюсь вернуть»? — спросил Эрнст.

— Не надо. И так ясно, что вернешь.

Поблагодарив, Эрнст ушел. Сузи подошел к столу, взял расписку, внимательно прочел и, усмехнувшись, аккуратно спрятал ее в бумажник желтой кожи...

Однажды Сузи сказал Эрнсту:

— Слушай, у меня к тебе просьба. Я хочу задержаться в Таллине еще на несколько недель. Хильду стеснять неудобно, хоть она и старый друг. А у тебя пустая квартира...

Эрнст с готовностью согласился.

Квартира у Эрнста была небольшая: две комнаты, маленькая кухонька, передняя, ванная. Дом выходил окнами на одну из узких оживленных улиц возле Ратушной площади. Чтобы не вызвать подозрений Эрнста своим затворничеством, Сузи сказался больным и целыми днями валялся на кровати.

Сузи размышлял. Через три недели получить великолепную базу в центре Таллина — разве это плохо? Вальдин и Андреасон учили: с противником надо работать нагло, нахально. Самое безопасное место, говорили они, под носом у органов госбезопасности. Такое место, чтобы и в голову никому не пришло искать тебя здесь. Наверняка сейчас эти ищейки рыщут по всей Эстонии, прочесывают леса, устраивают облавы. А я тут, в центре Таллина, живу в квартире крупного инженера! Сузи самодовольно ухмыльнулся. Но, с другой стороны, показываться на улице опасно. Значит, нужен человек, который собирал бы нужные сведения, выполнял поручения.

Сузи продолжал приглядываться к хозяину квартиры. В бумажнике лежали уже две расписки от него в получении денег — довольно крепкий крючок, на который можно поймать «рыбку». Но тут не следует торопиться: если «рыбка» сорвется, дело может кончиться плохо. Надо действовать наверняка. И Сузи решил еще выждать.

Однажды поздно вечером, когда Сузи и Эрнст уже спали, в двери раздался звонок. Сузи выхватил из-под подушки пистолет и бесшумно метнулся к окну. Открыв шпингалет — на случай, если придется прыгать,— остановился в ожидании. В соседней комнате, где спал Эрнст, зашлепали по полу босые ноги — он пошел открывать входную дверь.

— Ты?! — послышался удивленный и испуганный голос Эрнста.— Откуда?

Сузи крепче сжал рукоятку пистолета и спустил предохранитель.

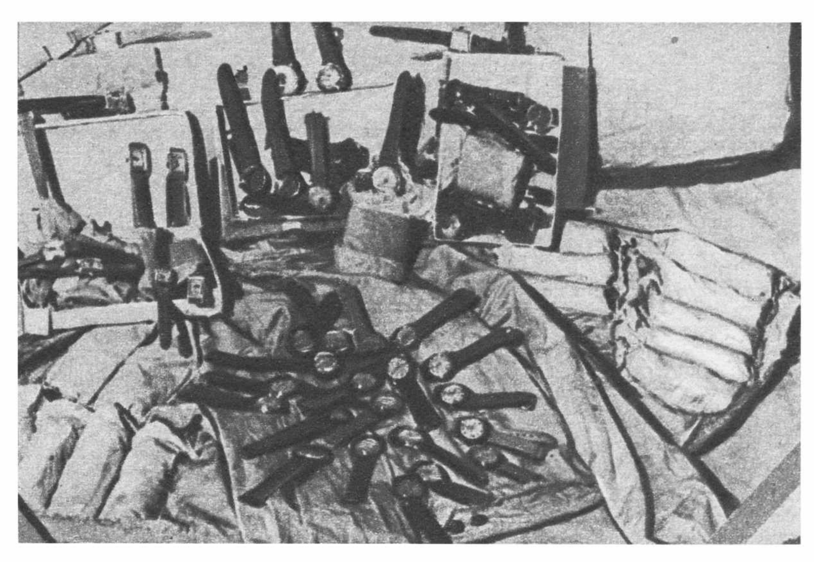
— А ты не знаешь, откуда? — послышался пьяный голос, и затем последовало скверное ругательство.— Ты здесь прячешься, паскуда,— продолжал вошедший громогласно,— а друзья в лагерях сидят!

— Тсс! Тише! — раздался умоляющий голос Эрнста.

— Не желаю тише! Не буду молчать! — Послышался грохот опрокинутого стула.— Тогда, на следствии, я молчал, как договорились. Всю вину на себя принял. А ты за столько лет ни одной посылки! Сволочь! Если теперь не поможешь...

— Да тише же, я не один! — пролепетал Эрнст.

Сузи мгновенно улегся в кровать и натянул одеяло.

У шведского шпиона Нериса было обнаружено несколько десятков часов. Они были запрятаны в карманах, нашитых на специальную куртку, которая надевалась под кожаную тужурку.

Открылась дверь, и тихо, на цыпочках вошел Эрнст. Он постоял немного над кроватью, вслушиваясь в мерное похрапывание Сузи, и вышел.

В соседней комнате перешли на шепот, и больше Сузи ничего не мог услышать. Но главное он уже знал. Через несколько минут хлопнула входная дверь: посетитель ушел. Сердце еще глухо колотилось от пережитого только что страха, но голова работала четко.

Теперь «рыбка» не сорвется!

Эрнст еще раз приходил проверять, спит ли Сузи, но тот ничем себя не выдал.

Несколько дней Борстель ходил сам не свой, но ничего не говорил. Шпион тоже выжидал. Наконец Эрнст решился.

— Слушай, Сузи! Я обращаюсь к тебе с большой просьбой. Мне нужны деньги. Но это в последний раз.

— Опять что-нибудь с мотоциклом? — невинно поинтересовался Сузи.

— Д-д-да...— пробормотал с трудом Эрнст.

— Сколько? — деловито осведомился Сузи.

— Пятьсот.

— Ну, пустяк! — Сузи вынул из бумажника деньги.— Только я тебя тоже попрошу об одном одолжении. Видишь ли, мне нужен паспорт.

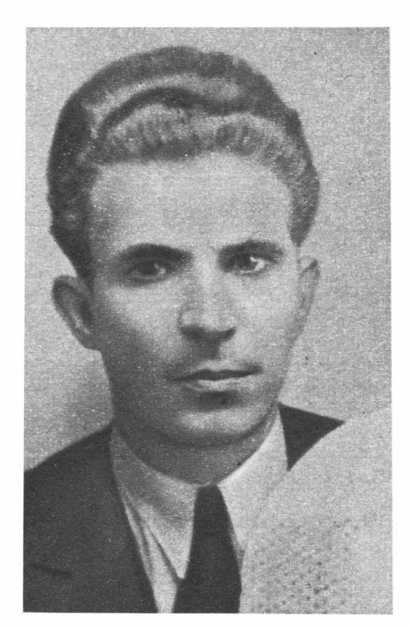
Эрнст удивленно вскинул глаза.

— Дело в том,— небрежно объяснил Сузи,— что мне надоело на Кавказе. Ягуары, барсы, тигры и прочие хищники — это не по мне. Я мирный человек, мне нужна мирная обстановка. Хочу обосноваться здесь, в Таллине. Но меня оттуда не отпускают. Я, видишь ли, ценный работник и перевыполняю всякие там показатели. А ведь у нас, знаешь, какие законы. Забирают твой паспорт, и все. Никакой возможности для выбора профессии.

— Постой,— возразил Эрнст,— но ведь, по закону, каждый может работать там, где хочет! Никогда ни у кого паспортов не отбирают...

«Чертов Андреасон! Опять эта путаная антисоветчина! — подумал Сузи.— Сколько раз я мог бы уже влипнуть из-за его незнания советской жизни!»

— Ну ведь ты понимаешь, что

Шведский шпион Нерис, убитый при перестрелке с пограничниками. Снимок взят с фальшивого паспорта, выданного шпиону в Швеции на имя Балатецкого Геннадия Васильевича.

закон законом, а его всегда обходят...

— Да, но при чем тут я? — развел руками Эрнст.— У меня ведь никаких связей.

— Они и не нужны. Пойди в любую пивную и предложи любому пьяному за его паспорт триста рублей. Ведь штраф за утерю — сто рублей. Кто-нибудь согласится.

— Нет, этого я не могу,— нерешительно возразил Эрнст.— Что угодно, только не это.

— Твое дело,— холодно отрезал Сузи, убирая со стола деньги.

— Но ведь тебе нужен, наверно, чистый бланк или...

— Чистый, конечно, был бы лучше. Но и такой сойдет пока. Карточку подменю, и все в порядке. Устроюсь на работу, а там что-нибудь придумаю...

Через три дня в руках у Сузи была потрепанная паспортная книжка со всеми печатями, подписями и даже пропиской. Это была не шведская липа. Это был настоящий паспорт...

Сузи решил, что теперь крючок засел достаточно крепко, можно дернуть удочку посильнее...

...Эрнст сидел за столом, обхватив голову руками. Сузи ходил вокруг и говорил спокойно и веско:

— Я повторяю, отступления назад нет. Для чека ты уже агент иностранной разведки. Ты получаешь регулярно от разведки деньги под расписки? Получаешь. Ты предоставил одному из ее агентов убежище? Бесспорно. Ты достал ему паспорт? Достал. И, кроме всего прочего, скрываешь от советского суда преступление, которое совершил несколько лет назад. Короче говоря, ты давно уже вступил на эту дорожку... Но ты не знаешь, какие блага тебя ждут в будущем. Я тебе объясню. Через год мы будем с тобой в Швеции. Ты получишь кучу денег. У тебя будет не мотоцикл, а великолепная американская машина последней марки. Ты сможешь купить виллу, красивые женщины будут к твоим услугам. Родных у тебя здесь нет, кроме отца. А его не тронут: он человек известный, уважаемый... А когда большевиков прикончат, ты снова вернешься сюда, но уже хозяином, а не прихлебателем. Шведская разведка умеет благодарить своих сотрудников. Тем более американцы. Как-никак, а у них на эти дела сто миллионов. Сумма!

Сузи подошел к шкафу, налил две рюмки коньяку и поставил одну перед Эрнстом.

— Ну, не робей. Выпьем за новую жизнь!

Эрнст не шевельнулся.

— Может быть, ты боишься, что тебя схватят эти, из чека́? — Сузи весело рассмеялся.— Смотри на меня! Вот уже несколько месяцев, как я в Эстонии, полтора месяца безвыездно живу в Таллине. Наконец, почти месяц живу у тебя, в центре республиканской столицы! Скажи, сколько от тебя ходьбы до комитета госбезопасности? Пять минут. Только пять минут! А они даже не подозревают, что я у них под носом.

Эрнст поднял голову и улыбнулся.

— Да, да, они тюфяки! — нажимал Сузи.— Они не умеют работать! Нам нечего их бояться...

Эрнст встал, взял рюмку и залпом выпил.

— Хорошо,—устало сказал он.— Что я должен делать?

— Ну, вот и прекрасно! Я знал, что обойдется без угроз и прочих неприятных вещей. Садись и внимательно слушай...

«Гости» из Стокгольма

На Н-ской заставе, находящейся на побережье Литвы, чрезвычайное происшествие. Один из нарядов при утреннем обходе обнаружил на прибрежной песчаной полосе следы; они вели от моря в сторону леса. Следы были частью смыты дождем, но все же удалось установить, что здесь прошли три человека. Собака уверенно повела, и к вечеру наряд пограничников настиг одного из нарушителей. На неоднократные окрики и выстрелы в воздух нарушитель не отвечал, продолжая бежать, а затем бросился на землю и открыл огонь из автомата. В завязавшейся перестрелке нарушитель был убит. При нем оказалось обычное шпионское снаряжение: портативная радиостанция, несколько десятков часов, драгоценности и документы, выданные на имя Балатецкого Геннадия Васильевича. Кроме того, в бумажнике было обнаружено несколько фотокарточек малого формата с изображением одного и того же человека. На обороте каждой чернилами от руки было написано: «Песяцкас Альгердас».

Следы двух других нарушителей были утеряны.

...Прошло несколько месяцев с того дня, как Сузи имел серьезный разговор с Эрнстом. Сузи был донельзя доволен. Эрнст оказался ловким и подвижным человеком, что даже было немного удивительно при его грузной фигуре. Шпион отсиживался дома, а все нужные сведения ему доставлял Эрнст Борстель. У того были кое-какие знакомства, в том числе и среди коллег отца. Поэтому Сузи заполучил много интересного. Но рация все время барахлила, и он успевал передавать в центр лишь краткие сведения о себе. Все данные он записывал и хранил эти материалы в тайнике. Но все же Сузи смог передать шведам о вербовке Эрнста Борстеля и об имеющихся у него ценных материалах, которые, по его мнению, представляли для хозяев большой интерес. Шведы были довольны. Несколько раз Сузи получал благодарность за работу и сообщения о том, что на его текущий счет в банке положена новая сумма. Однажды пришло сообщение, что и Эрнст Борстель зачислен в штат и отныне ему идет жалованье и суточные.

— Ну, что ты скажешь на это? — Сузи покровительственно похлопал своего помощника по спине.— Можешь считать, что «Кадиллак» последней модели у тебя в кармане.

Эрнст почтительно улыбнулся. Вечером Сузи устроил Борстелю грандиозное угощение, не пожалев для этого сбыть последние часы.

— Кстати, как у тебя дела с Хильдой? — поинтересовался Сузи во время выпивки.— Что-то ее совсем не видно...

— Отшил! — ухмыльнулся Эрнст.— Зачем она мне теперь?

Сузи остался доволен ответом.

Рация и шифры хранились в Пирита под Таллином, на даче у Эрнста, в подвале. Отец ни разу не появлялся: был занят на работе. Опасаясь радиопеленгации, Сузи выходил в эфир в разных частях Эстонии: то на севере, то около Пярну, то прямо с квартиры в Таллине. И ни разу он не повторил места. Для этого очень пригодился мотоцикл Эрнста. Только этот старый драндулет довольно часто ломался, и ремонт влетал в копеечку.

А денег было мало. Это очень тревожило Сузи. Кончался и последний шифровальный блокнот. Два запасных промокли в тайнике, совершенно расползлись и были непригодны для работы. Сузи несколько раз сообщал об этом в центр. Шведы обещали помочь. Сузи передал в Стокгольм свои координаты — адрес дачи в Пирита. Пароль для человека, который прибудет к нему — словесный и вещественный,— был установлен еще в Швеции. Но сигнала о том, что человек вышел, из центра все не было. Сузи начинал нервничать. Ко всему этому прибавилась еще одна неприятность. После последнего выхода в эфир барахлившая рация совсем испортилась: перегорела одна из ламп. Сколько Эрнст ни ходил по магазинам Таллина и радиомастерским, ничего подходящего для замены найти не удалось.

Но наконец человек «оттуда» пришел.

Однажды, когда Сузи и Эрнст возились возле мотоцикла на дворе маленькой дачи, скрытой от посторонних взоров густыми соснами, открылась скрипучая деревянная калитка, и во двор нерешительно вошел высокий человек в потертом сером пиджаке и таких же брюках.

— Что вам нужно? — довольно невежливо спросил Эрнст.

Пришедший мельком взглянул на Сузи, приподнял синюю капитанскую фуражку и промолвил:

— Не знаете ли вы, как проехать на Даугаву? Я не здешний. Прибыл с Кавказа.

— А хоть с луны! — нетерпеливо отрезал Эрнст.— Здесь не справочное бюро!

— Ну, зачем так грубо? — заметил Сузи, поднимаясь от таза с водой, где плавала залатанная камера.— Я тоже с Кавказа,— обратился он к человеку в сером костюме.— Рад видеть земляка. Отсюда до Даугавы, как от Сухуми до Сочи.

Незнакомец внимательно выслушал ответ. Эрнст удивленно поднял брови. Сузи похлопал его по плечу.

— Все в порядке, Эрнст. Все в порядке. Кончай возню с мотоциклом и сходи, пожалуйста, в магазин, купи спиртного. Мы пока зайдем в дом, поговорим.

Эрнст ушел.

— Что нового на Кавказе? — усмехаясь, спросил Сузи, когда они вместе с пришельцем вошли в дом.

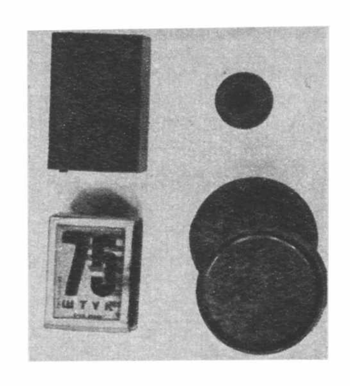
— Мы одни?— в свою очередь, спросил гость.

— Предположим,— ответил Сузи, садясь в плетеное кресло.

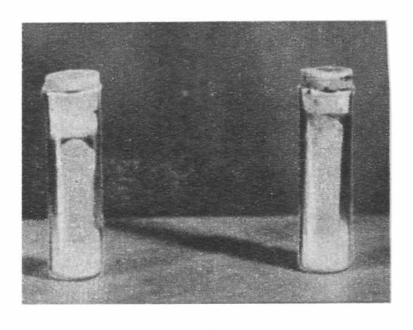
— Меня зовут Эрмо,— вполголоса сказал незнакомец.

— Очень приятно,— холодно отозвался Сузи.

После словесного пароля насчет дороги на Даугаву он ждал пароля вещественного — письма от Вальдина. Но незнакомец не торопился его предъявлять, а продолжал стоять посреди комнаты,

Шпионский фотоаппарат величиной со спичечную коробку, найденный у Нериса. В круглых пластмассовых кассетах хранились запасы пленки.

Ампулы с ядом (в пробирках), изъятые у шведских шпионов.

оглядываясь по сторонам. Сузи опустил руку в правый карман. Тогда Эрмо стал быстро говорить:

— Я знаю, Сузи, что не показал вам вещественного пароля — письма от Атса. Но сейчас его у меня нет. Карандаш, в котором оно было спрятано, лежал в пакете вместе с шифровальными блокнотами. А я его вместе с рюкзаком бросил в озеро, когда услышал, что за мной гонятся пограничники.

Каждый нерв у Сузи был напряжен. Мысли неслись с молниеносной быстротой. Ловушка? Западня? Никаких сигналов от шведов об Эрмо он не получал. Но, может быть, они передали этот сигнал как раз после того, как испортилась рация? А где вещественный пароль? Бросил во время погони? Возможно. А если врет? Какой смысл чекистам устраивать такой маскарад? Если нащупали меня, могли взять гораздо проще. Хотят без шума?.. А что, если сразу — рукояткой по голове! И все!

Сузи продолжал стоять, крепко сжимая в кармане пистолет. Тот, кто называл себя Эрмо, торопливо продолжал:

— Вы можете меня проверить. Я расскажу вам про Стокгольм. Отвечу на любой вопрос.

Сузи молчал.

— Я проходил обучение, как и вы, на Гимерставэген, 24, у Аркадия Вальдина — Атса. Входишь в квартиру — слева вешалка. Две двери справа и одна прямо. Он теперь живет один. Брат с женой уехали, кажется, в Америку. На этой квартире я проходил топографию, радиосвязь, военное дело, навигацию. Работе на ключе обучали два шведских инструктора...

Сузи стоял с непроницаемым лицом. Эрмо начал снова:

— Вальдин мне часто говорил про вас. Вы один из самых ценных агентов здесь. Несколько раз получали денежные поощрения. Легализовались тут, купили за две

тысячи паспорт. Завербовали ценного человека.

Сузи чуть разжал пальцы, державшие рукоятку пистолета. Да, насчет вознаграждений органы знать не могут. Сумму две тысячи за паспорт он называл в передаче в центр. Специально преувеличил: пусть знают, как здесь все дорого.

— Общий инструктаж я получал от капитана Андреасона и капитана Иохансона. Иохансон мне говорил, что вас высадилось трое, но от Вилли и Ионаса ничего нет. Вы передавали, что, возможно, они погибли.

Эрмо говорил все быстрее:

— Вальдин сказал, что ваша удача объясняется тем, что вы следовали его советам. Главный девиз разведчика, он говорит,— наглость. Самое безопасное место — под носом у органов госбезопасности.

Сузи все больше успокаивался. Парень не врет. Такое мог говорить только Вальдин. И запомнить эти слова мог только человек, имевший дело непосредственно с ним. Чекистам такая деталь не может быть известна.

— Как проехать из центра Стокгольма на Гимерставэген? — неожиданно спросил Сузи.

Эрмо быстро и точно ответил.

— Как выглядит Иохансон?

— Высокий, худой, лицо тоже худощавое, подбородок маленький, вроде скошенный вниз, глаза голубые, выпуклые, лягушачьи. Вальдин рассказывал нам, что капитан в шведской разведке работает с сорок шестого года. А до этого был в армии. В тридцать девятом в Финляндии воевал против России.

— Сколько стоит бутылка виски в Стокгольме? — продолжал вопросы Сузи.

— Тридцать крон.

Сузи вынул руку из кармана. Эрмо заметил это и облегченно вздохнул.

— У вас есть еще один способ проверить меня,— добавил он устало.— Его предусмотрели в центре на случай, если мне необходимо будет доказать кому-либо из нужных людей в Эстонии, кто я такой. По стокгольмскому радио каждый день с восемнадцати часов в течение сорока пяти минут передают музыку и песни. Вы можете назвать любую песню. Я сообщу о ней письменно в центр. Из центра дадут команду на радио, в одну из ближайших передач вы услышите заказанный вами номер... Писать?..

Сузи посмотрел на рыжие, слежавшиеся от грязи волосы Эрмо и медленно ответил:

— Пишите.

Эрмо попросил листок бумаги и быстро написал по-шведски несколько слов. Сузи прочел: «Дорогая Анна, я шлю тебе родственный привет и сообщаю, что все твои друзья живы. Мама не болеет, брат устроился на работу. Не волнуйся о нас. Твой кузен Альфред». Пока Сузи читал письмо, Эрмо вынул из нагрудного кармана пиджака маленький пузырек, наполненный серыми таблетками. Он налил из графина в стакан приблизительно пять чайных ложечек воды и несколько минут тщательно размешивал воду, пока таблетка не растворилась до конца. Цвет воды почти не изменился. Из кармана же Эрмо достал чистое, новое перо. Проверил его мягкость на ногте и, обмакнув в стакан с раствором, стал писать на том же листе бумаги, но только поперек строчек. «Радио исполнит...» — вывел он и вопросительно посмотрел на Сузи.

В это время открылась дверь, и в комнату вошел Эрнст с двумя бутылками водки в карманах и со свертком в руках. Эрмо быстро прикрыл письмо чистым листком бумаги.

— Можешь не играть втемную! — усмехнулся Сузи и повернулся к Эрнсту. — Ну вот, знакомься, Эрнст. Этот человек будет помогать нам повышать наше музыкальное образование при помощи шведского радио.

Эрнст подошел к столу и стал глядеть на водянистые буквы, которые уже почти высохли. Сузи сказал:

— Ну что ж, пусть исполнят «Вильянди падимеес». Хорошая вещь!

Эрмо дописал. Поставил подпись: «Эрмо». Потом вложил листок в конверт и старательно вывел на нем обыкновенными чернилами: «Анна Исаксон, 24, Скульвэген, Хюддинге, Швеция». Сузи протянул письмо Эрнсту и велел завтра же отправить из Таллина.

...Все трое сидели за столом, не зажигая огня, хотя уже стояли сумерки. Эрнст и Сузи не пили, а Эрмо медленно, как вино, потягивал из рюмки водку и рассказывал:

— Обучались мы, конечно, не только на квартире у Вальдина. Сидели еще на лесной вилле, километрах в семидесяти от Мальме. Это вилла шведской разведки. Хотя вы, должно быть, знаете ее?

Сузи молча кивнул головой.

— Туда нас капитан Андреасон привез. А начальником там у нас был тоже швед — офицер военно-морской разведки. Капитан. Невысокий такой, полный, лет пятидесяти. Фамилию свою не называл.

«Узнаю шведов! — мысленно усмехнулся Сузи.— Заметают следы на случай провала. Чуть что, скажут: «Это не мы, это эстонцы сами».

— Он нас до катера проводил,— продолжал Эрмо,— и сказал: если обратно через Мальме будем возвращаться, можно подойти к любому полицейскому и спросить, где капитан. Они свяжут с ним.

— А на катере одни ехали? — спросил Сузи.

— Нет, капитан Андреасон провожал полпути. А потом мы на другой катер пересели. С него и высаживались. Андреасон в море вручил нам ампулы, оружие и еще вот эти фотокарточки.

Эрмо полез в боковой карман и вытащил несколько фотокарточек небольшого формата, на которых был изображен один и тот же человек. Сузи повертел карточку в руках и прочел на обороте надпись, сделанную от руки чернилами: «Песяцкас Альгердас».

— Литовец? Зачем это?

Эрмо объяснил:

— Андреасон приказал его убрать. Сказал, что предатель. Фотокарточки велел передать надежным людям, чтобы опасались Песяцкаса и при первом удобном случае прикончили. Задание это в основном поручено Нерису, литовцу, который с нами высадился. Но и мы с напарником тоже должны это иметь в виду.

— А кто напарник?

— Эстонец. Кличка — «Хабе». Он должен идти на связь с Никси.

— Каким Никси? — заинтересовался Сузи.

— Не знаю точно. Вальдин только говорил, что это очень ценный агент, который активно работал долгое время, но вот уже несколько месяцев почему-то молчит. Видимо, что-то с рацией не в порядке. Хабе привез для него запасные детали и лампы. У меня с Хабе через месяц условлена встреча в Таллине, у Русского драматического театра. Где он будет до этого времени, не знаю.

Прошло несколько дней. Эрмо вместе с Сузи и Эрнстом жил на даче. Эрнст по приказанию Сузи не спускал глаз с пришельца. По вечерам слушали Стокгольм. Наконец по радио передали заказанную мелодию. Сузи хлопнул Эрмо по плечу:

— Ну, твое счастье, что письмо дошло. Сам понимаешь, нам рисковать нельзя. Верно, Эрнст?

— Совершенно правильно,— поддакнул хозяин дачи.

— Но давайте думать дальше,— продолжал Сузи.— Помощи от тебя никакой. Рацию, шифровальные блокноты ты выбросил во время погони вместе с рюкзаком. Денег привез совсем мало.

— Бóльшая часть лежала в рюкзаке,— подтвердил Эрмо.— Остались часы...

— Часы нам не нужны,— продолжал Сузи,— и без того мы уже много их продали — можно вызвать подозрения. Значит, вывод: ты нам не нужен. Еще благодарение небу, что ты не привел на хвосте чекистов. Жить с нами тебе нельзя: опасно...

— Но вы должны мне помочь легализоваться! — возразил Эрмо.— Так сказали Вальдин и Иохансон.

— Ах, Вальдин, Иохансон? — вскипел Сузи.— Тогда пусть они сами приезжают сюда.

— Но мне же нужно где-то прожить до встречи с Хабе! — доказывал Эрмо.— Если у него все в порядке с Никси, я присоединюсь к ним.

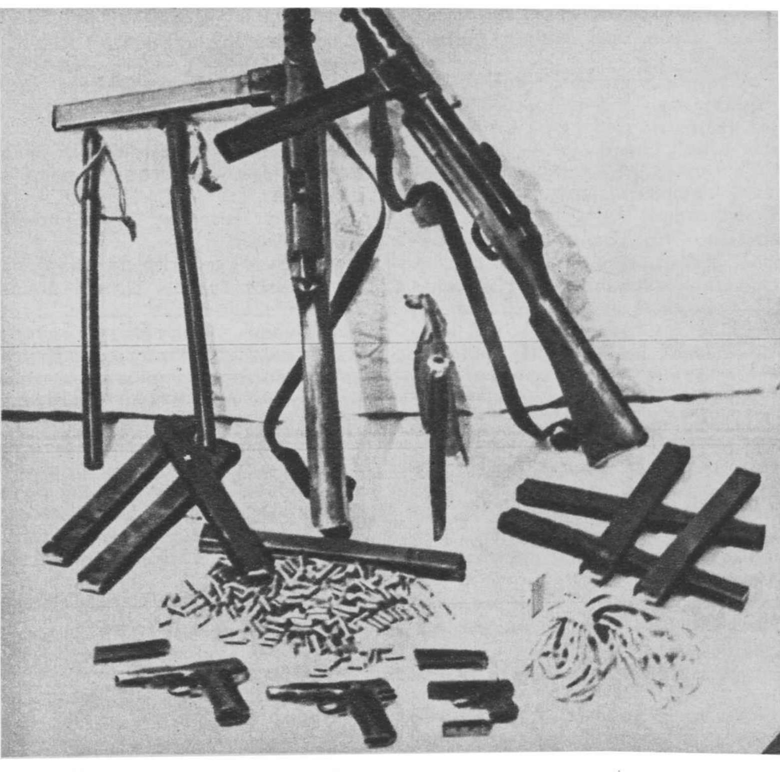
— Слушай, Эрнст,— сказал, помедлив, Сузи.— Может быть, для него действительно можно что-нибудь сделать? Спрятать его на это время. А то, если он станет болтаться со своими рыжими волосами по Эстонии, его в конце концов заметут. Тогда каюк и нам.

Эрнст неприязненно посмотрел на Эрмо.

— Лучше всего бы ему вернуться в Швецию,— мрачно проговорил он.

— Здравая мысль! — подхватил Сузи.— Какой тебе указан путь на возвращение? — обратился он к Эрмо.

— Завербовать двоих эстонцев, которые согласны поехать в Швецию, купить три билета на самолет Таллин — Ленинград. И в пути под угрозой оружия заставить

Оружие, изъятое у двух шведских шпионов: автоматы, пистолеты, кинжал, обоймы с патронами, резиновые дубинки.

экипаж изменить курс и лететь в Швецию.

— Н-да!..— протянул Сузи.— Для этого тебе не хватает самого малого: двух завербованных. О чем думают эти остолопы в центре? Весь их инструктаж ни к черту! Они считают, что тут живут голодранцы, которых можно купить паршивыми часами.

— Есть второй путь,— заговорил Эрмо.— Он предусмотрен, правда, для Хабе. Но и мне в крайнем случае можно им воспользоваться: через советско-финскую границу перебраться в Финляндию. Добраться до Хельсинки и позвонить по телефону 484487, спросить господина Киндберга. Пароль: Хельсингфрон Кюлленбёрг. Он поможет перебраться в Швецию.

— А если схватят финские пограничники?

— Добиваться связи со шведским посольством.

— Лысого черта — финны помогут! — скептически покачал головой Сузи.— Ведь они с Россией друзья. Не-ет. Уж в этом случае лучше через норвежскую границу. Дальше, но зато безопаснее. Так как же, Эрнст? Сможем мы спрятать его до встречи с напарником?.

— Н...не знаю! Трудно,— выдавил Эрнст.

— Ну, ну, Эрнст. Бывают просьбы, а бывают и приказания.

— Ладно,— морщась, согласил-

ся хозяин дачи.— Его можно будет поместить на хуторе под Пярну, у моей тетки. Она как раз просила устроить ей жильца. Плата небольшая. Скажешь, что из Ленинграда приехал отдохнуть. С ней там муж живет и сын лет двадцати пяти. Никаких подозрений у них не будет.

— Но только с условием,— зло сказал Сузи.— Никуда с хутора не уходить! Понятно? Притворишься больным: простудил ухо или там еще что. И чтоб все три недели сидел на месте!..

В тот же день Эрнст на мотоцикле отвез Эрмо на хутор под Пярну. Наутро он вернулся и доложил Сузи, что все в порядке.

...Сузи был мрачен. Надежды на помощь не оправдались. Денег нет. Рация не работает. А тут еще этот идиот Эрмо сел на шею. Откуда только в центре выкапывают таких дефективных? А в госбезопасности ведь не такие уж тюфяки. Это только перед Эрнстом приходится храбриться... А в душе постоянно сидит маленький холодный зверек и царапает, царапает... Страшно! Ох, как иногда бывает не по себе! Вилли и Ионас взяты. Еще какие-то американцы — Кукк и Тоомла — тоже: об этом русские даже в газетах сообщили. Кто знает, может быть, и за ним тоже следят, где-то вокруг ходят! А что, если и этот самый Эрмо... Разумом Сузи понимал, что такая подтасовка невозможна: самый проницательный чекист не мог предусмотреть все вопросы, которые Сузи задавал Эрмо. Кроме того, если бы это был действительно чекист, так уж выложил бы все пароли. И потом, самое убедительное — это радиопроверка... Только у шведской разведки может быть такой контакт со стокгольмским радио! Нет, тут все ясно как божий день!..

И все же Сузи то и дело ловил себя на мысли, что Эрмо вызывает подозрения. Или это нервы? Определенно сдают нервы. Срабатываться начал. Нужен отдых. Вот только исправить рацию — и сейчас же потребовать возвращения...

Эрнсту наконец повезло. Он достал радиолампу, которая была нужна. Получилось очень удачно: был как раз день приема. Сузи прямо на даче настроился на нужную волну и принял из Стокгольма радиограмму. Она была полна тревоги. Из центра запрашивали, что случилось, почему Сузи молчит, спрашивали подтверждения, пришел ли Эрмо, задали контрольный вопрос: «Нужны ли дополнительные средства?» Расшифровав текст, Сузи чертыхнулся: да, средства нужны, еще как нужны! Им все «листья падают» подавай, а мне деньги необходимы, деньги! Не воздухом же я живу!...

Через неделю, в день очередной передачи, Сузи выехал с Эрнстом «на охоту» за несколько десятков километров от Пирита. С остервенением он отстучал текст. Наверное, никогда еще в центре не получали такого: «Болван Эрмо,— передал Сузи,— потерял все снаряжение. Сижу без денег. Шифровальные блокноты кончаются. Рация все время барахлит. Требую немедленной помощи или буду возвращаться. Листья падают. Если не примете мер, пошлю вас всех к черту! Сузи».

Еще через неделю пришел ответ. В центре обещали принять меры в ближайшее время.

...Накануне дня встречи Эрмо с Хабе Эрнст привез Эрмо в Таллин, к себе на квартиру. Эрмо заметно волновался. Сузи хмуро смотрел на него. «Если еще Хабе провалился,— думал он,— значит, все. Стоило сидеть здесь столько времени, чтобы засыпаться на чужой ошибке!»

Утром Эрмо пошел к театру покупать билеты. Условились увидеться с ним после спектакля на привокзальной площади, чтобы узнать о результатах встречи. Как только закрылась за ним дверь, Сузи подозвал Эрнста:

— Пойдешь за ним на приличном расстоянии. Если заметишь что-нибудь подозрительное, сразу позвони из автомата: будем сматывать удочки.

Эрнст понимающе кивнул головой и немного погодя вышел из квартиры.

Поздно вечером Эрнст докладывал Сузи:

— Эрмо купил утром два билета в кассе театра. Потом пошел в кино. Сидел два сеанса. Заходил в кафе, читал газету в сквере. Ни с кем не встречался. В четверть восьмого пришел к театральному подъезду. Некоторое время к нему никто не подходил. Рассматривал фотографии актеров в витрине. Потом подошел какой-то человек, лица я не мог разобрать: он стоял ко мне спиной. Эрмо продал ему билет, и затем они, каждый в отдельности, вошли в театр.

— Заметил ли ты что-нибудь подозрительное вокруг?

— Ничего,— ответил Эрнст.

— Я спрашиваю: был ли вечером возле театра кто-нибудь из тех, кого ты заметил утром.

— Никого,— ответил Эрнст.— Только мороженщица.

— Какая мороженщица? — насторожился Сузи.

— Обыкновенная,— улыбнулся Эрнст.— Да тут нечего беспокоиться. Я ее даже в лицо знаю...

— Ну, смотри...

В полночь на привокзальной площади вконец расстроенный Эрмо рассказывал Эрнсту (Сузи из осторожности не пришел):

— Хабе так и не нашел Никси. Письмо в тайнике осталось нетронутым. Как в воду канул. Хабе тоже бросил рюкзак во время погони тогда, на границе. Места не помнит. Остался без рации и без средств. Просит помочь.

— Помочь? Он нас просит помочь?— усмехнулся Эрнст.—А где он?

— На товарной станции.

...В ту же ночь Эрнст по приказу Сузи выехал на мотоцикле из города, чтобы отвезти двух стокгольмских «гостей» на хутор к тетке. На другой день он вернулся, доложил, что тетка согласилась принять и второго до конца лета. Еще через несколько дней Сузи отстучал в центр отчаянную телеграмму с просьбой или прислать обещанную помощь или разрешить возвращение.

В условленный день пришел ответ: «В ближайшее время в Эстонии будет один наш человек, подготовленный для выполнения весьма важного задания. Учитывая создавшееся у тебя положение и наше отношение к этому, специально переадресовали его на тебя, отсрочив прежнее задание. Жди гостя и продолжай работать. Атс».

(Окончание следует)

НАПРЯЖЕННАЯ СПОРТИВНАЯ БОРЬБА

М. Ботвинник и В. Смыслов — москвичи. Чемпион мира — член общества «Энергия», его соперник В. Смыслов — из «Буревестника». Достаточное ли это основание для того, чтобы в течение двух месяцев любители шахмат так волновались? Неужели не все равно, кто победит, ведь оба они советские шахматисты? Так может рассуждать только бездушный шахматист. Настоящему же шахматному болельщику в Ленинграде и в Москве, во Владивостоке и в Тбилиси, Киеве и Таллине события в зале имени Чайковского далеко не безразличны: у болельщиков разные «шахматные характеры», различны их симпатии и привязанности. Объединяет всех лишь одно: наслаждение красотой шахматной борьбы двух сильнейших гроссмейстеров.

Матч вызвал огромный интерес во всем шахматном мире. Если в Амстердаме, Стокгольме, Буэнос-Айресе или Нью-Йорке не все страстно интересуются тем, кто будет победителем, то партии, сыгранные в этом соревновании, ожидаются всюду с нетерпением.

Конечно, самые пламенные болельщики — в Москве. Здесь есть такие, которые уже через час после начала партии обрывают телефоны в пресс-бюро, спрашивая: «Как складывается дебют?» Еще через час: «У кого лучше?» А за два часа до контрольного, сорокового хода: «Как закончилась партия?» Болельщики по-разному реагируют на полученную информацию, и сразу можно догадаться, из «какого он лагеря». Если, получив ответ, спрашивающий без слов кладет трубку, то это значит, что ход борьбы или результат ее не обрадовал болельщика.

Когда В. Смыслов выиграл первую партию матча, его поклонники говорили: «Хорошо, если бы Смыслов «забил еще одну штуку»! Так сказать, для верности». В четвертой партии М. Ботвинник и В. Смыслов за свое почти 20-летнее знакомство в 50-й раз встретились за шахматной доской. «Золотой юбилей» принес удачу М. Ботвиннику, который сквитал счет — 2 : 2. «Юбилейная» победа так подбодрила чемпиона мира, что он выиграл и следующую, пятую партию.

В прошлом В. Смыслова нередко критиковали за его ограниченный дебютный репертуар. На этот раз В. Смыслов избирает разные дебюты; заметно, что претендент очень тщательно готовился к матчу. Некоторый кризис в выборе начала партии, как это ни странно, можно наблюдать у такого знатока дебютов, как М. Ботвинник. В шестой партии чемпион мира «выкопал» не очень доброкачественный вариант защиты Грюнфельда.

М. Ботвинник в своей практике часто «угощал» противника домашними «заготовками». Но вот новинку из «чемодана с вариантами» вытащил В. Смыслов, и уже на 28-м ходу М. Ботвинник капитулировал. 3 : 3!

Матч снова начался «с центра поля».

Идет острая спортивная борьба, об этом свидетельствует и то, что ничьих сравнительно немного. В восьмой партии опять результативная встреча.

М. Ботвинник уже четыре раза начинал партию ходом 1. c 4. Черными он в третий раз избрал сицилианскую защиту, в которой имел успех в четвертой партии. Но В. Смыслов успел дома «отремонтировать», «отшлифовать» применяемый чемпионом мира вариант. М. Ботвинник быстро попал в тяжелое положение и на следующий день, не возобновляя игры, сдался. Для В. Смыслова это сообщение было особенно приятным, своеобразным «вариантом» поздравления его с днем рождения: В. Смыслову исполнилось 36 лет.

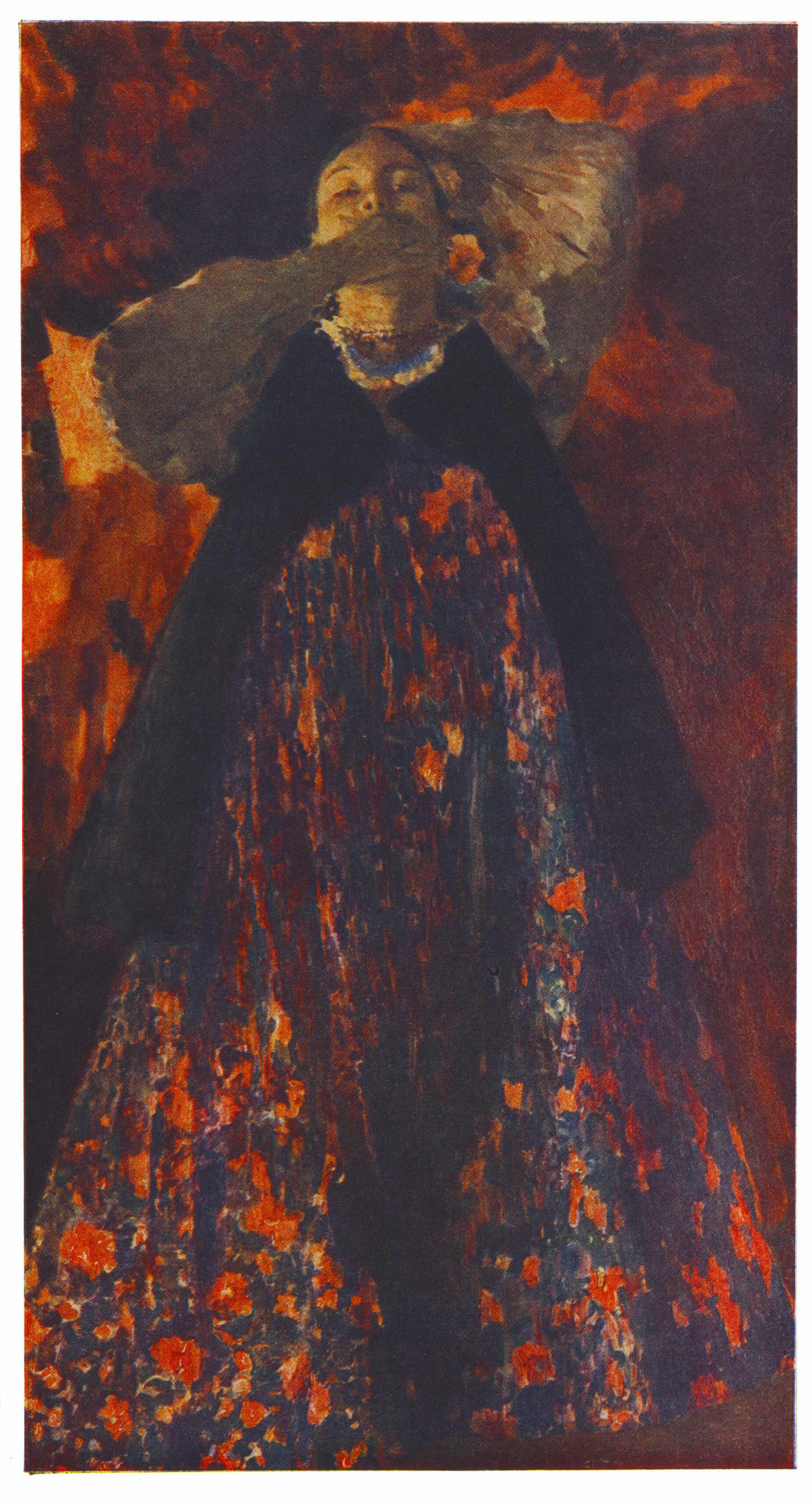
«Очень жаль, что кончилась эта неделя»,— думает В. Смыслов, который набрал 2,5 очка. «Хорошо, что кончилась эта неделя»,— думает М. Ботвинник, который набрал только пол-очка.

В 1954 году положение матча после восьмой партии было 5 : 3 в пользу М. Ботвинника.

Вся четвертая неделя была «ничейной», что, конечно, больше устраивает лидера матча Смыслова.

Впереди почти месяц борьбы. У кого же будет лучшее настроение к Первомаю?

Сало ФЛОР

Ф. А. Малявин (1869—1939 (?). ДЕВКА. 1903.

Государственная Третьяковская галерея.

И. И. Шишкин (1832—1898). НА БЕРЕГУ МОРЯ. 1889—1890.

Государственная Третьяковская галерея.

Г. Г. Мясоедов (1835—1911). ЗЕМСТВО ОБЕДАЕТ. 1872.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Н. Мешков (1867—1946).

ЗУБОВРАЧЕВАНИЕ. 1891.

Государственная
Третьяковская галерея,

А. БАРТО

Про больших и про маленьких...

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

ДЕДУШКА ВИТАЛИЙ

Стал пенсионером
Дедушка Виталий,
Получает пенсию
Прямо на дому.
Он проснется утром,
— Что так рано встали!
Вам не на работу! —
Говорят ему.

Дедушка Виталий
Был кассиром в тресте,
Выдавал зарплату,
В банк спешил с утра,
А теперь проснется,
И сидит на месте,
И ворчит сердито:
— Помирать пора!

— Вы бы погуляли! —
Говорят невестки,
Намекая деду:
Он мешает тут!
В ящике почтовом
Ни одной повестки,
Больше на собранье
Деда не зовут.

Он идет с прогулки
Недовольный, вялый,
Погулять бы с внуком.
Внука любит дед!
Но Андрюшка вырос,
В пятом классе малый,
У него для деда
Ни минутки нет!

То он умчится в школу,
То он на птичьем рынке
(Отряду нужен голубь
И две морские свинки).
То где-то он на сборе,
То он в спортивном зале,
То распевает в хоре
На школьном фестивале.

А нынче утром рано
Внук заявляет деду:
— Мы ищем ветерана,
Чтоб он провел беседу.

Вздыхает дед Виталий,
Обидно старику:
— Немало воевали
Мы на своем веку!

Ты ищешь ветерана!
Ты на меня взгляни!
Сражался, как ни странно,
И я в былые дни
В Москве на баррикаде
В семнадцатом году!

Я сам у вас в отряде
Беседу проведу!

Что случилось с дедом!
Удивлены соседи:
Дедушка Виталий
Готовится к беседе!

Дедушка Виталий
Достал свои медали,
Он их на грудь надел.
Мы деда не узнали:
Так он помолодел!

ВЕЖЛИВЫЙ ПОСТУПОК

Было лето.
Пели птички...
Павлик ехал
В электричке.
Вдруг на станции
Фили
Две девчонки
В дверь вошли.

Не толкаются девчонки,
Скромно стали в уголке
И беседуют в сторонке
На английском языке.

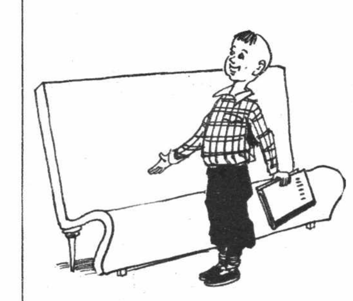
Павлик понял:
— Иностранки!
Это видно
По осанке!

Может быть, они туристки!
В первый раз у нас в стране!
И с трудом он по-английски
Произнес: — Позвольте мне
Пригласить вас на скамью!
Ну, а сам я постою!..

Было лето.
Пели птички...
Две девчонки
В электричке
Сели около окна.
— Между прочим,
Мы москвички, —
Улыбается одна.

Павлик крикнул:
— Как же так!
Значит, я
Попал впросак!!

И теперь не пьет,
Не ест он!
Посочувствуем ему:
Уступил девчонкам место
Неизвестно почему!

ПОДШЕФНЫЙ БЫЧОК

Собралась Дуняша
Утром по грибы,
Отошла Дуняша
От своей избы,—
Прямо на Дуняшу
Бык несется лютый!
Забодает Дуню
Через полминуты!

— Караул! Спасите! —
Слышен Дунин крик.
А пастух смеется:
— Это смирный бык!

Это твой подшефный,
Помнишь о таком!
Ты взяла в апреле
Шефство над бычком.
Твой подшефный вырос,
Возмужал с тех пор!
Не пришла ни разу
Ты на скотный двор.

Дуня так смутилась,
Что всю ночь ей снилось:

Страшный бык лобастый
Машет головой,
Говорит ей: — Здравствуй!
Я подшефный твой!

ПЧЕЛИНЫЙ ЯД

На Неглинной новый дом,
В зелени балконы,
Маки зреют на одном,
На другом — лимоны.

У одних балкон весной
Будто садик подвесной,
У других, наоборот,
Там не сад, а огород.
А на третьем, как ни странно,
Пчел разводит пчеловод.

В новом доме — пчелы!
Вот так новоселы!

Утром по Неглинной
Мчится рой пчелиный,
А оттуда — на бульвар
Собирать с цветов нектар.

Пчеловод разводит пчел.
Одного он не учел,
Что они в конце концов
Пережалят всех жильцов!

Грушу бабушка несла
Маленькому внуку,
Вдруг на лестнице пчела
Как впилась ей в руку!

А вчера рыдала вслух
Галя-комсомолка.
У бедняжки нос распух:
Укусила пчелка.

Все кричат: — От ваших пчел
Нет покоя людям!
Мы составим протокол,
Жаловаться будем!

Пчеловод в защиту пчел
Даже лекцию прочел.
Он сказал: — Пчелиный яд
Многим прописали,
Доктора теперь велят,
Чтоб больных кусали.
И с пчелиным ядом
Сестры ходят на дом.

— Если так,— сказал один
Худощавый гражданин,—
Если пчел так хвалят,
Пусть меня ужалят!

— Я болею редко,—
Говорит соседка,—
Пчел боюсь я, как огня,
Но на всякий случай
Пусть ужалят и меня —
Так, пожалуй, лучше.

Все старушки говорят:
— Нас кусайте тоже!
Может быть, пчелиный яд
Делает моложе!

В доме увлеченье —
Новое леченье.

Об одном твердит весь дом:
Пусть кусают пчелы!
Даже мы теперь идем
Прямо после школы
К пчелам на уколы.

ЗАРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПРИМЕР

Соседи по квартире
Лет десять жили в мире.

Домашние хозяйки
У газовой плиты
Друг другу поверяли
Заветные мечты.

Беседовали кротко,
Ну, прямо как в раю:
— Нужна вам сковородка!
Вы взяли бы мою!

И вдруг покой нарушил
Племянник тети Нюши:
Он на листочке в клетку
Нарисовал соседку.

— Смотри,— сказал он папе,—
Вот тетя Вера в шляпе!

Обиделась соседка:
— Неужто это я!
Тут не моя жакетка,
Тут шляпа не моя.—
И заявила вдруг:
— Отдайте мой утюг!

Хозяйки разругались
У газовой плиты,
И спорили друг с другом
Почти до хрипоты.

Кричат и плачут жены,
Мужьям молчать неловко,
И стала напряженной
В квартире обстановка.

Беда, товарищи, беда!
Доходит дело до суда!

Все соседи
Прямо в суд
Заявления несут:
Бабка на дедку,
Соседка на соседку!

Взрослые ли,
Дети ли,
Все теперь
Свидетели!

Тетя Нюша лечится:
— У меня мигрень!
Я теперь ответчица,
Плачу целый день!

Вздыхает тетя Вера:
— В людей пропала вера!
Ох, душно тете Вере
В подобной атмосфере!

Беда, товарищи, беда!
Все разгорается вражда.
Ругаются соседки.
А между тем, идут года
И подрастают детки.

Племянник тети Нюши
Кончает институт,
На собственную тетю
Вчера он подал в суд.

ДЮНЫ

Рассказ

Вл. ЛИДИН

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Осенью на взморье пустынно, лежат густые ковры солнечно-желтых опавших листьев клена, серое море вяло набегает на берег, как бы утомленное за шумное, полное купальщиков лето. Работают садовники, сгребают в кучи листья, выкапывают клубни георгинов; по дороге, на которой летом тесно от автомашин, не спеша проедет на велосипеде старик в картузе, с красным гарусным шарфом вокруг шеи. Стоит прелестная, грустная приморская осень.

На станции железной дороги в широком окне киоска разложены газеты и журналы, полупустые поезда уходят в Ригу, а с тех, которые приходят из Риги, сойдут пять — шесть человек, и опять на станции тихо, только по другую сторону, почти возле самого полотна железной дороги, плещутся о берег легкие плоские волны Лиелупе. Посреди реки стоит неподвижно лодка рыболова, и по тому, как лески свисают неподвижно, видно, что клев плохой и человек только зря проводит время.

Двое молодых железнодорожников зашли в вокзальный буфет выпить пива. Буфетчица быстро покачала рукояткой насоса, налила две кружки, добавила в них пены из отдельно стоявшей кружки. Пиво было чуть теплое, по сезону, и железнодорожники — оба в твердых клеенчатых, почти с металлическими складками пальто — выпили, не отрываясь, по кружке, и один из них поднял указательный палец, что означало: повторить. Буфетчица снова стала накачивать пиво. Она была полная, с бескровным лицом и жесткими рыжеватыми кудряшками сделанного на добрых полгода перманента. Низенький, заросший черной с проседью бородой человек в велюровой когда-то зеленой шляпе, стоявший возле стойки, страдальчески кашлянул, и тогда один из железнодорожников, покосившись на него поверх кружки, оторвался на миг и сказал буфетчице:

— Налейте-ка столяру кружку.

— С него хватит, — ответила буфетчица бесстрастно. — С него на сегодня хватит. Пускай идет спать.

Человек, видимо, хорошо знал характер буфетчицы и сделал только глотательное движение.

— Нечего протирать локтями стойку, — сказала буфетчица сурово. — Больше ничего не будет.

Железнодорожники пожали плечами, расплатились за пиво и ушли. Человек остался стоять возле стойки.

— Больше ничего не будет, Мартынов, — сказала буфетчица. — Сегодня больше ничего не будет. С вас хватит.

Продавец газет и журналов задвинул стекло своего киоска — торговля кончалась. Буфетчица села на стул, и ее не стало видно за высокой стойкой.

— Налейте мне, Эмма Оскаровна, сто граммов, — сказал человек.

— На сегодня с вас хватит, — ответила ему невидимая женщина.

Он продолжал стоять у стойки. Из Риги, уже освещенный, так как быстро смеркалось, пришел поезд. Сошло всего три человека; двое торопливо пошли к выходу, один по дороге заглянул в буфет. Это был директор дома отдыха художников Балодис.

— Опять вы здесь, Мартынов, — сказал он укоризненно. — Вы ведь обещали прийти чинить стулья. Вас ценят как краснодеревщика, а вы обещаете, но не приходите.

— Не буду чинить стулья, — сказал столяр.

— Почему вы не будете чинить стулья?

— Не хочу чинить стулья.

— Это ваше дело, — отозвался директор обиженно. — Мне жалко только, что вы не бережете себя. Вы ведь знаете, что вас ценят как краснодеревщика.

— Не буду чинить стулья, — повторил упрямо столяр.

Директор вздохнул и пошел к выходу. Он был высокий, с печальным лицом, виски под шляпой у него были уже седые, и буфетчица сочувственно поглядела ему вслед.

— Налейте мне сто граммов, Эмма Оскаровна, — попросил столяр.

— Вам уже сказали: на сегодня с вас хватит! — ответила буфетчица с сердцем. — Сколько можно просить?

Человек переступил с ноги на ногу и остался стоять у стойки.

Директор перешел улицу, по другую сторону которой маячила в сумраке кирка, и пошел по дороге. Начался сильный ветер. Листья с железным шорохом носило по тротуару. Гул моря нарастал. Директор родился в Риге и хорошо знал свое море: когда оно так гудит к вечеру, — значит, ночью будет шторм. «Надо проверить все окна в обоих домах, — подумал он по дороге. — Надо сказать Арвиду, чтобы он закрепил покрепче молодые посадки». Директор ускорил шаг и вскоре дошел до сетчатой ограды сада, где его поджидали собаки покойного доктора Биссечека. Доктор Биссечек был ларингологом, и у него лечили горло певцы Государственного театра оперы и балета и Театра музыкальной комедии. Он был крупный, с золотистой бородой, в золотых очках, и говорил, что в молодости тоже собирался стать певцом. Но потом у него что-то случилось с голосом, и он стал врачом-ларингологом, чтобы все же быть ближе к опере. В обоих театрах он дежурил во время спектаклей, так как никогда не известно, что может случиться с горлом певца.

Летом артисты приезжали к нему из Риги на машинах, и из окон дачи Биссечека были слышны низкие октавы басов и фиоритуры колоратурных сопрано. Тогда две собаки Биссечека начинали подвывать в саду. Обе собаки были красновато-желтые таксы — муж и жена. Мужа звали Рипс, он был уже немолодой, коренастый и мужественный. Жену звали Зана, она обычно сидела на задних лапах у вольерной сетки, выпрашивая подачку. Проходившие из дома отдыха художники кормили ее, специально прихватывая что-нибудь от завтрака или обеда. Тогда Рипс обычно смотрел в сторону, как бы не замечая слабости жены.

Собаки знали директора и всегда дожидались его. В их семье некоторое время назад произошло небольшое событие: у Заны родился сын, названный Марсиком. Но он не походил на отца и не знал, что такое совесть и стыд: он был так проворен и жаден, что оттеснял мать и сам съедал все куски. Зана только укоризненно смотрела на него, а Рипс, сидя в стороне, отворачивался: казалось, он глубоко переживал, что сын не унаследовал его правил жизни.

— Я понимаю тебя, старик, — сказал директор сочувственно. — Это очень неприятно, когда на старости лет приходится краснеть за других.

Он посвистал в сумраке собакам, достал припасенную галету и разломил ее. Рипса он покормил отдельно. Ветер уже бушевал, и деревья скрипели и гнулись. Прежде чем зайти в дом, директор поднялся по маленькой уличке к морю. Все эти узенькие проулки между дачами назывались по-латышски нежно — «иела», и многим из них были присвоены имена писателей и художников, когда-то живших здесь, на взморье. В конце улички неистово скрипели и размахивали ветвями сосны, и в лицо вместе с брызгами неслись какие-то щепочки и мелкие колючие обломки, вероятно, раковин.

Директор спустился вниз и минуту стоял, насквозь продуваемый ветром. Стада бешеных волн неслись на берег и бухали, как пушки, рассыпаясь. «Восемь баллов, — решил директор. — К утру могут быть и все десять. Надо непременно сказать Арвиду, чтобы он проверил молодые посадки. В такую пору грустно возвращаться, когда тебя никто не ждет».

Год назад от директора Балодиса ушла жена; она была моложе его на десять лет, и он сначала не придавал значения слухам, что Анне нравится художник Альфред Мауринь. Мауринь приезжал три года подряд в дом отдыха, курил трубочку и писал морские пейзажи. В Риге, в Музее русского и латышского искусства, была выставка его картин, о нем говорили как о выдающемся художнике, и директор гордился, что все эти морские пейзажи были написаны в доме отдыха, которым он заведовал. А потом жена ушла с Мауринем; они жили все лето неподалеку, в Сигулде, и Балодис видел раз, как они вместе сидели в поезде, в котором и он ехал в Ригу. Жена показалась ему такой красивой и счастливой, что его сердце сжалось от боли: наверное, он не сумел ей дать столько, сколько художник; что делать, он только простой, скромный человек, когда-то работавший агрономом. Конечно, женщине всегда интереснее искусство, чем агрономия.

— Что делать, — сказал он вслух самому себе. — Что делать!

Он продрог и стал возвращаться к дому. Но прежде чем пройти в дом, он зашел к садовнику Арвиду. Арвид жил в маленьком домике в конце темной аллеи; он был хорошим садовником и, кроме того, занимался фотографией. Он заряжал кассеты художников и проявлял их снимки; на снимках всегда было больше всего отдыхающих женщин; их снимали на пляже, они были в купальных костюмах, и зимой было немного неловко рассматривать эти снимки. Когда Балодису художники показывали свои снимки, он почему-то всегда особенно болезненно думал об Анне: художник Мауринь может снимать ее так, как ему захочется.

Арвид сидел за столом и под низко спущенной лампой читал на латышском языке «Мать» Горького.

— Ветер, наверно, восемь баллов, — сказал Балодис, входя, и остановился возле его стола. Жена Арвида вязала в стороне. — Боюсь, что ночью поломает молодые посадки.

— Я укрепил их, Андрей Иванович, — ска-

зал Арвид, вставая. — Все кленки у меня крепко привязаны к кольям, и, кроме того, я сделал растяжки.

— Это хорошо, — одобрил Балодис. — Ночью может дойти и до десяти баллов. — Он грустно оглядел комнату, в которой было по-семейному тепло и тихо и в углу мирно бормотал репродуктор. — Сегодня я опять видел Мартынова на вокзале. Он так и не пришел чинить стулья.

— Что делать с пьяницей! — вздохнул Арвид.

Он стоял высокий, с чистым мужественным лицом, волосы у него были почти янтарного цвета и чуть вились. Директор посмотрел еще на пробор склоненной головы его жены, на быстро мелькавшие спицы в ее руках и сказал:

— Значит, так, растяжки вы сделали. Надо сказать, чтобы проверили все окна в домах. В прошлый шторм у нас побило много стекол из-за того, что рамы были неплотно закрыты.

— Может быть, пойти поискать Марту? — предложил Арвид. — Ее всегда приходится искать.

— Не надо, — сказал директор. — Я сам найду ее.

Он помедлил, жалея расстаться с уютом, и вышел в парк. По верхушкам деревьев шел гул. Фонарь раскачивало, свет его кидало из стороны в сторону, и внизу было темно. Директор осторожно, нащупывая ногами, поднимался по земляным ступенькам в гору. В кухне готовили ужин, и он услышал сквозь открытую форточку в низком зарешеченном окне, как напевают поварихи Кристина и Тоня. Они готовили ужин и напевали так согласно, будто на спевке. Тоня была русская, из Нарвы, и Кристина научила ее только напеву латышской песни. Кристина произносила слова, а Тоня делала вид, что повторяет их, и обе женщины были, видимо, довольны друг дружкой.

Когда директор вошел в кухню, они замолчали, и стал слышен только треск масла на сковородках.

— Я не знал, что вы научились петь по-латышски, Тоня, — сказал директор. — Это новость.

— Тоня знает много слов по-латышски, — отозвалась Кристина. — Ка тэв иэт [1], Тоня? — спросила она.

— Ман иэт лаби [2], — ответила Тоня бойко, и обе засмеялись.

— Не знаю, что и готовить этому капризуле-художнику из второго корпуса, — сказала Кристина. — Как его фамилия? Судраб, что ли? Мяса он не ест, яйца он тоже не любит. Пьет только кофе и ест компот. Я сегодня опять сварила ему компот из груш. Может быть, вы поговорите с ним, Андрей Иванович?

— Готовьте ему то, что он любит. Не все могут есть мясо, это вовсе не значит, что ему не нравится ваша готовка. Кроме того, знаете, у каждого художника свой характер... — директор не договорил.

— Разные есть художники. Есть художники хорошие и плохие, — сказала Кристина с твердостью.

Ему показалось, что она имела в виду художника Мауриня, и он поспешил заключить разговор:

— В общем, готовьте отдыхающим то, что им нравится.

— Я и так стараюсь, — ответила Кристина с достоинством.

Балодис вышел из кухни, обошел дом и поднялся по ступеням террасы, на которую тоже занесло листья. В белом зале ужинали за двумя столиками запоздавшие. Остальные уже разошлись по своим комнатам. Ужинали художник Никитин с женой, приехавшие накануне из Ленинграда. Художник был сухой, суровый, с двумя глубокими складками от крыльев носа, с большим кадыком; его жена, маленькая, хрупкая, в спортивных серых брюках, могла бы сойти за его дочь. За другим столиком ужинали художники Лакуч и Адамсон, оба только что приехали из Риги и, видимо, слегка выпили по дороге. Они говорили громко и оживленно, поглядывая на ленинградского художника, но тот сидел прямо, смотря перед собой, и директор подумал вдруг, что его маленькая жена, вероятно, с ним несчастна. Он бы, наверное, не смог объяснить, почему подумал так, но столько людей за время директорства ему пришлось повидать в доме отдыха, что он уже научился разбираться в человеческих характерах и настроениях.

— Добрый вечер, Андрей Иванович, — сказал один из художников. — Присядьте к нашему столу.

Директор никогда не присаживался к кому-либо за стол, и он только вежливо отозвался:

— Давайте-ка посмотрим, что сегодня передают по телевизору.

Он подошел к телевизору, включил его — в окошечке запрыгал свет понеслись кадры, потом все наладилось. Передавали индийский документальный фильм. Женщины и мужчины в белых одеяниях шли по улицам Дели, и полицейский в белых перчатках с крагами регулировал движение автомашин.

— Приятного аппетита, — сказал Балодис, подходя к столику ленинградского художника. — Жалко, что как раз к вашему приезду испортилась погода. Осень в этом году была прекрасная.

— Ничего, — ответил художник. — Я приехал отдыхать. В такую погоду лучше отдыхаешь. Буду спать целый день.

Его маленькая жена виновато посмотрела на директора и опустила голову. Она была очень несчастна, теперь он уже не сомневался в этом.

— Впрочем, — сказал Балодис, почти болезненно сочувствуя ей, — у моря погода быстро меняется. Возможно, что завтра будет солнечный день.

Он отошел от столика, посмотрел еще издали на освещенный экран телевизора и попросил низенького оживленного художника Лакуча, чтобы не забыли выключить телевизор.

— Всё, — сказал Лакуч. — Будет сделано.

Может быть, вы подниметесь к нам, директор? Как вы относитесь к пяти звездочкам?

— Я ничего не слыхал. — Балодис сделал жест, какой делают глухие люди, показывая, что они лишены слуха. — Но вы знаете правила. Так что, пожалуйста.

— Можете быть спокойны, директор, — засмеялся Лакуч. — Мы вас не подведем. Вообще мы хорошие парни. Все художники — хорошие парни. Правда?

Он посмотрел в сторону ленинградского художника, ища одобрения. Но тот сидел прямо и глядел перед собой. На среднем пальце его левой руки было кольцо с геммой.

— Спокойной ночи, — сказал Балодис.

— Спокойной ночи, — ответили оба художника, и маленькая женщина грустно кивнула ему головой.

Она была чем-то похожа на его жену, которая ушла с художником Мауринем, и это было так больно, что у него не хватало сил пройти сейчас через шумящий парк к себе в дом, который назывался «фрегатом», стоял на холме фасадом к морю и теперь, наверное, был насквозь продут северным ветром. Вечером был норд-вест, но сейчас он ощутимо переходил на норд. Те, кто родился на Балтике, хорошо знают все направления ветров.

Балодис остановился на ступеньке террасы, надвинул поглубже шляпу, чтобы ее не сорвало ветром, и вспомнил о художнике Судрабе. Может быть, он действительно не может есть мясо и ему нужно готовить что-нибудь диетическое? Судраб жил в корпусе № 2, который предназначался летом для женщин с детьми, а сейчас был наполовину пуст; но художник предпочел именно полупустой дом, заявив, что в одиночестве он лучше работает. Директор прошел по мягкой от листьев аллее и поднялся на крыльцо дома. Лестница на второй этаж была крутая и узкая, как на капитанский мостик на корабле. Дверь из комнаты художника была открыта в коридор, а сам он, сидя на корточках, натягивал в коридоре холст на подрамник. Молоток и гвозди лежали на полу.

— Я пришел поговорить с вами, товарищ Судраб, насчет того, что вам готовить. Наша повариха огорчается, что вы ничего не едите. Скажите, что вы любите?

— Что я люблю? — засмеялся художник, по-прежнему сидя на корточках. — Я люблю мясо ангелов и молоко колибри. Оно не всем нравится, но я его люблю.

Он поднялся и, глядя на директора веселыми, живыми глазами, протянул ему руку. Он

[1] Как поживаешь?
[2] Я живу хорошо.

был круглолицый, добродушный, и его темные волосы были острижены кружком.

— Никогда не видел, чтобы у латыша были темные волосы,— сказал Балодис.

— Моя мать была итальянка. Отец плавал машинистом на торговом судне и в Савонне — есть такой старинный порт возле Генуи — нашел себе подругу жизни. Моя мать была генуэзка, красавица, но я, увы, не в нее.— Он вздохнул.— Вы, кажется, любите живопись? — спросил он вдруг.— Хотите взглянуть на два моих последних этюда?

Они вошли в его комнату, и художник показал этюды: на одном было только неспокойное море, на другом — берег с рыбацкими сетями и вытащенной на берег баркой.

— Это Гаугри,— сказал директор.— Сразу можно узнать.— Он стоял посреди комнаты и смотрел на этюды.— Счастливые все-таки вы, художники! — вздохнул он.— Увозите с собой все, что вам понравилось. Даже волну можете увезти с собой.

— К сожалению, обычно нам скоро перестает нравиться то, что нравилось раньше,— сказал художник.— Теперь буду писать дюны. В дюнах чувствуешь не только работу моря, но и движение времени. Они вырастают, меняются, и море все время лепит их, как скульптор.

— Вы не были в Риге на выставке художника Мауриня? — спросил директор вдруг.

— Я не люблю Мауриня... Его картины меня не волнуют. Конечно, он неплохо справляется с цветом, но у него нет глубины мысли...

— Как так? — спросил директор.

— Сегодня он увлекается одним, завтра другим, и никогда не знаешь, что он любит и что является его манерой.

— Но, может быть, он в жизни глубокий человек...— пробормотал директор.

— Нет, он и в жизни такой же, как и в своем искусстве... вообще он неважный человек, я о нем невысокого мнения. Скажите вашей поварихе, что мне ничего не надо, кроме стакана кефира утром, ну и яичницы или каких-нибудь сырников, что ли. Мясо я не очень люблю, пускай она не огорчается. Так вы сразу узнали Гаугри? — спросил он, отойдя от этюда, и, прищурив глаз, стал разглядывать его издали.

— Конечно. Я даже узнал барку, которую рыбаки вытащили на берег. В этом году плохо с салакой. Живем у моря, а свежей рыбы на базе нет уже целый месяц.

— Рыбу я тоже люблю, между прочим... но ваша повариха не виновата, если на базе нет рыбы.

— Я скажу ей, чтобы она завтра приготовила вареники... вы будете есть вареники?

— Конечно,— сказал художник,— вареники — это отлично.

Директор постоял еще, глядя на этюды, расставленные на полу у стены.

— Я обязательно приду на вашу выставку,— сказал он.

— Фью! — свистнул художник.— Моя выставка будет не скоро!

— Почему же?

— Потому что я не сделал еще ничего путного... Подождем годик — другой. Вы, наверное, любите художников, Андрей Иванович... Вы всегда так заботитесь о нас. Все художники, которые здесь побывали, хорошо вспоминают вас.

— Я стараюсь, чтобы людям было лучше,— сказал директор скромно.— Это моя обязанность.— Он хотел было еще что-то добавить, но произнес только: — Спокойной ночи!

— Спокойной ночи,— отозвался художник.— Ступайте, наконец, отдыхать, неугомонный вы человек.

Теперь шторм был в полной силе, наверное, все десять баллов. Директор, горбясь, чтобы не сорвало шляпу, поднялся к «фрегату», содрогавшемуся при каждом порыве ветра. В доме уже никто не жил, и пора было переезжать на зиму в другой дом. Директор открыл ключом английский замок входной двери и прошел в свою одинокую комнату. Он зажег свет, снял шляпу, пальто и хотел было присесть за стол, чтобы просмотреть кое-какие счета. Ветер швырял в окна брызги с песком, и по ритму залпов можно было представить себе, как море бросается на берег.

Балодис вспомнил вдруг, как неделю назад он пошел в Риге смотреть выставку картин художника Мауриня. Он очень боялся встретить его самого, но уже вечерело, на выставке было всего несколько посетителей, и толстая билетерша скучала у входа. Он жадно переходил от картины к картине и прочитывал надписи под ними, выискивая те картины, которые были написаны за последний год. Он старался найти в каждой картине след новой жизни Мауриня, а значит, и след Анны, но за последний год Мауринь написал только портрет писателя Янсона, какую-то картину на сюжет народной сказки, и это ничего не говорило о новой жизни художника. Может быть, если бы Мауринь написал какие-нибудь пейзажи, можно было представить себе местность, где он жил с Анной... Но портрет старого, с обвислыми щеками писателя Янсона не выражал ничего; у писателя был брюзгливый вид, словно он был недоволен, что ему приходится позировать.

— Ну, конечно,— произнес вдруг Балодис вслух,— конечно, я забыл сказать Марте, чтобы она проверила окна в обоих домах. Утром опять все будет засыпано стеклами.

Он досадливо махнул рукой, не сознаваясь себе, что ему непереносимо одиночество и нужно видеть людей. Он снова надел шляпу и пальто и пошел искать Марту. В главном корпусе было полутемно. Марта спала обычно в вестибюле на маленьком диване под лестницей. В доме после одиннадцати все уже ложились спать, но иногда кто-нибудь уходил на последний сеанс в кино или кое-кто из художников, не считавшийся с распорядком в доме, приезжал из Риги с последним поездом, и тогда запоздавшим приходилось открывать дверь.

Балодис поднялся на балкон, открыл дверь в вестибюль, но в вестибюле никого не было, и он решил, что Марта, наверное, судачит с поварихами. Он прошел через внутреннюю дверь и стал спускаться вниз, в полуподвальное помещение, где была кухня. В кухне горела одна дежурная лампочка и сладко пахло сдобой — к вечернему чаю испекли крендельки. Поварих в кухне уже не было. Он прошел подвальным коридором и вышел через маленькую дверь во двор. Было совсем темно, и он постоял на крыльце, чтобы освоились глаза. Море шумело теперь непрерывно, волны, наверное, уже не шли рядами, а догоняли друг друга, и одна разбивала другую.

— Эс юс милу[1],— сказал вдруг мужской голос в темноте, старательно выговаривая заученные слова чужого языка; послышался женский смех, потом звук поцелуя, чья-то тень проскользнула мимо него, и он узнал Марту.

Когда он снова обогнул дом и поднялся на балкон, там стоял и курил художник Борисенко из Киева. Он был высокий, с огненными глазами, похожий на цыгана.

— Это вы, Андрей Иванович? — спросил он.— Здорово море шумит.

— Да, шторм порядочный.

Художник помолчал минуту и спросил вдруг еще:

— Как по-латышски «до свиданья»?

— Свейки,— сказал директор.— Вы изучаете латышский язык?

— Да, немного... самые необходимые слова.

— Что ж, это хорошо.

— Здорово все-таки море шумит... даже не верится, что оно может так шуметь. Интересно.

— Вам, художникам, всегда все интересно.

— Да, уж такой мы народ... стараемся не пропустить ничего интересного в жизни,— согласился художник.

Он делал последние затяжки.

— Надо проверить все окна в доме,— сказал директор.

Он открыл балконную дверь и вошел в вестибюль. Марта лежала на своем диване.

— Марта,— окликнул ее директор.

Она потянулась и зевнула, как будто разоспалась.

— Ах, это вы, Андрей Иванович,— сказала она, спуская ноги с дивана.— Вы, наверно, насчет окон, мне передавал Арвид. Я всюду проверила.

— Тогда, значит, все в порядке.

За его спиной прошел Борисенко и стал подниматься по лестнице к себе в комнату.

— Свейки, товарищ директор,— сказал он сверху.

Теперь оставалось вернуться к себе на свой «фрегат». Директор прошел темным парком, выгребая ноги из опавшей листвы, поднялся в дом, но счета́ уже просматривать не стал, а разделся и лег в постель в темноте. Разом ударила тысяча пушек, «фрегат» дрогнул, в комнате запахло морем.

За ночь шторм пронесло, и утро было синее и солнечное, словно его оттерли до блеска песком. Всюду были следы ночной бури. Пришел Арвид, и они пошли осматривать парк, в котором было сломано несколько деревьев. Но молодые посадки уцелели, сломались только две старые сосны, а у третьей снесло верхушку.

— Видите, наши кленки стоят,— сказал Арвид довольно,— а всегда ломается то, что непрочно... Я такие деревья не жалею.

Он только что побрился, и лицо его было свежим и розовым.

— Сегодня я выкопаю последние клубни георгинов, нашу «Марианну».

— Давайте пройдем к морю, посмотрим, что на берегу,— предложил директор.

— Давайте. Может быть, найдем янтарь.

Они вышли из сада, поднялись на холм, и сразу открылось растревоженное, в волнах с пенными гребнями море. Пляж от больших ночных волн был нежно-замшевый, с прибрежных деревьев нанесло веток и сосновых чешуек, на песке лежали выброшенные морем бело-желтые, гуттаперчевого цвета креветки, обломки раковин, и двое мальчуганов бродили возле самой воды, отыскивая янтарь. После бури был мир, но волны все еще неслись на берег, и губы сразу стали солеными. Арвид ушел в сторону, вглядываясь в песок, иногда поднимая что-то и отбрасывая.

— Нашел! — крикнул он вдруг издалека и направился к директору, держа в поднятой руке найденное.— Смотрите, какой кусок янтаря...

Это был, правда, большой кусок непрозрачного, похожего на густой мед янтаря.

— Хороший янтарь,— одобрил директор.

— Возьмите его себе на счастье, Андрей Иванович,— сказал Арвид и сжал его руку так, чтобы он не мог вернуть янтарь.

— Какое уж тут счастье, Арвид...— пробормотал директор, но янтарь лежал в его руке, и Арвид не давал ему разжать ее.

Они пошли обратно к дому. За ночь ветер стряхнул с деревьев много листвы, и одна аллейка была совсем красная от кленовых листьев.

— Так я займусь георгинами,— сказал Арвид.— Я уже приготовил ящики с землей для клубней.

Он ушел в свою оранжерею, а директор поднялся на балкон главного корпуса, в столовой которого были уже накрыты столы для завтрака. Почти никто еще не спускался, но за одним из столов сидел свежий, видно, отлично выспавшийся Судраб.

— С добрым утром,— сказал он, блестя своими живыми глазами.— Сколько поломало деревьев за ночь, но зато какой день!

По кафелям печи струился солнечный свет, иногда он переходил в клубы, похожие на дым от костра, затем все быстро перемежалось тенями — это деревья размахивали ветками,— и снова струился мягкий солнечный свет. Сверху спустились художник Никитин со своей маленькой женой. Она приветливо кивнула головой, села рядом с мужем, нежная и грустная, и Балодису захотелось подойти и сказать что-нибудь такое, что относилось бы только к ней.

— С добрым утром,— сказал он, подойдя к столику.— Вот вас и встречает хорошее утро. У нас часто бывает так на Балтике.— Он опустил вдруг руку в карман, достал кусок янтаря и протянул его женщине.— Этот янтарь только что из моря. После бури всегда можно найти янтарь. Возьмите его, пожалуйста... говорят, он приносит счастье.

Женщина посмотрела в его глаза, и ему показалось, что она все поняла, о чем он не смел сказать ей.

— Спасибо,— сказала она только, и ее милое лицо стало детским.

— Это очень любезно,— сказал Никитин с достоинством.— Действительно, прекрасный янтарь.

[1] Я вас люблю.

Но Балодис уже не слушал его. Он сам не понимал, отчего у него стало так хорошо на душе. Он только поклонился и пошел было к двери, выходившей на лестницу в кухню, но его окликнул Судраб.

— После завтрака пойду писать море, — сказал он. — Как оно сегодня?

— Прекрасно. Совершенно прекрасно.

— Сейчас же после завтрака пойду писать, — повторил художник нетерпеливо. — Впрочем, море всегда прекрасно. Вообще когда что-нибудь любишь, то оно всегда прекрасно... Наверно, море было прекрасно и ночью, только его нельзя было увидеть.

— Желаю вам написать хороший этюд, — сказал Балодис, — чтобы вы увезли с собой и кусочек нашего моря.

И он направился к конторе, где его уже ждали. Листва еще не совсем облетевших берез была полна солнечного тепла и лилась золотом. Море шумело свежим утренним шумом. Губы были еще солеными от морских брызг. Балодис вспомнил, как беспомощно и трогательно порозовела маленькая жена художника Никитина, когда он протянул ей янтарь.

«Когда любишь что-нибудь, оно всегда прекрасно», — повторил он про себя слова Судраба. — Как это верно!»

Собаки за сеткой вольера уже ждали его, он не забыл и на этот раз захватить с собой хлеба. Зана сразу присела на задние лапы, ожидая подачки, Марсик скреб когтями по сетке и отталкивал мать, жадно ловя куски, а Рипс с достоинством смотрел в сторону: ему не нравилось попрошайничество семьи. Потом он вежливо обошел Зану с ее сыном, как бы заинтересованный тем, кто идет по дороге, и директор увидел, что улицу переходит почтальон Юнаш с утренней почтой. Юнаш был старый почтальон и знал многих, кто приезжал сюда на взморье даже год или два назад.

— Судраб, есть у вас такой? — спросил он, перебирая на ходу письма.

— Давайте я захвачу, — сказал Балодис.

Он взял у почтальона письма и газеты и вернулся с ними в дом. Теперь все уже встали, и Лакуч с Адамсоном пили в столовой кофе.

— Вам письмо, — сказал директор, протягивая Судрабу синий конверт.

Он роздал еще письма другим, положил на круглый стол в вестибюле центральные газеты и развернул рижскую, чтобы посмотреть прогноз погоды на сегодня. По сведениям Рижского бюро погоды, сегодня ожидалась переменная облачность, без осадков, ветер западных направлений, порывистый (5—6 баллов).

Судраб, прочитавший тем временем письмо, вдруг встал из-за столика и подошел к директору.

— День действительно великолепный... Давайте выйдем на балкон, подышим воздухом. — Они вышли на балкон. — Между прочим, в письме, которое я только что получил, есть одно место, вам это, может быть, небезынтересно. Вы спрашивали меня насчет художника Мауриня, так вот что пишет мне о нем моя жена из Даугавпилса: Мауринь выкинул очередной номер, все бросил и уехал неизвестно куда... Жена пишет, как можно дружить с таким типом, как будто я с ним когда-нибудь дружил... — И Судраб сделал вид, что поделился самой незначительной новостью. — Еще жена пишет о том, что, подумайте, в Даугавпилсе тоже нельзя достать свежей рыбы на базаре.

— Сегодня к обеду как раз будет рыба, — сказал Балодис. — Прислали с базы лосося. Извините, я пройду к поварихам.

Он спустился в сад, зашел за угол дома и вытер пот со лба. Сердце билось так, что он прижал кулак к левой стороне груди, и оно толкало в кулак. Золото берез стремительно лилось под ветром, ветер был в пять — шесть баллов, как и предсказывало бюро погоды. Он обошел дом и, подойдя к кухне, услышал, как Кристина учит Тоню словам латышской песни.

«Лыку бедя зем акменя», — пела Кристина, и Тоня старательно, немного перевирая, повторяла слова. Потом следовал припев: «Ай, сию, вию, ра-ла-ла!» — Это Тоня уже хорошо знала.

Поварихи увидели директора, засмеялись и перестали петь.

— Однако вы хорошо поете по-латышски, Тоня, — сказал Балодис.

— А я и не знаю слов, — ответила Тоня, смеясь. — Просто повторяю, как попка.

— Это хорошие слова, — сказал Балодис. — «Под камень я кладу беду». Эту песню у нас всегда поют, когда человек хочет развеять горе. Я не знал, что вы так хорошо поете по-латышски, Тоня, — повторил он и пошел к выходу. Вид у него был странный, и поварихи переглянулись.

Он поднялся по крутым ступенькам лесенки и увидел, что мимо сада идут художник Никитин с женой, похожей на мальчика в своих серых брюках. Она скромно посмотрела на него нежными глазами и сказала:

— Мы идем к морю... наверное, оно все еще бурное.

— Оно прекрасное, — сказал Балодис. — Оно всегда прекрасное.

Из глубины сада шел Арвид с длинным узким ящиком, полным выкопанных клубней георгинов.

— Я сейчас еду в Ригу, Арвид, и буду к вечеру. Постарайтесь выкопать все клубни и луковицы, чтобы весной у нас был хороший сад.

И он пошел в сторону вокзала. За сеткой вольера, где обычно дежурили собаки, сейчас стоял только один Рипс. Его стариковские глаза смотрели печально и внимательно.

— Боже мой, старик, — сказал Балодис, подойдя к сетке вплотную, — как это верно, что если любишь, то это всегда прекрасно, даже в самые плохие времена... — Нет, Рипс не ждал подачки, он просто слушал, пока не набежали его шумные попрошайки. — И знаешь, что еще? — сказал Балодис только ему одному. — Когда любишь, то многое становится второстепенным и можно все забыть... Может быть, она еще вернется, старик.

Солнечного света, несмотря на сильный ветер, было так много, что даже болели глаза, как после слез или бессонной ночи. По другую сторону полотна железной дороги блестела Лиелупе, тоже растревоженная ветром и гнавшая к берегу полукруглые волны. Поезд из Кемери должен был прийти через четверть часа. В вокзальном буфете стоял, как будто и не уходил никуда со вчерашнего вечера, краснодеревщик. К его зеленой непросохшей шляпе пристал лист.

— Послушайте, товарищ Мартынов, хотя вы и обманываете меня все время, но сегодня такой хороший день, что не хочется на вас сердиться, — сказал Балодис. Он посмотрел на строгую буфетчицу. — Налейте ему немного ради такого хорошего дня.

— Ну как, Мартынов? — спросила буфетчица иронически. — Выпьете?

Она налила ему рюмку. Столяр взял ее дрожащей рукой, посмотрел на свет и сказал:

— Вы хороший человек, товарищ директор. Давайте выпьем вместе.

— Я пью с вами, — ответил директор, подняв руку с воображаемой рюмкой.

— За что мы пьем? — спросил столяр.

— За что хотите.

— Ну, тогда ладно. Я знаю, за что я пью.

— Неужели вы и на этот раз обманете директора, Мартынов? — спросила буфетчица.

— Если бы вы знали, за что мы выпили, вы бы не говорили так, Эмма Оскаровна, — сказал столяр.

Он протянул директору шершавую, с бурыми от лака ногтями руку и посмотрел ему в глаза темными блестящими глазками.

— Ведь правда, она никогда не поймет, за что мы с вами выпили?

Подошел поезд из Кемери, и Балодис минуту спустя сел в вагон. По одну сторону катила свои плоские волны Лиелупе, по другую шумело море, наращивая год за годом дюны, которые всегда движутся и меняются, как и человеческая жизнь... Но именно поэтому она и прекрасна.

Под трибунами

В ЛУЖНИКАХ

В. НОВОСКОЛЬЦЕВ

Фото Я. РЮМКИНА.

Зима в нынешнем году капризничала, как избалованная девица,— на день десять перемен: то зазвенит с крыш капель, то вдруг обожжет лицо студеным ветром. Физкультурники вздыхали: по спортивному календарю — зимний сезон, а на улице — форменное межсезонье! И только в городе спорта — Лужниках — жизнь шла своим чередом, независимо от бюро прогнозов. В самые холодные дни здесь выходили на старт в легких майках бегуны, раздавались удары по футбольному мячу. А когда мальчишки в скверах сооружали на лужах плотины из рыхлого снега, на стадионе шли жаркие хоккейные схватки, и фигуристы грациозно скользили по льду, проделывая замысловатые пируэты.

Природа не властна изменить течение жизни в этом спортивном комбинате, раскинувшемся на берегу Москвы-реки, у подножия Ленинских гор. Если пройтись по улицам этого города в будний день, то на первый взгляд он покажется притихшим и безлюдным. На Большой спортивной арене тишина. Трибуны освободились от снега, но еще пусты. Но тишина эта обманчива. Откроем застекленную дверь, пройдем через вестибюль, под трибуны.

— Не засиживайтесь на старте. Попробуем еще раз! — звучит команда, и трое девушек устремляются вперед по беговой дорожке.

— Попробуем поднять планку еще на два сантиметра.— И после короткого, стремительного разбега упругое тело юноши взлетает в воздух.

Мы идем под трибунами из зала в зал, проходим по бесконечным коридорам, и перед нами открывается кипучая жизнь обитателей этого города спорта.

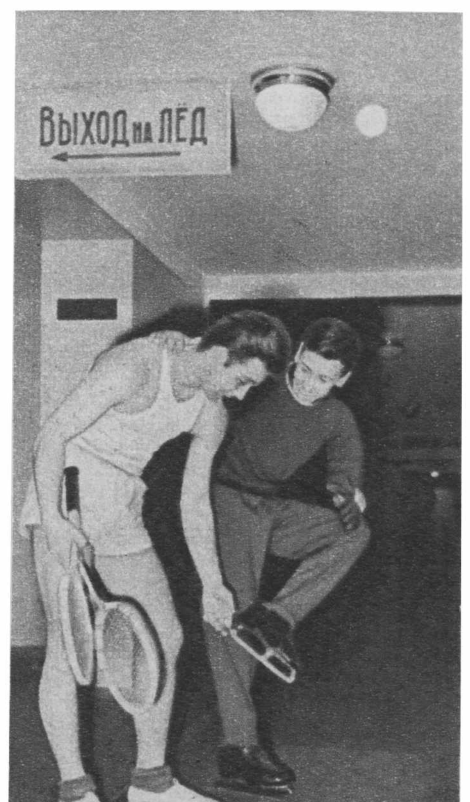
Первое впечатление от этой прогулки под трибунами — простор. Если бы не потолок над головой, можно было бы забыть, что мы в здании. И, словно подтверждая это, перед нами проносятся отлично тренированные спортсмены. ...Четко разыгранная комбинация завершилась ударом по воротам. Правда, не слышно аплодисментов, но бросок вратаря, право, не хуже, чем на зеленом поле. Под трибуной мяч взять нисколько не легче, чем перед трибуной...

Здесь погода делается на любой вкус. Огромная котельная обогревает помещения, где тренируются легкоатлеты, гимнасты, футболисты, теннисисты. Мощная холодильная установка вопреки любым капризам погоды обеспечивает льдом хоккеистов.

И вот они перед нами, сильнейшие хоккеисты страны. Они готовятся к выходу на лед.

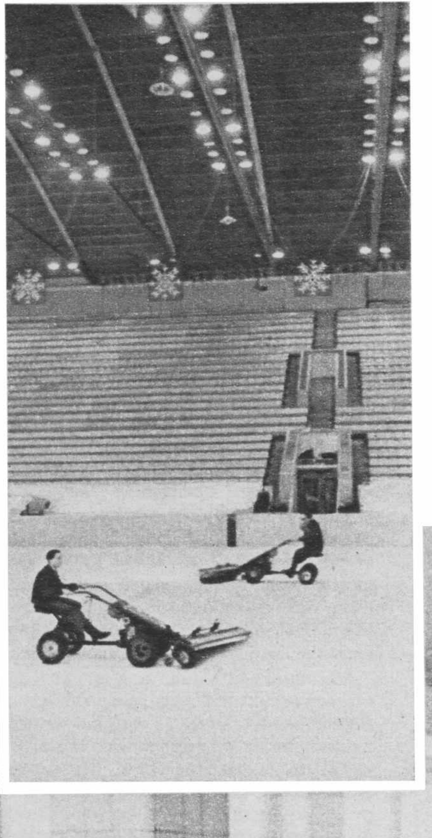
Сколько людей, столько и спортивных вкусов. В Лужниках исполняются все желания.

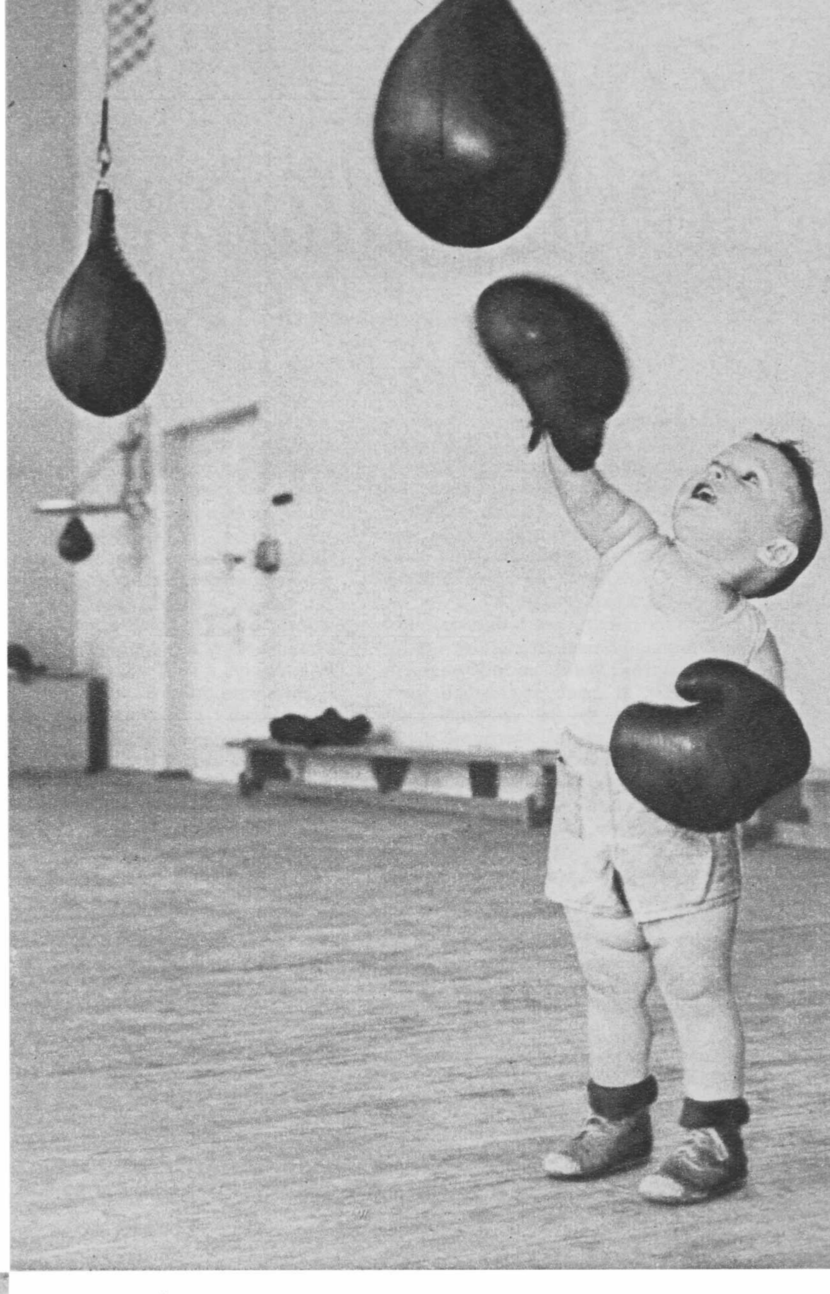

А это футболисты. Они только что закончили тренировку.

В то время как во Дворце спорта готовится искусственный лед, под трибунами Большой арены идет тренировка пловцов в теплой воде бассейна.

Он уже мечтает о славе Николая Королева.

Что, если записаться?

Впечатляет!

Ник. КРУЖКОВ

Конечно, об этом своеобразном балетном спектакле Днепропетровского дворца культуры железнодорожников можно было бы написать так, как обычно пишут о спектаклях: «впечатляет» или «не впечатляет», «отображает» или «не отображает», «в духе эпохи» или «не в духе эпохи»...

Но так писать не хочется, ибо спектакль «Бахчисарайский фонтан» действительно своеобразен и необычен. И дело тут вовсе не в том, сколько фуэте удалось сделать Нонне Скоробогатовой и какова линия арабеска Майи Фурман. Нонна ведь не прима-балерина профессиональной труппы, а студентка 5-го курса Днепропетровского института инженеров железнодорожного транспорта, специалист по мостостроению, готовится к аспирантуре, и ее фуэте (право, прелестные фуэте) — всего только плод досуга. А Майя не солистка балета, а работница шляпной мастерской, при этом преподает математику в школе слепых и сама по вечерам учится; ее арабески и прочие балетные штуки — тоже плод досуга, да, пожалуй, не столько досуга (его остается так мало!), сколько истинной любви к искусству.

В спектакле этом мы искренне полюбовались эффектным выходом Гирея в огненном плаще, стремительно ворвавшегося в разгар бала на сцену со своей свирепой свитой. Экспрессии выхода можно было бы подивиться вдвойне, если знать, что Гирей за два часа до этого успешно сдал зачет по анатомии: Станислав Петров, красивый, рослый юноша,— студент-медик 2-го курса, и ему надо думать не только об образе изображаемого им Гирея, но и о мениске коленного сустава.

Станиславу Петрову нередко приходится попадать «с корабля на бал» — из института на спектакль, или, наоборот, с репетиции в анатомичку. Да и не только Станислав Петров находится в таком положении. Владимир Рохлин — учащийся вечернего железнодорожного училища, Лариса Писарева — мастер прессового завода, Геннадий Сокиркин — студент 1-го курса транспортного института, Николай Свистенко — токарь завода имени Петровского, Лариса Канивец — бухгалтер. Вот только Анатолий Фоменко и Михаил Мазур, работая в клубном коллективе классического балета, одновременно учатся на хореографическом отделении Днепропетровского театрального училища; им легче. Балет станет для них жизненной профессией, и это тоже результат клубных занятий.

Большинство участников коллектива начали танцевать еще с детских лет. Здесь и теперь существует детская группа, где совсем маленькие ребятишки учатся балетному искусству. Отсюда, повзрослев, переходят они в молодежный коллектив. Преемственность эта дает возможность вдумчиво отобрать наиболее способных ребят, дать им известную школу, привить навыки, приучить к непринужденности поведения на сцене, воспитать в них ту легкость, без которой искусство превращается в угловатую любительщину.

Вот уже десять лет существует коллектив классического балета при Дворце культуры Сталинской железной дороги в городе Днепропетровске. За эти годы он настолько творчески окреп и вырос, что в 1956 году выступил перед городом, перед железнодорожниками с такой большой работой, как «Бахчисарайский фонтан». Нелегко было осилить эту постановку. Возникали естественные сомнения: справимся ли? Дворец культуры дал деньги на постановку — не пойдут ли они прахом? Как тогда отчитаться? Сколько сраму придется принять на свою голову!

Взялись за работу с истинным энтузиазмом, трудились семь месяцев изо дня в день, вернее, из вечера в вечер, забывая об отдыхе, урывая время от сна, возмещая все эти усилия жаром молодости и любовью к искусству. Трудов не жалели, помня, что искусство требует жертв. И все-таки работали и боялись: а вдруг не выйдет?

Но вышло! Днепропетровск, город, любящий и знающий искусство, имевший до войны свой театр оперы и балета, принял клубный спектакль с признательностью, воодушевлением и, можно прямо сказать, с восторгом. Но не только город получил хороший, добротный балетный спектакль—коллектив повез свою постановку в клубы железнодорожных узлов, больших и малых станций Сталинской железной дороги. Тысячи, десятки тысяч зрителей увидели балет, рожденный на клубной сцене.

Чьи же руки, чье искусство, чей разум создали, сплотили и воспитали этот клубный коллектив? Разумеется, тут не обошлось без энтузиастов, которые привыкли вкладывать в свою профессию тепло души. Их, таких энтузиастов, у нас много. Мы их видим всюду! Забывая о себе, о личной жизни, о личных радостях, они все силы отдают делу и в этом видят смысл своего существования, свою собственную, личную радость и удовлетворение. Такие энтузиасты и есть подлинное украшение жизни. Что, скажем, заставляет маленькую, хрупкую, уже немолодую женщину Викторию Борисовну Федосеенко долгими часами с необыкновенным упорством и поистине святым терпением работать в коллективе балета, руководить им и учить молодежь классическому танцу? Изо дня в день настойчиво прививает она молодежи необходимые навыки, нужную технику, а главное, ту беззаветную любовь к искусству, которой полна сама.

Виктория Борисовна Федосеенко не одинока, конечно. Михаил Маркович Житейский — художественный руководитель Дворца культуры — старый человек, сам в прошлом профессиональный актер, как и Виктория Борисовна, проводит в клубе целые дни. Хлопот тут полон рот, всех дел никак не переделаешь. Тут и коллектив классического балета, и драмкружок, и кружок характерного танца, и баянисты, и гитаристы; всех надо устроить, рассадить, обучить, дать программу действий; кого вдохновить, кого обругать, кого пожурить, кого подтянуть... Иногда Житейский садится куда-нибудь в уголок и держится за старое сердце: плоховато работает этот мотор, усталость и возраст берут свое... Но кажется нам, что отними у него эту хлопотливую, напряженную работу, вот тут-то и заболеет по-настоящему Михаил Маркович, ибо эта суета и есть жизнь, творчество, освещенное истинной любовью, без него нечем дышать, задохнется человек!

Вот за все это и любит молодежь своих руководителей, верит им, тянется за ними и стремится вместе с ними создать что-то свое, радостное, нужное и отрадное для всех. Один парнишка (не будем называть его фамилии), повздорив с Викторией Борисовной, ушел из балетного коллектива. Он помыкался один, заскучал и написал покаянное письмо. «Дорогая Виктория Борисовна,— писал он.— Во мне столько светлых воспоминаний о вас и о занятиях, что я не могу простить себе свой уход из балета. Вскоре я понял, что сделал, но вернуться не решался. Много раз я наблюдал за вашими занятиями так, чтобы никто этого не видел. Каждый раз я чувствовал большое влечение к ним. Я не могу больше скрывать это от всех и даже от самого себя. Прошу Вас принять меня опять в ваш кружок...». Грешник, конечно, был прощен!

«Бахчисарайский фонтан» — хороший балетный спектакль без всяких скидок на молодость его участников и на то, что в нем заняты не профессиональные актеры. Выражаясь рецензентским слогом, спектакль впечатляет.

Но еще больше впечатляет то обстоятельство, что молодежь в Днепропетровске нашла под сенью железнодорожного Дворца культуры животворное применение своим силам. Ведь можно по-разному проводить досуг. Одни проводят его на танцульках с применением самоновейших танцев, от которых подчас душу воротит на сторону, другие — на вечеринках с возлиянием водочных и менее крепких напитков, третьи — в уличной толчее по вечерам. А вот здесь молодежь с великим увлечением пробует, творит, действует — создает дело, важное и нужное для всех.

Из среды балетного коллектива уже вышло и, несомненно, еще выйдет несколько профессиональных артистов балета. Виктория Борисовна Федосеенко законно гордится этим, что вполне понятно. Но пусть остальные останутся тем, кем они были и есть,— все равно труды руководителей коллектива не пропали и не пропадают даром: здесь, на клубной сцене, молодые люди обогащают мир своих представлений и чувствований, свою культуру и свое восприятие жизни через искусство. Вот именно это истинно и сильно впечатляет!

Балетный коллектив Днепропетровского дворца культуры железнодорожников. На первом плане слева — В. Б. Федосеенко, в центре — М. М. Житейский.

«БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН» НА СЦЕНЕ ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ В ДНЕПРОПЕТРОВСКЕ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

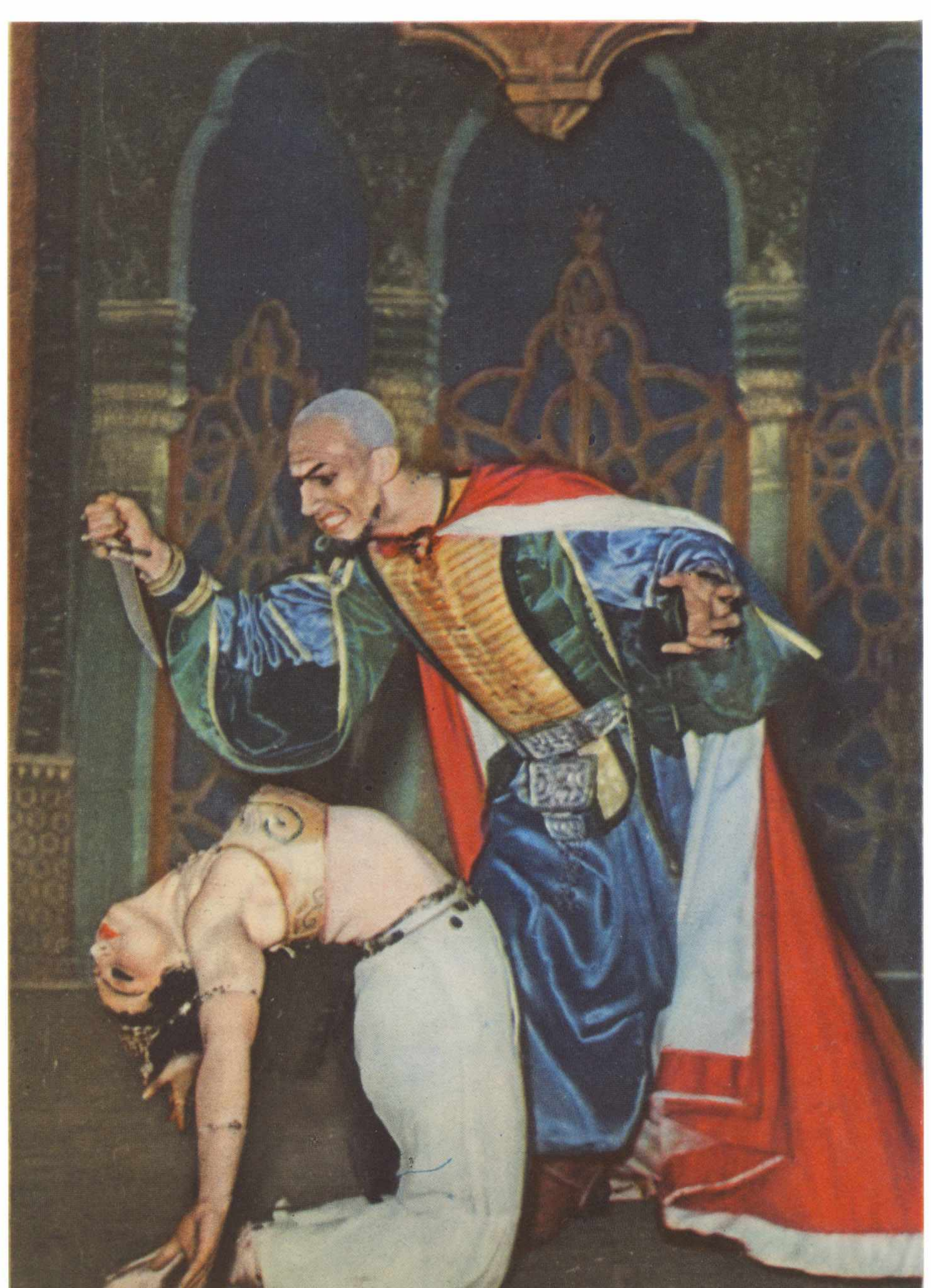
Танец Заремы. В роли Заремы — Майя Фурман, работница шляпной мастерской.

Выход Гирея. Гирей — студент медицинского института Станислав Петров.

Танец Нур-Али. В роли Нур-Али — Владимир Рохлин, учащийся железнодорожного училища.

Па-де-де Вацлава и Марии. Вацлав — студент театрального училища Анатолий Фоменко, Мария — студентка Института инженеров железнодорожного транспорта Нонна Скоробогатова.

Гирей и Зарема. Гирей — Станислав Петров, Зарема — Майя Фурман.

ВТОРОЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ КОМПОЗИТОРОВ

В Москве состоялся Второй Всесоюзный съезд советских композиторов. Свыше 400 делегатов — композиторов, музыковедов — представляли на съезде многонациональное советское музыкальное искусство.

В своем приветствии съезду ЦК КПСС, отмечая большие достижения в развитии музыкального искусства, указывает на то, что тема современности «еще не находит должного воплощения в творчестве композиторов». От советских музыкальных деятелей народ ждет «содержательных и мелодичных опер о советском человеке, величии его духа и трудовых подвигов, новых симфоний, в которых бы глубокое идейное содержание сочеталось с доступным широким массам демократическим музыкальным языком, проникновенных лирических песен, жизнерадостной музыки».

Съезд заслушал и обсудил доклад генерального секретаря Союза советских композиторов Т. Н. Хренникова о состоянии и задачах советского музыкального творчества и содоклады о творчестве в области музыкального театра и о критике. Съезд внес изменения в устав Союза композиторов и выбрал новое правление.

Живое участие в работе съезда приняли выдающиеся музыкальные деятели Китая, ГДР, Чехословакии, Польши, Румынии, Венгрии, Югославии, Англии, Греции, Бразилии и других стран.

В зале заседаний Большого Кремлевского дворца. Среди делегатов — Д. Д. Шостакович (справа) и В. М. Юровский.

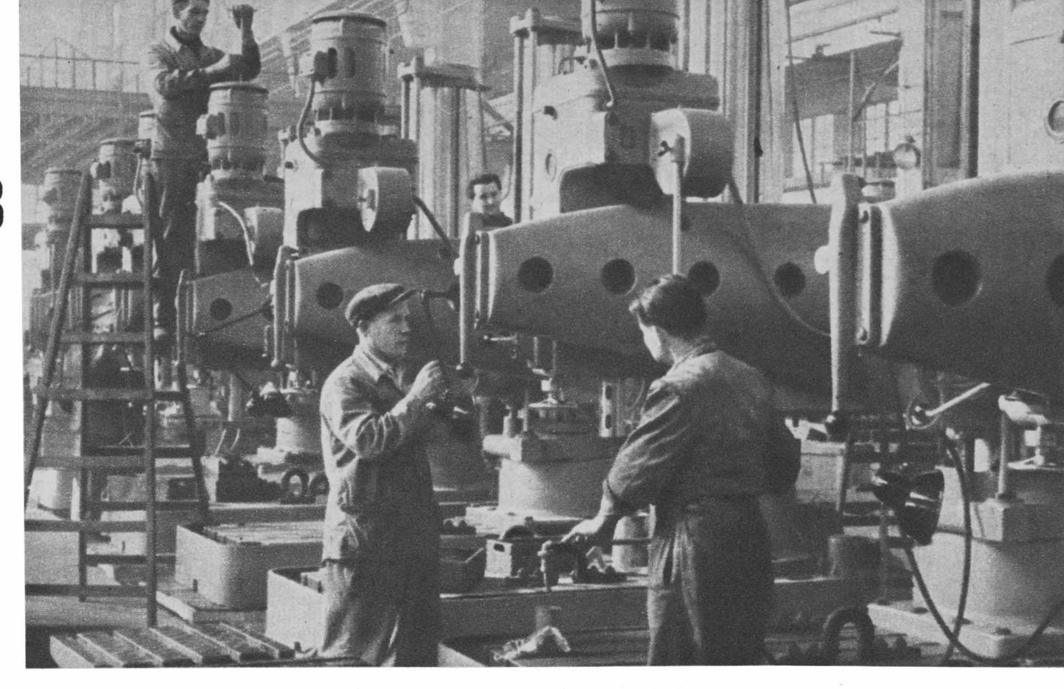

Молодые композиторы М. Кажлаев (Дагестан), К. Хачатурян, Ю. Глаголев (Латвия), Р. Щедрин беседуют с Д. Кабалевским (в центре).

А. Новиков и В. Соловьев-Седой.

Фото Е. Умнова.

На станкостроительном заводе Чепельского комбината. Собирают новые сверлильные станки.

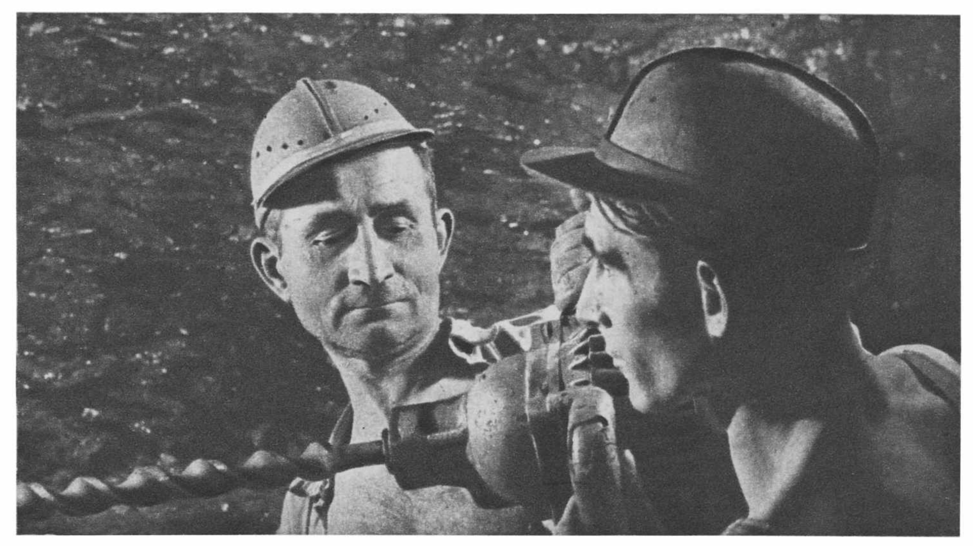
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВЕНГРИИ

Каждый год венгерский народ отмечает дату 4 апреля. Двенадцать лет назад войска Советской Армии принесли Венгрии независимость и свободу. Черные дни фашизма кончились, у власти стал народ.

«Смело можно сказать,— заявил Председатель Венгерского Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства товарищ Янош Кадар на митинге в Москве,— что те успехи, которые были достигнуты за двенадцать лет, прошедшие после 1945 года, означали для венгерского народа огромный исторический прогресс и явились первым крупным и успешным этапом социалистического строительства».

Все эти годы враги социалистической Венгрии в бессильной злобе смотрели на то, как крепла молодая республика. За рубежами Венгрии, на Западе, они втайне готовили заговор против венгерского народа. Они хотели закрыть для Венгрии путь к социализму, вернуть ее к старым порядкам. И они попытались сделать это осенью прошлого года. Но их план провалился. Венгерский народ отстоял свои социалистические завоевания, Венгерская Народная Республика остается членом великого содружества социалистических стран.

В совместной борьбе за мир и социализм крепнут связи двух соседей, двух дружественных народов — советского и венгерского.

Шахтеры шахты Мижерфа Ноградского угольного треста уже добывают угля столько, сколько добывалось здесь в сентябре прошлого года.

Новые виноградные плантации в районе города Мечек.

500 000 добрых друзей

Вальтер ХАЙНОВСКИЙ
Заведующий отделом искусства Берлинского телевизионного центра

— Мы лично знакомы с Херлуфом Бидструпом! — говорит в Германской Демократической Республике полмиллиона людей. Вы отнесетесь, конечно, скептически к этим заявлениям: ведь каждое такое знакомство потребовало бы от Бидструпа по крайней мере десяти минут времени. Полмиллиона раз по десять минут составляет почти десять лет жизни человека. Получается, что Бидструпу — ему, кстати говоря, теперь сорок четыре года — пришлось бы потратить десять лет бессонного существования лишь для того, чтобы сказать каждому из своих немецких друзей приветливое «Доброе утро!». Вряд ли при этом у него оставалась еще возможность для работы художника.

Впрочем, я подсчитал это с математической точностью: при таком количестве личных знакомств ему, собственно говоря, не хватило бы времени для рисования на протяжении тридцати лет. Откуда взялась такая цифра? Десять лет надо помножить на три, потому что человеку требуется еще спать, к тому же у Бидструпа в Копенгагене семья: жена и трое детей, которым надо уделять внимание. Но если бы Бидструп с такого юного возраста (сорок четыре минус тридцать) не нашел времени для рисования, то вряд ли с ним так хотели познакомиться пятьсот тысяч немцев. Они ведь стремились к личному знакомству с знаменитым карикатуристом!

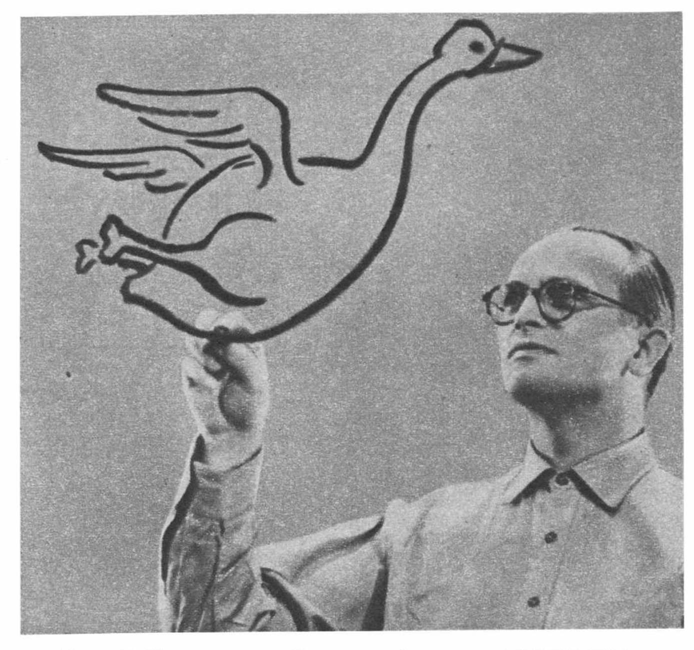
...Читатель догадывается, что на деле всей этой дилеммы не существует. Перед нами было уравнение с одним неизвестным, и оно уже решено. Бидструп — знаменитый рисовальщик — стал известен пятистам тысячам немцев в ГДР при помощи... телевидения.

Раз в месяц Херлуф Бидструп создает свои рисунки для зрителей немецкого телевидения (сейчас их полмиллиона, к концу года будет миллион).

И вот герр Краузе в Берлине и герр Шмидт в Лейпциге сидят в установленное время у экранов своих телевизоров и ждут, когда Херлуф Бидструп скажет им: «Добрый вечер!». В этот час он рисует для своих зрителей на поблескивающих белых экранах телевизоров карикатуры на международные темы. И делает он это необычайно оригинально. Из первых штрихов рисунка никак нельзя еще понять, какова будет его тема, последующими — художник сознательно уводит зрителя в оптическую ловушку. Вы думаете: «Ага, это будет аист!». И вдруг перед вами возникает сухопарый «дядя Сэм».

К отдельным рисункам Бидструп дает устные пояснения — постепенно развертывающийся сатирический комментарий, синхронный с процессом создания карикатуры. Сделав пять — шесть рисунков (на это уходит четверть часа), Бидструп выводит на экране свою подпись. И все его друзья у телевизоров знают, что художник расстается с ними до следующего месяца.

Берлинская студия телевидения с прошлого года ведет передачу «Наше время в рисунках» — еженедельный обзор событий. Вместе с Бидструпом — любимым художником телезрителей — в передаче сотрудничают западногерманский карикатурист Гарри Мюллер-Эбинг, проживающий в Берлине чехословацкий художник Лео Хаас и молодой художник из ГДР Петер Диттрих. В передаче также выступали во время своего пребывания в Берлине Эрик Липинский из Варшавы и Луи Мительбер из французской газеты «Юманите». В ближайшие месяцы мы предполагаем передать выступления советского художника Бориса Ефимова, французского — Жана Эффеля, итальянского — Рауля Вердини, испанского художника Хосе Ренау и одного из египетских карикатуристов.

Херлуф Бидструп на Берлинской студии телевидения.

Комментирование событий при помощи рисунков во всем своем многообразии стало возможно благодаря телевидению. Это раскрывает перед искусством карикатуры новые перспективы.

Мы не чувствуем себя вправе сохранять только для немцев Херлуфа Бидструпа, Жана Эффеля и других известных художников. Поэтому я побывал в Москве, чтобы договориться с московским телевидением о будущем сотрудничестве в этой области. Результаты переговоров вы увидите — вероятно, в недалеком будущем — у себя дома, на экранах ваших телевизоров.

ВЕНСКИЙ БАЛЕТ НА МОСКОВСКОМ ЛЬДУ

Доктор Август БЕРАНЕК

Есть нечто своеобразное в этом ансамбле, который показывает вам свой спектакль «Мелодии любви». По своему характеру чисто венский, он в то же время обладает спортивным мастерством, так сказать, международного класса. Получается, как со знаменитыми венскими «мучными блюдами»: рецепт их известен, а по-настоящему изготовлять их умеют только в Вене, ибо все здесь зависит от состава. Берут доведенное до совершенства спортивное и артистическое мастерство, добавляют к нему воздушность, изящество и очарование, сочетают это с венскими балетными традициями, жизнерадостностью, юмором и богатой выдумкой венской оперетты, наделяют мелодичной музыкой, украшают красочными костюмами — и в результате получается нечто такое, что может быть обозначено особым названием — «Венское ревю на льду».

Эта труппа, выросшая за последние двенадцать лет, не является частным предприятием: она принадлежит венскому Обществу спорта на льду, и чистый доход от ее выступлений поступает на развитие спорта в Австрии.

Вильгельм Петтер, режиссер и балетмейстер коллектива, в беседе с нами вспоминал:

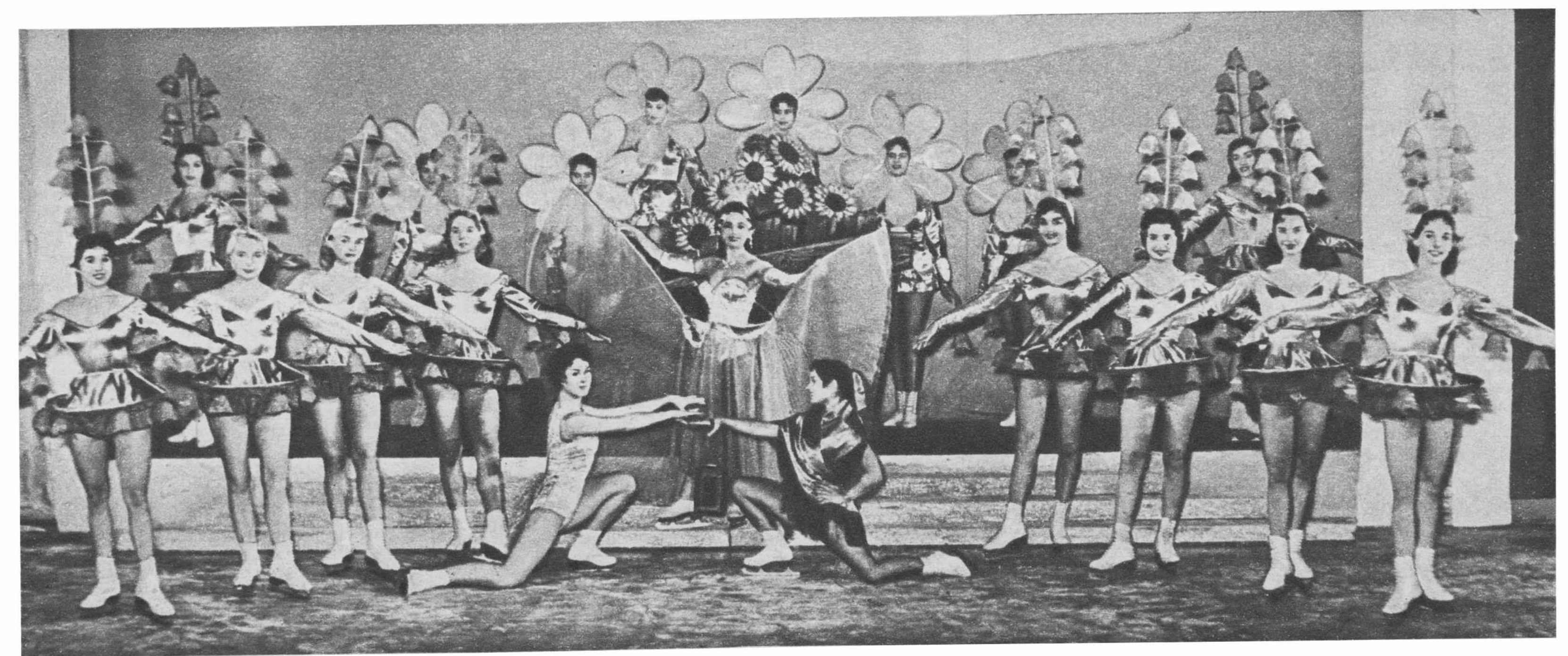
— После войны труппа насчитывала двадцать человек, и весь ее реквизит умещался в трех чемоданах. А сейчас это самое большое в Европе «ревю на льду», и во время его гастролей пятьдесят пять участников возят семь вагонов багажа. Ежегодно ревю подготавливает новую программу — чисто венское музыкальное зрелище на льду, которое затем смотрит Европа.

Особенность ревю заключается в том, что в отличие от других ансамблей оно выступает только на «большой дорожке», то есть на площадке размером не меньше тысячи квадратных метров. Такое большое ледяное пространство определяет и хореографию ансамбля.

Солисты ревю — международные мастера. Среди них выступающие в паре бывшие чемпионы мира Элизабет Шварц и Курт Оппельт — студенты юридического факультета Венского университета. Наряду с исполнением ролей в балетных сценах они демонстрируют свое спортивное искусство, которое принесло им на Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо золотые медали.

Конечно, состав труппы меняется. Актрисы выходят замуж, некоторые из участников ансамбля завершают учебу и начинают работать по своей специальности. Поэтому ансамбль создал собственные курсы по подготовке фигуристов.

— Работать в нашем ансамбле — одна радость,— говорили нам «звезды» ревю Элизабет Шварц и Курт Оппельт.— Мы большая семья, которая спаяна строгой дисциплиной и хорошими товарищескими отношениями. Мы заранее радуемся тому, что будем в Москве, и надеемся, что с честью сумеем выступить перед таким требовательным зрителем, каким является высокоодаренный в области хореографии русский народ.

Сцена из балета на льду «Цветы колокольчики».

Заметки из Калифорнии

Альберт КАН

В Лунной долине

Осенью прошлого года мы окончательно поселились всей семьей невдалеке от деревни Глен Эллен, в той части Калифорнии, за которой индейские предания и рассказы Джека Лондона закрепили название Лунной долины. В те дни, когда писатель жил здесь, он считал эти места «самыми красивыми из первобытных земель Америки». Да они и сегодня по-прежнему красивы с их волнистыми холмами, одетыми в рощи мачтовых сосен, с их пряно пахнущими эвкалиптами, развесистыми дубами и земляничными деревьями цвета старого вина. Над обрывами глубоких каньонов, как сторожевые башни, возвышаются могучие пирамиды вулканических скал и причудливые колоннады из окаменевшей глины. А за всем этим, вдали — горы, тонущие в мягком, голубом мареве.

Но места эти уже не назовешь первобытными. Склоны холмов и долины возделаны заботливой рукой человека — их покрывают бесчисленные ровные строчки виноградников, сады, где обильно плодоносят яблони, слива, вишня, грецкий орех. Среди зелени раскинулись животноводческие и птицеводческие фермы. Асфальтовые дороги связывают соседние города, и редко встретишь ферму, на крыше которой не торчала бы телевизионная антенна.

Впрочем, эти приметы современной цивилизации не всегда и не обязательно свидетельствуют о подлинной культуре. Взять хотя бы для примера ферму, в которой Джек Лондон провел последние полтора десятка лет своей жизни. Казалось бы, здесь путешественник вправе искать бережно охраняемый заповедник, знак уважения к памяти одного из величайших писателей Америки. Вместо этого он встретит имя Джека Лондона на вывесках и рекламах местных ресторанов и гостиниц. Что же до его старого ранчо, то оно огорожено столбами с табличками, на которых недвусмысленно значится: «Проезда нет». Развалины «волчьей норы» — хижины, не достроенной писателем и сгоревшей незадолго до его смерти, поросли густым бурьяном и в мрачном одиночестве глядят с холма на долину. Замок висит на дверях маленького сборного домика, где Лондон написал некоторые из лучших своих произведений; и мало кто может увидеть его рабочую комнату, оставшиеся рукописи, библиотеку из пяти тысяч книг, стол, за которым он писал. На протяжении последних лет племянник Джека Лондона, владеющий его фермой, несколько раз возбуждал ходатайство перед властями штата о превращении ее в музей. «Исторический музей? — удивился не так давно один местный чиновник, к которому обратились еще раз по этому поводу.— А в чем, собственно говоря, историческое значение этого места?» Другой видный представитель властей штата спросил с сомнением: «А этот парень, Джек Лондон, был не из экстремистов?»

В конце концов, уступая решительным настояниям, власти штата Калифорния объявили о том, что в принципе ими решено учредить мемориальный музей в том месте, где жил Джек Лондон.

Пекин — Бухарест — Вашингтон — Глен Эллен

Пока мы устраивались с семьей в Глен Эллене, большая часть нашей корреспонденции, естественно, продолжала идти по старому нью-йоркскому адресу. Но вдруг из Пекина пришла адресованная мне телеграмма с точным адресом: «Хенно Роуд, Глен Эллен». Телеграмма приглашала меня приехать на празднование в Китае 250-летия со дня рождения Бенджамина Франклина. Прошло еще несколько дней — новое приглашение: меня зовут в Румынию, на юбилей одного из старейших румынских театров.

Есть старая пословица: если бы желания превратились в лошадей, беднякам было бы на чем ездить. Пословицу, исходя из современных условий, можно перефразировать так: имей прогрессивный американец заграничный паспорт, он мог бы побывать в чужих краях. Как я уже однажды писал, у меня этого документа нет с 1950 года.

Мне пришлось теперь снова обратиться с просьбой о выдаче заграничного паспорта. Я получил опросный лист, в котором среди других пунктов значился вопрос: был ли я когда-либо членом коммунистической партии? В перечне содержалось также предложение подтвердить свое обязательство быть верным конституции Соединенных Штатов. Я сказал, что уже давно и безоговорочно принял на себя это обязательство и поэтому не хотел бы нарушать свою верность конституции тем, что стану отвечать на вопросы, противоречащие этой самой конституции. Стоит ли добавлять, что мне не было разрешено поехать ни в Пекин, ни в Бухарест?

О дружбе

С этой женщиной средних лет, со строгим, немного суховатым выражением лица мы заговорили случайно вскоре после приезда нашей семьи на западное побережье. Она оказалась вдовой, с тремя детьми, учительницей истории в местной школе. Родом она была из старой калифорнийской семьи, строго придерживалась консервативных принципов республиканской партии. Узнав, что мы присматриваем себе жилье, она тут же предложила помочь нам: она с детства жила в Лунной долине и знала всю округу как свои пять пальцев. Потом мы часто встречались с ней, подружились.

Однажды я ей сказал:

— Вы, по-видимому, не знаете обо мне некоторых вещей. Меня не очень жалуют в министерстве юстиции и в комиссии Истлэнда. Если бы вы прочитали некоторые мои книги, вам стало бы ясно, по какой причине. Может быть, это не так уж хорошо для вас — часто бывать у нас? Вы ведь все-таки преподавательница в государственной школе.

— Вы хотите сказать, что вы из левых? — спросила она.

Я ответил, что она не далека от истины.

— Видите ли, мне, правду говоря, наплевать на то, каковы ваши политические взгляды. Просто вы мне нравитесь. И никому нет дела, каких друзей я себе выбираю. А что касается моей должности, то это уж моя забота.

Она добавила, что не прочь прочитать какую-либо из моих книг. Я дал ей экземпляр «Измена родине».

Возвращая книгу, она сказала, глядя на меня своими строгими глазами:

— Я вижу, что мне надо еще подучиться истории.

Дела страховые

Срок страховки моей автомашины истек. Я попросил местного страхового агента выдать мне новый полис. Агент запросил стра-

Сан-Франциско.

ховую компанию в Сан-Франциско. Через некоторое время я получил от агента путаное письмо, из которого можно было, однако, понять, что компания отказывает мне в выдаче нового полиса, поскольку она получила обо мне «сведения», «дисквалифицирующие» меня в качестве ее клиента.

Я позвонил в Сан-Франциско, в контору компании. Разговаривавший со мной служащий отказался что-либо сказать о природе полученных компанией «сведений». Я выразил предположение, что, поскольку за мной не числится автомобильных аварий, речь, видимо, идет о «сведениях» политического характера. Он не стал отрицать, что это именно так.

— Компания,— заявил он,— имеет право решать, какие лица в качестве объектов страхования подвержены повышенному риску.

Я обратился тогда к вице-президенту компании и спросил его, бывали ли в их практике случаи, когда они отказывали в страховке, не давая клиенту никаких объяснений.

— В некоторых случаях — да,— ответил он.— Видите ли, мы получили сведения о вас из конфиденциальных источников. Естественно, что мы не можем их назвать.

— Значит ли это, что у компании имеется аппарат приватного сыска, дающий сведения о политических воззрениях ее клиентов?

Он предпочел не отвечать на этот вопрос.

— Может быть, у вас есть такой обычай,— спросил я,— отказывать в страховке писателям, которые пишут книги на «спорные» темы?

— Возможно, что в данном случае это было решающее обстоятельство,— ответил он.

Картинки из жизни

Однажды я разговорился с одним человеком, сухопарым и с какой-то удивительной манерой бесконечно растягивать слова. Он поведал мне, что лучшее времяпрепровождение для него — охота. Я посоветовал ему побродить по лесу, который начинается позади нашего дома. Назавтра он пришел к нам и сказал, что в лесу действительно много следов зверя. Мы предложили ему чашку кофе.

Помолчав, он спросил меня, чем я занимаюсь. Я ответил.

— Ага, значит, вы писатель? — заметил он, растягивая слова.— Вот оно что... Послушайте, я знаю одну историю, из нее можно сделать хорошую книгу. Ее прочитала бы целая куча людей. Я-то сам не умею писать книг. Но могу рассказать эту историю вам, а вы уж напишете, как надо.

Я поинтересовался, что это за история.

— Видите ли, я приехал с Юга, из Теннесси,— начал он.— Можно, я думаю, написать книгу о том, что там происходит... Ну, об этой кутерьме, которая идет там, на Юге, со школами. Я все видел собственными глазами.

— Что же вы видели? — спросил я.

— Черт побери! — воскликнул он.— Там эти черные, как они называются... Ассоциация цветных, что ли... Они хотят, чтобы черные дети ходили в школу вместе с белыми. Я думаю, это они делают для того, чтобы вызвать беспорядки, правда ведь?.. По-моему, черномазым ребятам надо знать свое место...

Я объяснил гостю, как я и моя семья смотрим на эти вещи. Любитель охоты не являлся больше промышлять зверя...

Через несколько дней меня остановил на улице незнакомый прохожий, упитанный, с седыми волосами. Он отрекомендовался местным лавочником.

— Я слыхал, что вы недавно поселились тут у нас и что вы писатель,— сказал он.— Вы пишете и статьи для журналов?

Я сказал, что иногда пишу.

— Тогда вы тот самый человек, которого я ищу! — воскликнул он.— Вы просто не знаете, как вы мне нужны!

Я удивился его горячности и спросил, в чем дело.

— Года два назад,— торопясь, заговорил он,— я переехал на Юг. Открыл лавку в маленьком городке в Алабаме. Я, видите ли, всегда считал так: все люди есть люди. Насчет цвета кожи — до этого мне было мало дела. По мне черный и белый — одинаковые покупатели... И вот, знаете, что со мной приключилось? Мне пришлось убраться из этого города, вот что!

О климате

Знаменитый наш ботаник и селекционер Лютер Бёрбанк, который жил и развел свой изумительный сад по соседству с нами — в городе Санта-Роса,— писал:

«Я твердо убежден, что в природном отношении этот край наилучший из всех, которые я видел на земле. Климат здесь неизменно превосходный. Все время словно стоит весенний день».

Надо сказать, что политический климат этих мест оказался более изменчивым. В середине 30-х годов здесь бушевал дикий террор против трудового люда. Газета «Санта-Роса пресс демократ» напечатала в те времена на первой странице отчет о «ночи расправ» с обнищавшими фермерами, которые попытались организовать союз; автор статьи с гордостью рассказывал о том, как толпа вооруженных «виджилянтов», к которым он принадлежал сам, выбрасывала организаторов фермерского союза из их домов, зверски избивала их, волокла по улицам Санта-Роса и в конце концов выгнала вместе с семьями из города.

Теперь «климат» несколько иной. Профсоюзы сейчас — признанный институт в городской общине, и профсоюзных организаторов не травят больше открыто как «коммунистических агентов». Недавно в Санта-Роса был заснят фильм «Центр бури», героиня которого, библиотекарша, отказывается изъять из местной библиотеки «коммунистическую литературу». Мы с семьей смотрели в кинотеатре в Санта-Роса этот фильм. Многие из зрителей встретили финал картины аплодисментами. «Санта-Роса пресс демократ» напечатала весьма сочувственный отзыв о картине, а заодно интервью с библиотекаршей местной общественной библиотеки. Она сказала, что люди вправе читать то, что им нравится.

Золотые ворота

В сорока милях к югу от Глен Эллен, на повороте широкого шоссе, спускающегося с зеленеющих гор, неожиданно встает перед вами панорама города Сан-Франциско, раскинувшегося, как пена огромной волны, на нескольких холмах. Я не знаю в Соединенных Штатах более красивого города. Проносясь по мосту «Золотые ворота», который парит, как гигантская птица, над сверкающим заливом, вы чувствуете вдруг, словно вы на корабле, в океане...

Но взгляните в другую сторону! Там на отвесной скале, омываемой сердитым прибоем, маячат темно-желтые стены воздвигнутой людьми цитадели страданий и боли. Это тюрьма Алькатрес. За одним из этих решетчатых окон, в одной из сырых бетонных пещер, томится в неволе Мортон Собелл, приговоренный к тому, чтобы отдать тридцать лет жизни, так как отказался продать свою душу за тридцать сребреников.

И спрашиваешь себя: сколько стоять чудовищному зданию несправедливости, частица которого — это тюрьма?

«Фундамент этого здания — вот что меня интересует,— писал Джек Лондон.— Когда-нибудь, когда у нас будет немного больше рук и крепких ломов, мы опрокинем его, опрокинем вместе со всем его чудовищным эгоизмом и грубой животностью... Мы очистим подземелья и построим для человечества новое жилище... В нем каждая комната будет просторна и светла, а воздух, которым наполнятся наши груди, будет чист, прозрачен и живителен».

Писатели и книги

Шурка становится большим...

Прошло то время, когда маленький Шурка боялся темноты, когда серые тучи казались ему мокрыми оскаленными мордами волков и когда он мог горько заплакать из-за пустяка. Ушел на фронт отец и унес с собой часть Шуркиного детства...

По-прежнему осталась у Шурки безудержная детская фантазия, по-прежнему может мечтать он о подвигах на войне и о «чуде», но в его детский мир все настойчивее врывается тяжелая и сложная жизнь взрослых. Уже давно нет вестей от отца, и в тревожно-печальных глазах матери постоянно читает он то самое непоправимое, о чем с ужасом иногда думает и сам, но не хочет, не может сказать вслух.

Шурка повзрослел. И раньше он не любил Двухголового, но теперь его ненависть становится более осмысленной. «Всегда этот Двухголовый встает мне поперек дороги,— думает Шурка...— Везет богачу... Всем им, богатым, всегда везет, живется хорошо».

Многое еще не понятно Шурке. Оказывается, война — это не красивое геройство. «Будь она проклята и тот, кто затеял ее...» — говорят мужики...

И самое интересное то, что Шурка интуитивно чувствует правоту таких людей, как Прохор, Сморчок, Никита, Матвей, и всем своим существом тянется к ним, тянется так же просто и естественно, как к ясному солнышку, к красавице Волге.

Больше всего удивляет Шурку, что в деревне все, «даже бабы... горюют не только о том, что тяжело без мужиков жить, пропали сахар и крендели, но и о том, что худо русскому царству».

Не только Шурка, но и другие герои повести на многое смотрят теперь иначе. Гнев народный накопился и вот-вот плеснет через край. «Не балуй, ваше благородие! — говорит стражник, удерживая руку офицера, намеревавшегося выстрелить в Шуркиного отца.— У нас ведь тоже эта игрушка есть...»

Тяжело живется героям повести. Автор не боится обнажить самые страшные язвы жизни. Нельзя без боли и гнева читать о разбитой параличом Насте-королевне или о том, как, спотыкаясь, ползет к своему дому безногий Шуркин отец. И все же автор верит в завтрашний день, в открытие нового, справедливого мира. Отсюда такое светлое, оптимистическое звучание повести, такими ясными, чистыми красками написана она.

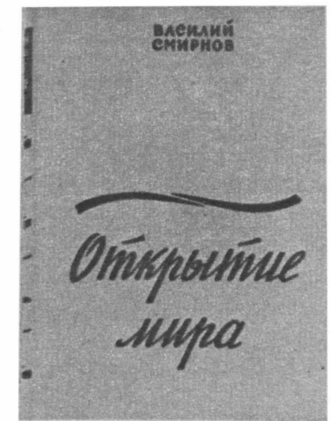
Смирнову бесконечно дороги простые люди труда, писатель превосходно знает русскую деревню. Не спеша ведет он повествование, не подталкивает своих героев. Они сами спокойно и уверенно ходят по страницам повести и не торопятся целиком высказаться перед читателем. Впереди у них трудная дорога борьбы, которая полностью раскроет их характеры.

Задушевностью и обаянием проникнуты строки, посвященные русской природе. Она у Смирнова живет и дышит, органически сливается с героями книги, подчеркивает их настроение. Как перекликаются тяжелые думы Шурки об отце с тем, что он видит за окном школы: небо и сосны и длинные синие тени от них. Казалось, «...одна росла в небо и каждой иголочкой жила и сияла, а другая, переломленная, упала и, как мертвая, тенью вытянулась по луговине... Словно человек лежал на земле, раскинув руки».

Читая повесть, кажется, чувствуешь запах мокрой луговой травы, душистого сена, едкий запах риги, «полный жара, сласти и горечи». Только у Смирнова хлеб пахнет «медовым пряником», а снег — «яблоками и леденцами».

С нетерпением ждут свое «завтра» Шурка и другие герои книги, остановившиеся на пороге открытия нового мира. Читатель тоже с нетерпением ждет «завтра» — новой части «Открытия мира», над которой писатель сейчас работает.

В. БЕЛЕЦКАЯ

Василий Смирнов. Открытие мира. Повесть. Книга вторая. 1956. Изд-во «Советский писатель». 414 стр.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

В редакцию «Огонька» пришло письмо от китайского студента Чжан Да-кэ, который учится в МГУ на филологическом факультете.

«Недавно в газете «Женьминьжибао» я прочел маленький рассказ,— писал Чжан Да-кэ.— Автор его был свидетелем дружбы простого старика и представителя советского народа. Я перевел этот рассказ на русский язык и посылаю вам вместе с номером газеты мой перевод».

Мы прочли эту заметку, которую написал китайский журналист У Лань-хань, сопровождавший в Пекине советских гостей, среди которых был писатель Борис Полевой. Мы узнали, что заметку перепечатали восемнадцать газет народного Китая, и решили познакомить читателей «Огонька» с этой маленькой, но такой значительной историей.

...Советские гости бродили по пекинскому базару Тянь Чао, что значит в переводе «Небесный мост». В одном из рядов сидел на корточках старик и продавал репу.

— Ай да репка, слаще груши! Сначала попробуй, потом покупай! — зазывал старик.

— Пойдем купим парочку! — предложил Полевой.

«Пожалуй, впервые в жизни старика иностранцы покупали у него репу,— говорится дальше в «Женьминьжибао».

Когда Полевой собрался платить, старик вдруг спросил:

— Это старший брат из Советского Союза?

У Лань-хань кивнул головой.

Старик сразу прибавил:

— Скажи ему, что китайцы и советские — это люди одной семьи. Не надо платить. Я ему дарю.

И старик своими большими руками взял руку Полевого и потряс ее, будто этим движением хотел как можно лучше выразить свои чувства.

Советский писатель не захотел принять этот подарок, хотя он и недорогой, но для старика, продающего репу,— это то, чем он живет. Тогда продавец, увидев, что на плече у Полевого висит фотоаппарат, сказал ему:

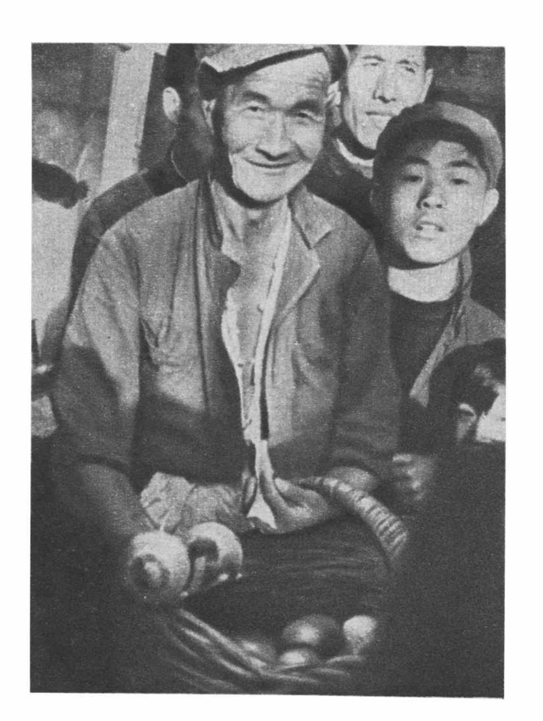
— Давай так. Сфотографируй меня. Я стар и не могу поехать в Советский Союз. Если ты снимешь меня, я вместе с тобой окажусь в Советском Союзе. Тогда я увижу самую счастливую страну на свете!

Щелкнул фотоаппарат...»

Заметка У Лань-ханя в «Женьминьжибао» кончается такими словами:

«Я не знаю, были ли мокрыми мои глаза, но мне показалось, что в глазах у этих двух людей сверкнули слезы».

В своем письме в «Огонек» студент Чжан Да-кэ спрашивает, есть ли у Бориса Полевого фотография старика и нельзя ли ее опубликовать в журнале. Мы выполняем это пожелание, давая возможность читателям увидеть еще одного из бесчисленных китайских друзей Советского Союза — старого торговца репой на пекинском базаре «Небесный мост».

31 марта на тбилисском стадионе.

НАЧАЛО БОЛЬШОГО ФУТБОЛА

В Тбилиси весна началась рано. Уже настолько потеплело, что расцвели деревья, начали набухать почки. Но вдруг март сделал свое коварное дело: подули холодные ветры, и однажды утром весь город и окружающие его горы оказались под снежным покровом. Недаром грузинская поговорка гласит: «Когда март впереди, зиму нельзя ни хвалить, ни ругать».

Вот почему с особым волнением ждали болельщики хорошей погоды к предстоящему первому матчу на первенство СССР. Однако последний день марта не подвел ни зрителей, ни игроков: день выдался отличный.

Погода, видимо, не в малой степени способствовала тому, что на каждом перекрестке слышался один и тот же вопрос:

— Билетик есть?

Но разве может поместиться на стадионе весь город? И, конечно, многим пришлось довольствоваться радиопередачей. Счастливые же обладатели билетов уже за несколько часов до начала матча потянулись к стадиону.

Тбилисцы уважают и любят команду московского «Спартака», и не только потому, что это команда международного класса, но и потому, что спартаковцы отличаются исключительно корректной игрой. И вот свисток судьи. Команды выходят на поле, и капитаны И. Нетто и А. Гогоберидзе под звуки гимна поднимают флаг футбольного сезона 1957 года.

Игра началась стремительными атаками с обеих сторон. Мяч молниеносно переходил с одного конца поля на другой, но тбилисцы играли увереннее, и у ворот «Спартака» возникало немало опасных моментов. И все же честь открыть счет выпала чемпиону страны: Сальников точно и быстро срезал мяч головой в ворота динамовцев. Тбилисцы не растерялись. Они продолжали слаженную и напористую игру, и на двадцатой минуте Чкуасели примерно с двадцати метров сильным ударом сквитал счет. Но разве можно описать все подробности этой игры и разве ее конечный результат — 2 : 1 в пользу спартаковцев — определяет ту радость, которую она нам доставила? Для болельщиков как той, так и другой команды 31 марта было большим праздником: начало большому сезону положено!

А. БЕЛИАШВИЛИ

Тбилиси.

А. Исаев в борьбе за мяч. Фото В. Джейранова.

И. Нетто и А. Гогоберидзе поднимают флаг футбольного первенства.

Рабочие чествуют писателя

Чтобы отметить шестидесятилетие Василия Павловича Ильенкова, в клубе московского завода «Компрессор» собралось более 800 читателей, друзей писателя и представителей общественности столицы.

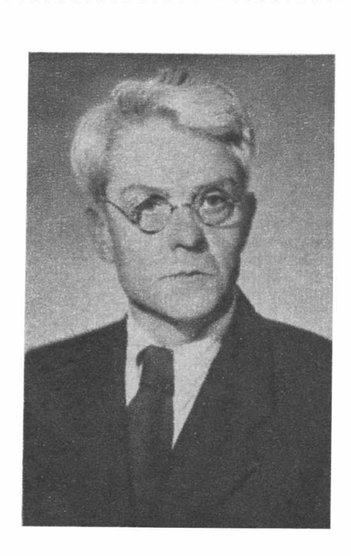
Вечер открыл Борис Полевой. Во вступительном слове Александр Исбах обрисовал творческий путь писателя.

Василий Павлович Ильенков — один из тех писателей, которые не только рождены революцией, но были ее участниками, бойцами, строителями уже в первые годы Советской власти. Сын сельской учительницы, Ильенков с детских лет вкусил той горечи, которой была полна народная жизнь в старое время.

Его известные книги «Ведущая ось», «Солнечный город», «Большая дорога», многие рассказы популярны у советских читателей. Произведения В. Ильенкова известны за рубежами нашей страны; они переведены и изданы в новом Китае, Чехословакии и Румынии, в Болгарии и Германской Демократической Республике, в США.

Юбиляра приветствовали работники завода «Компрессор», Балашихинской текстильной фабрики, представители писательских организаций.

Ст. ИВАНОВ, редактор заводской газеты «Машиностроитель»

Ольга **ПОЗДНЕВА**

Рисунки В. ГАЛЬБА.

Середина ноября — это, конечно, не лучшее время на Черноморском побережье. Но ревизор Касаткина все-таки радовалась своей командировке на строительство нового санатория возле Сухуми. Десять южных дней вместо серепьких московских! Море, платаны, хурма...

Правда, с нею в одной бригаде оказалась и ревизор Надежда Пахомова, которую в министерстве звали анчаром за ядовитый характер и ехидство, но Любовь Ивановна Касаткина легко с этим примирилась. Сплетни не могли коснуться ее превосходной репутации. К тому же, немолодая, всегда усталая, молчаливая, она не представляла художественной ценности и с точки зрения завсегдатаев сухумского пляжа.

Ревизоры приехали в жаркий день. Осмотрев площадку и строительные леса будущего санатория, Касаткина прибежала в гостиницу, открыла окна, сбросила свои одежды и легла отдохнуть. Все получалось так хорошо, что ей даже хотелось запеть. Она уже было открыла рот, но дверь ее номера вдруг распахнулась, и в комнату влетел незнакомый, тощий, как шест, мужчина в оранжевой пижаме. Он быстро запер за собой дверь.

«Вор!» — подумала Любовь Ивановна и обмерла. Прикрытая одной простыней, она даже не могла вскочить и позвать на помощь. Сердце у нее застучало. Незнакомец в пижаме, даже и не взглянув на нее, ринулся к умывальнику, стоявшему за дверью, и открыл воду. Вряд ли вор в такую минуту стал бы заниматься личной гигиеной. Конечно, он принял ее номер за душевую, а она находилась напротив, где кадка с пальмой. Касаткина кашлянула и в страхе натянула простыню на голову.

Незнакомец подпрыгнул, как тушканчик, и панически рванулся к двери. Щелкнув замком, он чуть не сшиб на пороге ревизора Пахомову, входившую со словами «Ну, как ты тут, Люба?», толкнул ее острым локтем в ключицу и опрометью выскочил в коридор. Пахомова стояла посреди комнаты, со скрытой радостью глядя на смущенную Касаткину. Лицо ее постепенно принимало то кроткое и достойное выражение, с которым она по мере сил разоблачала пороки своих ближних.

Вернувшись из командировки, Пахомова с утра обходила министерский лабиринт и озабоченно заглядывала во все двери, спрашивая:

— Слыхали? Это же страницы из «Декамерона»! Вот вас, товарищ Хвостиков, теперь не посылают на юг, будто бы вы там безобразно себя ведете. А она? Это как называется?

— А он интересный? — допытывались юные секретарши с прическами «лошадиный хвост». — Может, он похож на Жерара Филипа?

— Да, как бы не так: чучело по всем статьям! И душа у него гадкая, змеиная. Он потом и не здоровался с Любой. Ей-богу. Я даже остановила его на лестнице и говорю: «Нехорошо, молодой человек! Люба из-за вас теперь авторитет потеряет. У нее может семья рухнуть. Вы, по крайней мере, осознали свой мерзкий поступок? Неужели у вас в душе ничего не шевелится?» А он: «У меня в душе шевелится дать вам щелчка. Но поскольку вы что-то вроде женщины, ограничусь советом: не налегать с утра на «Букет Абхазии». А? Это мне! Ну я, конечно, сообщила обо всем его начальству и наверх написала, большим людям. Ответа пока нет».

Любовь Ивановна видела насмешливые, злые, удивленные взгляды, но ничем на них не отвечала, только еще больше поникла.

Зимой сухумский анекдот стал забываться. Но как-то, сидя за вечерним чаем, муж Касаткиной Лев Львович внезапно схватился за сердце и сказал, что ему нужно немедленно с ней объясниться.

— Люба, — начал он нервно, — мы прожили с тобой двадцать два ничем не омраченных года. Может, для кого другого это пустяки, а я намерен всегда помнить твои заботы. Я, слава богу, человек культурный, соки пью фруктовые. Я ведь не какой-нибудь вертун, не ловелас командировочный...

Любовь Ивановна молча и так пристально смотрела в окно, как будто никогда раньше не видела снега. Муж открыл домашнюю аптечку, выпил что-то из пузырька и вдруг крикнул изо всех сил:

— Любовь свободна! Надоели эти уздечки! Я имею право на личную жизнь. Моя личная жизнь принадлежит лично мне. По-твоему, она некрасива, по-твоему, у нее спина коромыслом, а для меня она все!

Отдышавшись, Лев Львович опять порылся в аптечке, сделал комбинацию из трех порошков и сказал уже спокойно:

— Суди меня, Люба, как хочешь, но я ухожу к ней.

— Да к кому к ней? Ты можешь толком сказать?

— К Надежде Карповне Пахомовой. Мы долго скрывали наше чувство. Но когда я узнал, что и ты... что и на твоем пути... Одним словом, я дал тебе столько счастья, сколько мог. Из подписных изданий я возьму только Майн Рида. А БСЭ и швейную машинку оставлю тебе.

Во время хлопот по обмену жены и адреса Касаткин не услышал от Любови Ивановны ни слова упрека. Оставленная жена даже помогала сносить в грузовик вещи. Глядя, как она, задыхаясь, тащит по лестнице картину «Пир Валтасара» в грузной багетовой раме, Касаткин почувствовал такую жалость, что у него заболели зубы, и сказал ласково:

— Не надрывайся, Люба. А то еще заболеешь и я же буду плох. И так со всех сторон корят.

В министерстве к Любови Ивановне стали относиться с нежностью. Сотрудники пилили друг друга: вот, мол, потакали пахомовскому ехидству, а что вышло? С бывшей Пахомовой, теперь Касаткиной, никто не хотел говорить, и она перешла в другое учреждение.

Как-то зимой Любовь Ивановна неожиданно для всех пригласила своих сослуживцев в гости отпраздновать день ее рождения. Они согласились больше из вежливости, чем в надежде на веселье. Какое уж тут веселье в разоренном гнезде брошенной жены? А пойти нужно было просто по долгу службы.

Дверь им открыла дама, и они не сразу узнали в ней свою всегда усталую и озабоченную соратницу. Они с тупым изумлением смотрели на нее и думали, что если завтра в министерстве рассказать о том, как их встретила эта совсем другая, новая Любовь Ивановна, изящная, смеющаяся, то ведь не поверят. Сияющие глаза у Касаткиной? Нет, никто не поверит...

Она усадила растерянных гостей за стол, на котором мигали длинными ресницами тепличные хризантемы, и сказала им речь не речь, а именно то, что от нее ждали:

— Как я рада, что вы здесь! Вы шли по долгу дружбы. Я знаю, вы смотрите на меня, как на жертву, а я радуюсь сейчас каждому своему дню. По скрытности я всегда молчала о том, какая нудная, противная у меня была жизнь. Мой Лев Львович... Более скверного, тиранического характера я себе не представляю. У меня сейчас такое чувство, будто я много лет несла на своих плечах тяжелый мешок с песком. И вдруг он упал.

Тут пришлось сделать перерыв, так как начались тосты один лучше другого.

— Не было дня, — страстно продолжала раскрасневшаяся хозяйка, — ну ни одного дня, чтобы он не нашел, к чему придраться. Молчишь — плохо, ответишь — еще хуже. А болезни! Каких он только не придумывал себе болезней! Один раз даже вообразил, что у него начинается лихорадка, которую заносит африканская муха цеце! Ну откуда у нас на Песчаной взяться этой мухе цеце? С утра, бывало, ноет и тянет лекарства. А скупость, мелочность... Нет, тяжелый крест взяла Надя Пахомова, что уж там...

Больше говорить ей не дали. Гости шумели, хохотали.

Начальник отдела Бирюков, человек очень серьезный и даже мрач-

ный, потребовал, чтобы отодвинули стол, и плясал на казацкий манер, с присвистом и выкрутасами.

Уже далеко за полночь позвонил телефон. Любовь Ивановна взяла трубку и как-то съежилась. Гости вдруг увидели прежнего, унылого, немолодого ревизора Касаткину. Нельзя было поверить, что минуту назад она чокалась и пела «Снился мне сад». Они с тревогой подошли, а она неподвижно смотрела на телефонную трубку, почему-то лежащую на стуле.

— Это Лев Львович, — деревянно произнесла Любовь Ивановна.

— А что ему нужно?

— Сказал, что хочет вернуться. Сказал, что ошибся и терпит адские муки. Надя его не зовет иначе, как червивой сыроежкой... Еще что-то говорил...

— Ну, а вы-то как?

— Ни за что! Я... Я убегу. Умру в одиночестве.

— Незачем вам умирать! — отозвался с дивана измученный пляской Бирюков. — Я сам с ним поговорю. Хотите, скажу, что я ваш жених? Он и отстанет. Вот увидите.

Такой ход был всеми одобрен. Бирюков взял заверещавшую трубку и спросил мрачно:

— Вам кого?.. Ах, Любовь Ивановну? А она не подойдет. Я ей не разрешаю... А очень просто, потому что я ее жених... Что значит какой? Обыкновенный, такой, как все женихи. Должен вам сказать, молодой человек, что я расцениваю ваш демарш, как нахальство. Вы звоните в чужой дом ночью, врываетесь в наш дружеский, интим...

Гости знаками выразили одобрение, и, гордый успехом, Бирюков прибавил жару:

— Звонить сюда я запрещаю. Бросьте эту моду — подбираться к чужим невестам. Я хоть и с бумагами маюсь, но все же родом из донских казаков, а у нас насчет невест строго. Так что... А жаловаться вам теперь поздно. Лай не лай, а хвостом виляй.

В трубке жалобно звякнуло.

Веселье больше ничем не омрачилось. Правда, кое-кто выпил лишку, и снизу приходили со слезной просьбой не плясать так над люстрой, а то ведь дом-то новый и мало ли что может быть.

Но ведь это мелочи, пустяки, разве они могут испортить хорошее настроение?

КОРОТКИЕ БАСНИ

Сергей СМИРНОВ

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

ПЕСЕНКА ПЧЕЛЫ

Пчела,
росинки утерев с чела,
Поет в зеленых травах и ракитах:

— Я с цветами на «ты»!
«Пусть цветут все цветы»,
Кроме ядовитых!

ЦЕНИТЕЛЬ ПРЕКРАСНОГО

Он
это лето
проводил в Крыму.
Прекрасный лавр
понравился ему.
— О боже! — изрекли его уста. —
Как много здесь...
лаврового листа!

ПТИЦА КАКАДУ

Ходит птица
Какаду,
Строит глазки на ходу.

Так пестра ее косица,
Так сверхмодно платьице,
Что
милиция косится
И... машины пятятся.

САМОУТЕШЕНИЕ

Верит Грязь,
На улице искрясь,
Что
Алмаз —
Не для широких
масс.

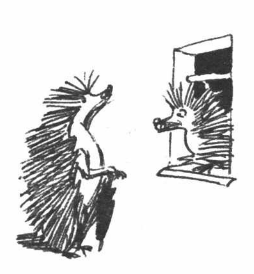
ЮНЫЙ НИГИЛИСТ

Глядит
сквозь черные очки.
На все хорошее:
— Апчхи!!!
Вся жизнь ему наскучила.
Не человек,
а чучело.

НЕВИДАЛЬ

— Заходи! —
промолвил Еж
Ежу. —
Я тебе...
иголки покажу.

ВУНДЕРКИНДЫ

(Чисто материнское)

Прогоготал Гусенок:
— Го-го-го!..
Гусыня-мама хвалится:
— Ого-о!
Какой талант
у сына мо-ег-го-о!.
А мама Утка
Улыбнулась чутко
и говорит:
— К чему хвалиться зря!
Вот мой Утенок —
да! —
вун-дерк-утенок!
Он лучше всех прокрякал:
«Кря-кря-кря!»

ПОЭТ-ВАЛЕРЬЯНЕЦ

Опять
сидит «под мухой»
Кот.
Он
валерьянку
пьет и пьет.
Ему
усы
отгрызла Мышь,
А он поет:
«Шуме-е-ел камы-ы-ыш!..»

ЖИРАФ НЕ ПРАВ

— Скажи,
молокосос Жираф,
Чего ты ходишь,
нос
задрав!
— Я всех животных
пе-ре-рос! —
Жираф ответил на вопрос.

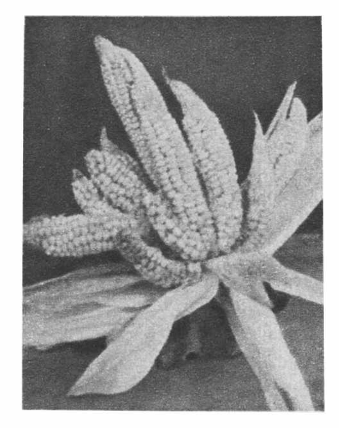

ХАНЖА

—Я — за! —
в глаза
сказал Ханжа.
А за глаза
зарезал...
без ножа.

Ветвистые початки кукурузы

Во время уборки кукурузы в колхозе имени Молотова, Фастовского района, Киевской области, на одном из растений было обнаружено целое «семейство», состоящее из одного основного початка и десяти окружающих его малых початков. Посылаю фотоснимок.

Чем объяснить такое явление у кукурузы?

гор. Фастов.

П. МЕЛЬНИК

С таким же вопросом обратились в редакцию читатели Г. Лейко (станция Шубар-Кудук, Актюбинской области), А. Кислов из Запорожья и другие.

Им отвечает академик Иван Вячеславович Якушкин.

У кукурузы ветвистые початки встречаются нередко.

Кукуруза принадлежит к раздельнополым растениям, то есть к таким, которые имеют два различных соцветия: мужское (метелку, или султан) и женское (початок). Иногда на мужском соцветии образуются женские цветки, из которых развиваются зерна, или же, наоборот, на женском соцветии появляются мужские цветки. Мужские цветки бесплодны, они содержат только тычинки. Эти факты свидетельствуют о том, что в далеком прошлом кукуруза имела обоеполые соцветия. Доказательством же общности происхождения метелки и початка могут служить и случаи появления ветвящихся початков, которые напоминают своим строением метелку, с той лишь разницей, что на веточках расположены вместо мужских цветков женские.

Причины появления в посевах кукурузы таких початков пока не выяснены. Опытным же путем, например, обработкой семян этиленовой водой, иногда удается искусственно вызвать у некоторых сортов кукурузы появление обоеполых соцветий и ветвистых початков. Относительно практического использования этого явления существуют противоположные мнения. Одни исследователи считают ветвистость признаком многоплодия, то есть ценным качеством, другие — отрицают практическую значимость этого явления. В литературе имеются данные о том, что систематическим отбором иногда удается закрепить в потомстве ветвистость початков, которая обычно образуется на растениях, хорошо обеспеченных влагой, питательными веществами и особенно светом. Ветвистость наблюдается у растений, хорошо освещенных на поле.

Академик И. ЯКУШКИН

Заметки зоотехника

УТЕНОК-АГРЕССОР

Студентка Клава Морозова проходила производственную практику в совхозе.

— Георгий Иванович,— обратилась она к главному зоотехнику,— я сейчас с птицефермы. Там один утенок странно ведет себя: других утят в воду не пускает, бросается на них, ну, прямо настоящий агрессор!

Зоотехник поехал на птицеферму.

Здесь для утят огорожен небольшой пруд, обнесенный сеткой. Весь день они купаются, ныряют, гоняются друг за другом. На берегу запруды поставлены кормушки.

На этот раз утята почему-то жались к берегу, а в центре запруды плавал лишь один утенок. Вскоре приблизился к нему кто-то из собратьев, «агрессор» бросился на него и клюнул. Утенок с писком пустился в сторону.

Одна деталь обратила внимание наблюдателей: утенок-«агрессор» вырвал молодое перо и проглотил его. Зоотехнику все стало ясно. В период, когда на утятах начинают расти молодые перья, они нуждаются в большом количестве белка, а в кормах его, видно, недоставало. Вот утенок и нашел выход из положения: стал вырывать перья у своих собратьев, чтобы пополнить недостаток в белке. Зоотехник дал указание сварить из снятого молока творог и покормить им утят. Известно, что творог очень богат белком.

Через два—три дня «агрессор» успокоился.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СОБРАНИЕ

Перекочевали гурты в горы на летние стоянки. Дойные коровы паслись на сочном горном пастбище.

Чтобы дойка и другие работы проходили в определенное время и начинались без опозданий, давался сигнал ударом в кусок рельса. Тогда все спешили на стоянку. Коровы тоже привыкли к такому сигналу...

Однажды приехал на стоянку председатель рабочего комитета Иван Савельевич. Решил он провести собрание с животноводами.

Было часов одиннадцать, все животноводы разошлись на перерыв. Нашел Иван Савельевич бригадира Раимкула и попросил его собрать людей, а сам пошел в красный уголок. Сидит, ожидает. Ему показалось, что Раимкул долго собирает людей. Он вспомнил про сигнал, подошел к рельсу и давай трезвонить. «Вот теперь все услышат!» — подумал Иван Савельевич. Сигнал подействовал. Со всех сторон показались доярки, телятницы... Но звон услышали и коровы на пастбище. Из-за бугра показалась одна корова, за нею—другая, и вот все стадо уже спускалось к стоянке. Доярки прибежали их встречать, чтобы расставить по стойлам, затем стали давать подкормку. Где уж тут проводить собрание! Моторист Леня тоже явился по звону и стал заводить движок агрегата механической дойки.

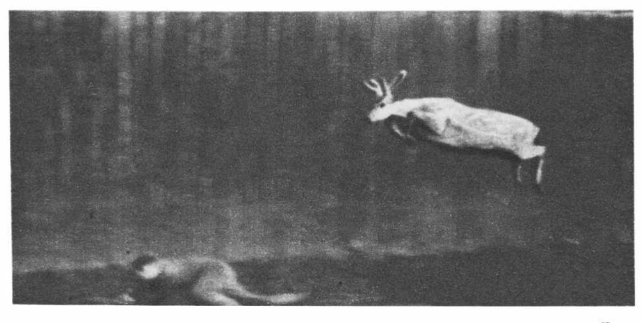
— Что же ты наделал, Иван Савельевич? — говорит Раимкул.— На целых два часа раньше дойку организовал, весь порядок нарушил!

С досады Иван Савельевич не стал дожидаться окончания работы и поехал на другую стоянку. Видимо, он плохо знал учение академика Павлова об условных рефлексах.

Г. ЧЕРНОВ

Алма-Ата.

ПРЫЖОК ОЛЕНЯ

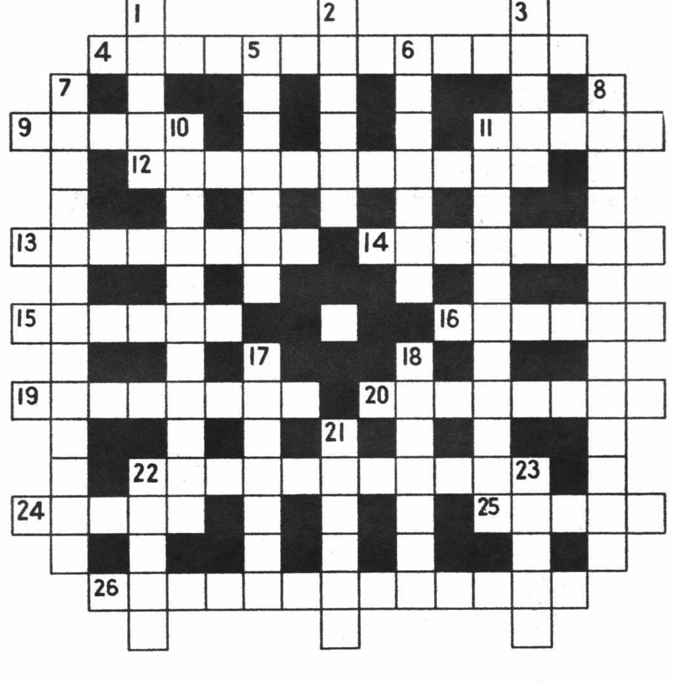
Пятнистый олень — красивое, грациозное животное. Будучи испуган, он бежит, не сворачивая со своего пути, и иногда перепрыгивает высокий забор.

Во время сортировки оленей по степени готовности пантов к срезке один олень на бегу прыгнул через оленевода, который в этот момент бросился на землю. Олень, благополучно перелетев через человека, продолжал бег.

Мне удалось сфотографировать момент прыжка.

Зоотехник В. ИГНАТЬЕВ

Шебалинский оленесовхоз.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Выдержка, хладнокровие. 9. Форма глагола. 11. Порт в Греции. 12. Народная песня. 13. Болгарская разменная монета. 14. Народный артист СССР. 15. Река в Чехословакии. 16. Выпуклое изображение. 19. Полуостров на юге Азии. 20. Умеренный темп в музыке. 22. Творческая переработка произведений художественной литературы для кино. 24. Голос в музыкальной партии. 25. Утес. 26. Способность растений противостоять морозам.

По вертикали:

1. Обещание. 2. Спортсмен. 3. Государство в Азии. 5. Отправка. 6. Вид трехсложного стиха. 7. Основательность, прочность. 8. Станция, вырабатывающая энергию для отопления. 10. Небольшая певчая птица. 11. Закономерное совместное нахождение групп минералов в земной коре. 17. Принадлежность сцены. 18. Кисточка. 21. Курорт в Крыму. 22. Химический элемент. 23. Основное население одной из автономных республик.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

4. Калиброметр. 6. Превосходство. 9. Перу. 10. Гаага. 12. Рубо. 13. Нота. 15. Барс. 17. Агава. 18. Асача. 19. Домра. 20. Парк. 22. Икар. 24. Ниша. 25. Армия. 26. Азия. 29. Беллинсгаузен. 30. Автомотриса.

По вертикали:

1. Слово. 2. Крахмал. 3. Текст. 4. Коршун. 5. Реверс. 7. Перигелий. 8. Аберрация. 10. Гагарка. 11. Абхазия. 14. Опара. 16. Радда. 20. Пасека. 21. Смыслов. 23. Ракета. 27. Клеть. 28. Турин.

НОВОЕ В БИОЛОГИИ

Размножение «видов».

Рис. М. Ушаца и К. Невлера.

На вкладках этого номера: репродукции картин Ф. А. Малявина «Девка», И. И. Шишкина «На берегу моря», Г. Г. Мясоедова «Земство обедает», В. Н. Мешкова «Зубоврачевание» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ,

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление Л. Шумана.**

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00768. Подписано к печати 3/IV 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 301. Заказ 790.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Ю. Д. Коровин. РЕПЕТИЦИЯ.

↓ ЗИМА.

Цена номера 3 руб.